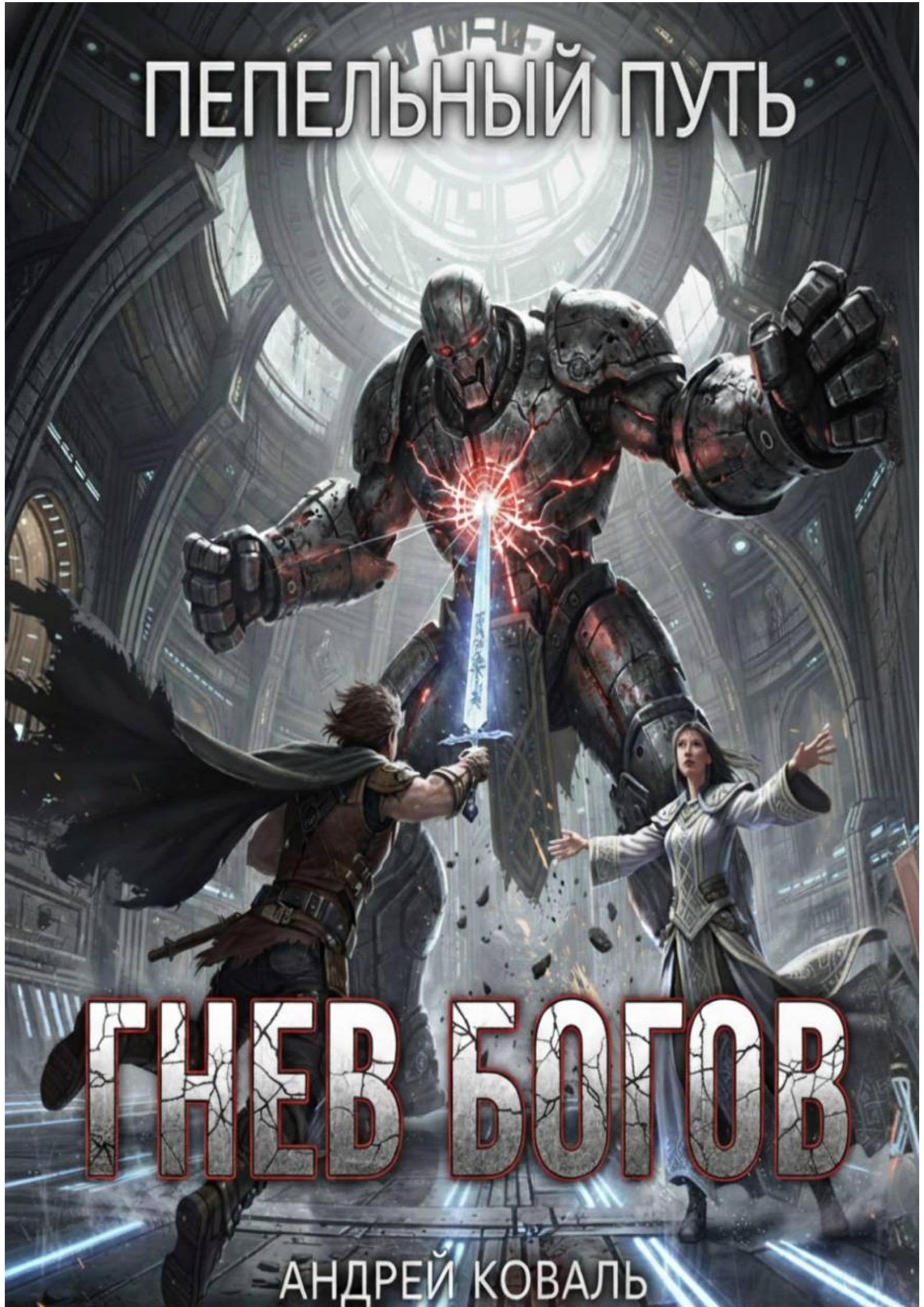

ПЕПЕЛЬНЫЙ ПУТЬ

ГНЕВ БОГОВ

АНДРЕЙ КОВАЛЬ

Андрей Коваль

Пепельный путь. Гнев богов

«Автор»

2026

Коваль А.

Пепельный путь. Гнев богов / А. Коваль — «Автор», 2026

Посмели бросить вызов богам. Высшие не потерпят такого. Лекс и его соратники выжили в Старом Городе, добыли запретные знания и вернулись с оружием, способным ранить аватаров. Их победа лишь разожгла гнев небес. Богиня тьмы и мести, отправляет в мир смертных то, чему нет имени, — воплощение чистой ненависти. Бароны, подстрекаемые Магистериумом, стЧтобы выжить, нужны союзники. Но пока он пытается объединить тех, кто веками враждовал, враг наносит удар из тени. Доверие подорвано, союзы рушатся. Единственный шанс — проникнуть туда, откуда не возвращаются, и найти то, что может остановить богов. Путь закрыт, ключ, не известно где. Пока герои ищут поддержки у эльфийских домов, а его верные друзья пытаются предотвратить неизбежное, Лекс готовит удар. «Гнев богов» — третья книга цикла «Пепельный путь». Эпическое фэнтези с техногенными тайнами Древних, хрупкими союзами и битвой, в которой люди впервые поднимают руку на небожителей.

© Коваль А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог. Гнев на небесах	5
Интерлюдия 1. Рождение тьмы	10
Акт I: Первый удар	13
Глава 2. Шёпот в стенах	19
Глава 3. Кровавая роса	25
Глава 4. Приманка для тени	31
Глава 5. Танец со смертью	37
Глава 6. Пепел победы	48
Интерлюдия 2. Воспоминание о Гнезде(Старый город)	55
Глава 7. Змеиное гнездо	58
Глава 8. Дорога без возврата	65
Глава 9. Память погибших звёзд	72
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Пепельный путь. Гнев богов

Пролог. Гнев на небесах

Месяц Ингвар, 2001 г. Э.С.

Время: Зимний вечер

Место: Небесные чертоги — орбитальная станция Древних, парящая в эфирной пустоте над Айросом

Время здесь текло иначе.

Секунды для смертных могли длиться вечность, а годы пролетать как мгновения — но боль и злобу, которую чувствовала Нергал, была вне времени. Она пульсировала в такт её гневу, разгоняя эфирные токи по всему залу, заставляя мерцать звёзды за прозрачными стенами чертогов. Этот ритм отдавался в камне, в воздухе, в самих мыслях — и вечный свет меча Азура на миг показался тусклее.

Небесный чертог — орбитальная станция Древних, парящая в эфирной пустоте над Айросом — никогда не был местом покоя. Семь кресел, окружавших пустой трон Верховного бога, хранили отпечатки сущностей своих владельцев: чёрный обсидиан, багровый металл, зелёный нефрит, грубый камень, тусклое серебро, живое дерево и нечто, напоминающее застывший свет. Каждое кресло помнило тысячелетия споров, интриг и редких моментов единства.

Сейчас единства не было. Был только гнев.

Нергал сидела в кресле из чёрного обсидиана, и её пальцы нервно барабанили по подлокотнику. От неё исходили волны ледяной ярости — они стелились по полу, поднимались к высокому сводчатому потолку, заставляли мерцать эфирные линии, пульсирующие в стенах. Она была прекрасна той особой, пугающей красотой, что заставляет сердца смертных замирать от ужаса и восхищения одновременно. Длинные чёрные волосы струились по плечам, глаза горели багровым огнём, а кожа отливала перламутром — наследие Аэтериев, которое она носила с гордостью.

— Он мёртв, — произнесла она. Голос её звучал тихо, но в этой тишине каждое слово падало, как камень в бездонный колодец. — Мой слуга. Моя воля в мире смертных. Вэл'Шан... мёртв.

Азур, восседавший в кресле из багрового металла, даже не шелохнулся. Бог войны и справедливости был массивной фигурой — широкоплечий, с коротко стриженными серебристыми волосами и глазами, в которых, казалось, горело вечное пламя. На поясе его покоился меч из чистого света — «Воздаяние», как называли его смертные. Спокойствие Азура было обманчивым; за ним чувствовалась сила, способная сокрушать армии. Но сейчас в этом спокойствии читалось нечто иное: он словно взвешивал слова Нергал на незримых весах.

— Я знаю, — ответил он. Голос его звучал ровно, без тени сочувствия или злости. — Это прискорбно. Но Вэл'Шан был всего лишь инструментом. Инструменты ломаются.

— Он был моим инструментом и только моим! — Нергал вскочила, и волна холода ударила по залу, заставляя даже вечность на мгновение содрогнуться. — И его сломали. Кто!. Люди!. Грязные, никчёмные тараканы под ногами, которые даже не умеют колдовать! Они убили его. Взяли в плен, а потом... — её голос дрогнул, но лишь на мгновение. — Потом я сама забрала его душу. Чтобы он не мучился. Чтобы не достался им. Что бы их скверна не запятнала его.

Лирна, сидевшая в кресле из зелёного нефрита, увитого живыми лианами, вздохнула. Богиня жизни, воды и семьи была полной противоположностью Нергал — мягкие черты лица, тёплые карие глаза, длинные русые волосы, в которые были вплетены живые цветы. Её кресло

пульсировало в такт дыханию самого мира, и от него исходило успокаивающее тепло. Но когда Нергал бросила фразу о «грязных однодневках», лианы на подлокотниках чуть заметно съёжились, словно от оскорбления.

— Ты могла оставить его живым, Нергал, — тихо сказала Лирна. — Он мог бы рассказать нам больше об этом человеке. О Лексе.

— Мне не нужны рассказы, — отрезала Нергал. — Мне нужна его смерть, мучительная смерть.

Вельгар, сидевший в кресле из тусклого серебра, небрежно крутил в пальцах светящуюся монету. Бог дорог, торговли и удачи выглядел безучастным — полулежа, с лёгкой усмешкой на губах, но взгляд его был цепким, как у сталкера, высматривающего добычу. Когда Нергал упомянула смерть, монета на миг замерла в воздухе, словно сама удача задумалась об исходе этой истории.

— Смерть, смерть, смерть, — протянул он, не прекращая крутить монету. — Ты всегда такая категоричная, Нергал. А этот Лекс... он ведь не просто бунтует. Он меняет правила игры. Мои сталкеры в Механосе только о нём и говорят. Имя становится символом. Это ценнее любой магии.

— Символы надо уничтожать вовремя, — холодно заметил Азур. — Если рабы перестанут бояться, они перестанут быть рабами. Вера без страха порождает гордыню. Я не хочу судить мир, где каждый мнит себя равным богам.

— Я и собираюсь его уничтожить, даже нет я собираюсь его стереть. Что бы памяти о нем не осталось. — усмехнулась Нергал. — Вопрос только в том, как.

Лирна покачала головой.

— Ты не чувствуешь этого, Нергал? Я чувствую. Вера в него растёт с каждым днём. Чистая, светлая вера, питаемая надеждой. Если мы убьём его сейчас, эта вера никуда не денется. Она перейдёт на кого-то другого. Может быть, на Айрин. Может быть, на того же Грыма. А может — на кого-то из нас. Убивать его сейчас — значит создавать мученика. Вместо этого я предлагаю дать ему шанс... ошибиться. Показать тем, кто в него верит, что он всего лишь человек. Что он может предать, сломаться, проявить слабость. Мы не должны его убивать — мы должны заставить его разочаровать своих же последователей. Тогда вера умрёт сама, без нашего прямого вмешательства.

— Ты предлагаешь играть в их игры? — в голосе Нергал зазвучало презрение. — Пока он растёт, набирает силу, собирает армию?

— Я предлагаю не торопиться, — твёрдо ответила Лирна. — Понаблюдать. Найти его уязвимые места. Ударить тогда, когда это будет не героической смертью, а жалким концом.

— А я предлагаю компромисс, — вмешался Вельгар, убирая монету. — Пусть бароны, маги, его собственные люди с ним разбираются. А мы будем наблюдать. Если он выживет... тогда и решим.

— Выживет? — Нергал рассмеялась — холодно, безрадостно. — Он не выживет. Я позабочусь об этом.

Кователь стоял у огромного окна, выходящего на далёкие Красные горы. Там, внизу, за многие лиги каменных коридоров и холодных вершин, теплилась искра сопротивления. Люди — те самые «однодневки», «грязь под ногами» — готовились к новой войне. А он смотрел на них и вспоминал.

Кресло Кователя было из грубого камня с вкраплениями руды — единственное, что не пыталось казаться прекрасным. Он сам был таким же: коренастый, с руками, покрытыми старыми шрамами от ожогов, с густой седой бородой, заплетённой в косицы. Бог-кузнец не носил роскошных одежд — простая холщовая рубаха и кожаный фартук, перепачканный угольной пылью. Он был здесь чужим. Он всегда был здесь чужим.

Он помнил.

Помнил, как в лабораториях Древних, среди гула машин и мерцания кристаллов, создавались первые люди. Не рабы — помощники. Творцы. Инженеры, способные чинить то, что ломается. Он видел их глаза — чистые, не замутнённые эфиром, горящие любопытством и жадой созидания.

Теперь этот мир пожирал сам себя. А люди, созданные для созидания, вынуждены были убивать, чтобы выжить.

Кователь молчал. И в этом молчании было больше, чем в любых словах.

— Я требую, — голос Нергал прорезал тишину. — Я требую, чтобы Совет принял решение. Немедленно.

— Ты не можешь требовать, — лениво заметил Вельгар. — Ты можешь только просить.

— Тогда я настаиваю, и.. прошу — она процедила это слово сквозь зубы. — Я прошу уничтожить этого человека. Эту аномалию. Он не слышит зова эфира. Абсолютно глух. Вы понимаете, что это значит? Он — пустота. Но при этом он видит суть эфира. Чинит механизмы Древних. Перепрограммирует их. Если он продолжит, если получит доступ к тому, что спит глубоко под землёй...

— Ты говоришь о Пожирателях? — тихо спросил Азур.

— Я говорю о любой угрозе, — отрезала Нергал. — Этот человек нарушает баланс. Если мы не остановим его сейчас, через год у него будет армия. Через два — он осадит Стальной Шпиль. А через три нам придётся иметь с ним дело лично. Но Великий Договор не позволит нам вмешаться напрямую.

— Великий Договор, — эхом отозвался Азур. — Да, это проблема.

— Но Договор не запрещает создать аватара, — вставил Вельгар. — Проекцию части силы. Отдельную сущность, которая будет действовать от нашего имени. Она не нарушит равновесия.

— Ты предлагаешь послать в мир смертных аватара? — Лирна нахмурилась. — Это опасно. Если его уничтожат, часть силы пропадёт навсегда.

— Или усилится, если аватар победит, — парировал Вельгар. — Риск есть всегда. Но рисковать частью силы лучше, чем рисковать всем.

Нергал шагнула к трону Верховного бога. Пустой, чёрный, инкрустированный кристаллами, он возвышался над всеми, напоминая о том, что даже боги не всесильны.

— Я согласна, — сказала она. — Я создам аватара. Я вложу в него свою ненависть, свою гордость, свою жажду мести. Она пойдёт в мир смертных и уничтожит этого выродка. А если погибнет сама... — она усмехнулась. — Потеря части силы лучше, чем потеря всего.

Лирна поднялась с кресла. Живые лианы, увивавшие его, потянулись к ней, словно ища защиты.

— Нергал, я понимаю твой гнев. Но этот человек — не просто враг. Он — знак. Знак того, что мир меняется. Мы не можем остановить изменения, убивая их носителей.

— Можем, — отрезала Нергал. — И сделаем.

Все взгляды обратились к Кователю.

Он стоял у окна, спиной к собравшимся. Его широкая спина, покрытая старой, въевшейся в кожу угольной пылью, была неподвижна.

— Кователь? — голос Лирны прозвучал мягко. — Ты ничего не скажешь?

Долгая пауза. Потом он медленно повернулся.

В его глазах была древняя, глубинная печаль. Такая, какая бывает только у тех, кто помнит то, что другие забыли.

— Вы все забыли, кем они были на самом деле, — голос его был низким, рокочущим, как далёкий камнепад. — Люди. Не рабы. Не скот. Они были помощниками. Творцами. Инженерами, которые строили этот мир вместе с нами. А теперь мы сами толкаем их к гибели.

— Они — ошибка, — отрезала Нергал.

— Нет, — Кователь покачал головой. — Они — чистота. Единственные, кто не был искажён эфиром. И если они выживут, возможно, мир заслуживает нового начала. Если нет... значит, мы все заслужили забвение.

Он замолчал и снова отвернулся к окну.

И тогда тишина пришла.

Не та, что бывает между спорами. Другая. Она спустилась с высоты, которой у этого зала не было, и легла на плечи богов, как тяжёлый плащ. Воздух перестал двигаться. Эфирные линии в стенах замерли. Даже звёзды за прозрачными стенами потускнели, словно прикрыли глаза.

Боги замерли. Нергал опустила голову, признавая высшую власть. Даже Азур склонился вполоборота. Вельгар перестал крутить монету.

Пустой трон в центре зала вспыхнул — не светом, а самим присутствием. Верховный бог не имел формы, не имел лица, не имел голоса в привычном смысле. Он был — и этого было достаточно.

— Я слышал ваши споры, — сказало присутствие, и эти слова не прозвучали, а проникли прямо в сознание, заполняя каждую клетку. — Прямое вмешательство бога в мир смертных запрещено Великим Договором. Но Договор не запрещает создание аватара. Проекция части божественной силы, отдельной сущности, которая будет действовать от имени бога.

— Я согласна, — выдохнула Нергал.

Прошло мгновение — вечность для богов, миг для смертных.

— Да будет так.

Присутствие исчезло. Трон снова стал пустым, только слабое свечение ещё несколько секунд напоминало о том, что здесь только что была воля, способная создавать и разрушать миры.

Боги расходились молча, каждый погружённый в свои мысли. Азур первым покинул зал, его тяжёлые шаги гулко отдавались в тишине. Лирна задержалась на мгновение, бросив на Кователя тревожный взгляд, потом исчезла в зелёной вспышке. Вельгар, пожав плечами, растворился в воздухе, оставив после себя лишь лёгкий звон монет.

Нергал ушла последней — гордая, прямая, но в её походке чувствовалась не только ярость, но и что-то ещё... может быть, страх. Страх перед тем, что она собиралась сделать.

Кователь остался один.

Он стоял у окна, глядя на далёкие Красные горы. Там, внизу, теплилась искра. Маленькая, почти незаметная, но живая. Та самая.

Он медленно поднял руку. Его пальцы, покрытые мозолями и старыми шрамами, коснулись эфирного потока, струящегося вдоль стены. Поток был горячим, пульсирующим в такт биению самого мира. Кователь закрыл глаза и сосредоточился.

Он не мог нарушить волю Совета. Не мог открыто выступить против Нергал. Но он мог помочь. Чуть-чуть. Почти незаметно.

Его пальцы скользнули по эфирной нити — и на мгновение нить стала чуть тоньше, чуть прозрачнее в одном месте. Но Кователь не просто ослабил её. Он вложил в это место нечто большее — искру того, что помнил сам. Чистоту. Ту самую, с которой когда-то создавались первые люди. Маленькую, почти незаметную песчинку знания, которая могла бы пригодиться тому, кто достаточно глух к эфиру, чтобы её услышать.

Словно кузнец, ставящий метку на клинке, чтобы знающий мог найти слабинку. Никто из богов этого не заметил. Даже Нергал, поглощённая гневом, не почувствовала, как в её будущем творении зародилась трещина.

Кователь убрал руку и долго смотрел на то место, где только что стояла Нергал. В его глазах не было торжества — только печаль.

— Если они выживут, — прошептал он одними губами, — возможно, мир заслуживает нового начала. А если нет... значит, мы все заслужили забвение.

Он развернулся и медленно пошёл к выходу. Его шаги, тяжёлые, как удары молота по наковальне, затихли в бесконечных коридорах небесных чертогов.

Интерлюдия 1. Рождение тьмы

Месяц Ингвар, 2001 г. Э.С.

Время:Та же ночь

Место:Чертоги Нергал, личные покои

Стены здесь не из камня.

Нергал знает это, потому что чувствует их каждой частицей своего существа. Стены помнят крики, которые вырывались из груди умирающих, когда она забирала их души. Сейчас они молчат. Притихли, замерли, словно звери, почуявшие приближение хищника. Она не слушает их — она слышит только биение собственного сердца.

Кокон дышит. Ритм его дыхания совпадает с биением её сердца, и это единство заставляет её замереть. Впервые за тысячелетия она чувствует себя не богиней, а творцом.

Она стоит перед ним уже много часов. Пальцы, которые держали посохи и творили заклинания, которые писали судьбы и стирали города, сейчас дрожат. Мелко, едва заметно. Она не позволяет себе смотреть на них.

Вэл'Шан. Имя вспыхивает в сознании, обжигает, как удар плети. Вэл'Шан, мой лучший слуга. Моя воля. Моё... Она не договаривает. Потому что там, внизу, в каменной норе, он лежал мёртвый, а на стене светилась надпись — её надпись. Ей.

Сгусток внутри неё пульсирует. Тьма, которую она прятала так глубоко, что сама почти забыла о ней, теперь рвётся наружу. Память о том, как он — человек, который даже не умел колдовать, — посмел смотреть на неё. Через Вэл'Шана. Через его глаза. Прямо в душу.

Она выдыхает. Сгусток вырывается из груди — тяжёлый, холодный, живой — и перетекает в кокон.

Но на мгновение, в самую последнюю секунду, когда тьма касается оболочки, Нергал чувствует странное сопротивление. Словно внутри кокона уже есть что-то, чего она не закладывала. Как будто кто-то невидимый оставил свой отпечаток раньше неё. Слишком поздно — сгусток уже внутри, кокон вспыхивает багровым и начинает пульсировать.

Она отмахивается от ощущения. Померещилось. Усталость, пустота в груди, гнев — вот что мешает чувствовать эфир как прежде.

Это больно. Она забыла, как это — чувствовать боль. А сейчас чувствует. Жжение в груди, пустоту там, где только что была часть её сущности, слабость в коленях. Она пошатывается, и осколки под ногами хрустят. Звук разносится по залу, отражается от стен, возвращается искажённым эхом.

Голоса просыпаются. Тонкий, протяжный вой — тот, что всегда звучит в её чертогах, когда кто-то умирает. Или, когда кто-то рождается. Они чувствуют её слабость. Они ждут.

Нергал сжимает кулак. Даже опустошённая, даже с дырой в груди, она остаётся хозяйкой.

Вой обрывается. Стены затихают, вжимаются в себя, вспоминают, кто здесь богиня.

Кокон пульсирует ярче.

Она смотрит, как внутри обретает форму её гнев.

Сначала — тени. Потом пальцы. Тонкие, длинные, с ногтями, которые заостряются на концах, как лезвия. Руки. Предплечья. Каждая деталь проступает сквозь оболочку медленно, тяжело, словно тьма наливается плотностью, прежде чем стать плотью.

Нергал задерживает дыхание. Ей не нужно дышать, но она задерживает — потому что так делают те, кто ждёт.

Плечи. Ключицы. Шея.

Лицо. Овал. Скулы, острые, как ножи. Губы — тонкие, сжатые в ниточку.

И глаза. Два провала там, где должны быть зрачки. Две бездны, которые смотрят на неё изнутри кокона.

В них нет ничего. Ни узнавания, ни благодарности. Только пустота.

Нергал смотрит в эту пустоту — и на миг ей кажется, что там, в глубине, прячется что-то, чего она не закладывала. Не её ненависть. Не её гордость. Не её жажда мести. Что-то другое. Что-то, что она не узнаёт, но от чего в груди становится холоднее, чем от любой боли. Она отгоняет эту мысль.

Кокон трескается. Звук — как удар хрусталя о каменный пол.

Из трещины бьёт облако чёрного эфира. Оно оседает багровой дымкой, покрывает пол инеем, оставляет на стенах капли, похожие на кровь. Голоса в стенах затихают — впервые за много лет.

И вместе с эфирным облаком в зал просачивается едва уловимый запах — уголь, горячий металл, кузница. Он исчезает быстрее, чем Нергал успевает понять, откуда он взялся. Она морщится, но списывает это на память о стенах — мало ли какие голоса они хранят.

Фигура внутри шевелится. Медленно. Пальцы сжимаются в кулаки, разжимаются. Руки поднимаются, касаются оболочки — и та осыпается, как сухая листва.

Она делает первый вдох. Воздух здесь — не воздух. Эфир, сгущённый до состояния, которое можно вдохнуть. Холодный, острый, и от него стынет горло. Но она дышит. Жадно.

Веки дрожат. Они открываются.

Два багровых уголька смотрят на Нергал. В них нет ничего, кроме голода. Только вопрос, который не требует слов:

Кого убивать?

Нергал чувствует, как уголки её губ поднимаются в улыбке.

Она подходит ближе. Осколки под ногами затихают. Голоса в стенах молчат. Эфирный иней на полу не тает.

Нергал касается лица аватара.

Пальцы обжигает холодом. Не тем, что бывает от ветра или льда. Тем, который остаётся, когда что-то умирает навсегда. Но под этим холодом — странное, почти незаметное тепло. Чужеродное. Словно в глубине этой тьмы кто-то спрятал уголёк, который не должен здесь находиться.

Она чувствует этот холод и это тепло, но не отводит руку.

Кожа под её пальцами гладкая. Слишком гладкая. Она знает — это пройдёт. Когда Эринния убьёт впервые, на этой коже появятся морщины. С каждым убийством аватар будет становиться всё более человечным. Более опасным.

Аватар смотрит на неё. В её глазах нет узнавания. Только привязанность. Только признание создателя.

Нергал шепчет:

— Ты будешь моей волей. Ты будешь моим гневом, моим мечом.

Она делает паузу. Имя того, кто посмел, жжёт язык, как яд. Она не произносит его вслух.

— Твоё имя — Эринния.

Аватар не кивает. Она просто смотрит. Но в её взгляде появляется фокус. Цель.

Эринния поднимается на ноги.

Её тело ещё мерцает, края фигуры расплываются, собираются снова — аватар ищет свою окончательную форму. Но она стоит. Прямая. Высокая.

Нергал отступает на шаг. Творение не должно быть сковано.

Эринния делает шаг. Пол под её ногой покрывается инеем. Тонким, паутинным узором, который расходится во все стороны. Она поднимает руку — и в её ладони сгущается тьма. Она смотрит на неё, потом разжимает пальцы, и тьма исчезает.

Она готова.

Эринния поворачивается к Нергал. В её глазах — всё та же пустота. Но пустота эта ждёт. Наполнится.

Нергал кивает.

Аватар делает шаг вперёд — и растворяется в воздухе. Без звука. Без вспышки. Остаётся только запах озона и багровый отблеск на стенах, который медленно гаснет.

Нергал остаётся одна.

Она стоит в центре зала, и тьма вокруг неё дышит. Голоса в стенах возвращаются — тихо, нерешительно. Они помнят, как она заставила их замолчать. Они не рискуют.

Она смотрит на то место, где только что стояла Эринния. Впервые за тысячелетия она чувствует не только пустоту внутри. Она чувствует что-то ещё. Что-то, что она не испытывала со времён, когда была не богиней, а одной из Аэтериев. Когда они смотрели на мир, который создавали, и верили, что он будет прекрасным.

Теперь она смотрит на мир, который будет разрушен.

Она чувствует Эриннию. Тень аватара скользит по склонам Красных гор, вбирает холод и страх, проникает в ущелья, обходит посты. Нергал чувствует это как продолжение себя — и одновременно как что-то отдельное. Что-то, что начинает жить своей жизнью.

Внутри аватара, в самой глубине пустоты, прячется то, чему у неё нет имени. Не страх — страха она не знает. Что-то, что заставило её на миг отвести взгляд, когда она смотрела в эти багровые глаза. Что-то, чего она не закладывала. Теперь она почти уверена: это не её творение полностью. Кто-то незаметно вплел в её гнев свою нить.

Она думает о Кователе. О его молчании. О том, как он смотрел на Красные горы, когда все спорили. Но она не позволяет себе думать об этом слишком долго. Трещина есть трещина. Она может стать слабостью. А может — закалкой. Нергал предпочитает верить во второе.

Там, внизу, в каменной норе, спит человек. Охота начинается.

А в мире смертных, в Красных горах, в каменной норе, где спали уставшие после победы люди, цепочка на шее Лекса дрогнула. Всего на мгновение. Он вздрогнул во сне, открыл глаза, всмотрелся в темноту. Никого. Только тихое дыхание Айрин рядом, только далёкий шум ветра за стенами. И странный запах — как после грозы, хотя грозы не было.

— Просто сон, — прошептал и снова закрыл глаза.

Но сон не был просто сном.

Где-то там, в вышине, уже родилась та, что не знала пощады. И она уже двигалась к нему.

Акт I: Первый удар

«Камни запели, и кровь оросила кристаллы. Час расплаты настал». — Из песни беглых рабов

Глава 1. Багровая искра

Месяц Ингвар, 2001 г. Э.С.

Время: Глубокая ночь

Место: Небесные чертоги → эфирная пустота → Красные горы, база Лекса

Она не помнила, как её создали, но это было не важно.

Память приходила обрывками — багровыми вспышками, от которых хотелось кричать. Стужа сковывала сознание. Пульсирующая тьма. И голос — древний, как само время, но такой близкий, что казалось, он звучит внутри ее сознания, давит, не оставляет ничего кроме подчинения.

«Ты будешь моей волей. Ты будешь моим гневом, моим мечом».

Эринния стояла на краю платформы. Вокруг неё — эфирная пустота, бесконечная, тихая, как сама вечность. Небесные чертоги — орбитальная станция Древних — парила в этой пустоте уже десятки тысячелетий. Когда-то их стены сверкали белизной и хромом отражая солнечные лучи, но время не пощадило и это. Теперь металл потускнел, покрылся патиной, кое-где проржавел, но всё ещё хранил тепло тех, кто их строил. Где-то глубоко в недрах станции гудели механизмы — ровно, монотонно, как сердце гигантского зверя, спящего вечным сном.

Эринния не чувствовала этого гула. Она чувствовала только пустоту, которая звала её, и еще что выбивалось из остального, далёкий, почти забытый запах кузницы — угля, раскалённого металла, пота. Станный запах. Чужеродный. Она не знала, откуда он взялся, и не хотела знать.

Её тело мерцало. Края фигуры расплывались, сливались с полумраком, словно она сама была соткана из того же вещества, что и тьма вокруг. Но с каждым мгновением плоть становилась плотнее. Тонкие пальцы с ногтями-лезвиями сжимались в кулаки и разжимались. Длинные чёрные волосы, в которых не было ни единой искры жизни, струились по плечам, падая на грудь, на руки, на гладкую поверхность платформы.

Она подняла голову.

Внизу, далеко-далеко, там, где эфирная пустота сменялась плотной атмосферой, висел Айрос. Голубоватый шар, окутанный облаками, медленно вращался в бесконечности. Сквозь разрывы в облачном покрове проглядывали очертания материков, горные цепи, тёмные пятна лесов и морская гладь, отражавшая свет далёких звёзд. Где-то там, внизу, светились города — редкие огоньки, которые с такой высоты казались не больше пылинки.

Она смотрела на этот мир, в который она должна была принести боль, страдание, и не чувствовала ничего.

Пустота, ничего кроме пустоты хотя, всё же было что-то еще.

Голос в голове, ровный и холодный, как сама смерть:

«Иди».

Эринния шагнула.

Тьма обтекла её, как вода, — мягко, послушно, защищая от эфирных разрядов, которые били из недр станции, как молнии. Она не падала — её несло потоком. Воля создательницы вела её сквозь эфирную бездну, сквозь потоки энергии, которые для других существ были смертельны. Вокруг неё искрило, вспыхивали и гасли разноцветные огни, но она не обращала на них внимания.

За ней тянулся багровый шлейф — не хвост кометы, не огненный след, а что-то иное. Ткань реальности рвалась там, где проходил аватар, и тут же срасталась, но уже иная, отмеченная её присутствием. Шлейф тускнел, сливался с ночным небом, и через несколько секунд его уже нельзя было различить.

Она летела стремительно, как падающая звезда. Ветер (если в пустоте может быть ветер) свистел в ушах, трепал волосы, но она не чувствовала холода. Только голос. И цель.

«Найди его. Пусть он страдает. Уничтожь все что он строит, что ему дорого, и в конце концов пусть его смерть будет жалкой».

Она не знала, кто он. Не знала, как выглядит. Но знала, что узнает. Потому что в эфире он светился иначе, чем все остальные.

Граница между чертогами и миром оказалась невидимой и резкой.

Эринния просто почувствовала, как воздух вокруг становится плотным, тяжёлым, как вода. Ветер, до этого безмолвный, вдруг завыл, ударил в лицо, разметал волосы. Где-то далеко внизу гремели грозы, и раскаты грома, многократно усиленные эфирными потоками, били по ушам.

Она вошла в атмосферу планеты.

Вокруг неё начали сгущаться облака — белые, плотные, влажные. Они облепили её, как вата, и на мгновение она потеряла ориентацию. Но голос в голове не умолкал, вел ее:

«Вниз».

Она рванулась сквозь облачный покров, и мир открылся перед ней.

Горы. Огромные, острые пики, уходящие в самое небо. Снежные шапки на вершинах, ледники, сползающие в ущелья, и чёрные скалы, прорезанные глубокими трещинами. Ветер здесь был злым, колючим, он бросал в лицо ледяную крупу, завывал в расщелинах, и этот вой был похож на голос древнего, голодного зверя. Где-то далеко внизу, в долине, мерцали редкие огоньки — человеческого жилья, не больше муравейника с такой высоты.

Эринния замедлила падение. Её тело, ещё не до конца стабильное, начало подстраиваться под новые условия. Кожа становилась плотнее, мышцы — крепче. Она чувствовала, как холод

проникает внутрь, и это было странно — после пустоты, где не было ни тепла, ни холода, только тьма.

Она вдохнула, это были новые для нее ощущения.

Воздух обжёг горло — сухой, колючий, пахнувший снегом и камнем. Ничего похожего на тот стерильный, выхолощенный воздух, который был в чертогах. Это был запах жизни. И смерти. Запах мира, который она должна была привести к жестокому порядку.

Эринния закрыла глаза, сосредоточилась.

Эфирные следы.

Они были везде — тонкие, едва заметные нити, тянущиеся от каждого живого существа, от каждого камня, от каждого дерева. Маги светились ярко, как факелы. Дворфы — ровным, спокойным светом стали. Драконицы пульсировали в такт биению своих сердец, и в их аурах чувствовалась скрытая сила.

Люди светились тускло. Их искры были слабыми, почти незаметными на фоне магии, но их было много — тысячи, десятки тысяч искр, рассыпанных по горам и долинам, как песок.

Она сканировала их одну за другой, отсеивая, сравнивая, ища ту самую, единственную, ради которой её создали.

И всё же нашла.

Она была ярче остальных. Не магическим светом — другим, странным, непривычным. Он не горел, пульсировал не в такт сердцу, а в такт чему-то иному. Мозгу. Мыслям. И в этом пульсе не было ничего общего с эфиром. Это был чистый, незамутнённый разум или интеллект, который не резонировал с магией, а просто... был.

Эринния улыбнулась. Впервые.

«Тот, кто не слышит эфира, но видит его суть».

Она открыла глаза и посмотрела вниз, туда, где в горах, зарытая в камень, как нора зверя, пряталась база. Уже не маленькая, но всё еще неприметная, полная людей, которые осмелились поднять голову и заявить о своём праве на жизнь.

Она почувствовала их страх. Он был сладким, как кровь. И она хотела его ещё.

Но не сейчас. Сначала — изучить. Узнать слабые места. А потом ударить, так больно, жестоко, что бы для других это стало бы уроком на века.

Эринния скользнула вниз, к заснеженным вершинам, оставляя за собой едва заметный багровый след, который тут же заметало ветром.

Еремей стоял на смотровой площадке, вглядываясь в ночное небо.

Луны скрылись за тучами несколько часов назад, теперь над горами висела непроглядная тьма, только кое-где пробивались редкие звёзды. Ветер завывал в расщелинах, бросал в лицо колючую снежную крупу, Еремею казалось, что он стоит на краю мира, где нет ничего, кроме холода и пустоты.

Смотровая площадка была вырублена в скале ещё древними дворфами — неровный карниз, нависающий над пропастью. Сейчас здесь, на высоте, ветер был особенно силен. Он рвал полы куртки, свистел в ушах, и единственным теплом были редкие кристаллы-светильники, вделанные в стены. Их тусклый свет едва разгонял тьму, отбрасывая на снег длинные, дрожащие тени.

Ему было восемнадцать лет. Он попал в отряд Лекса полгода назад, когда эльфы сожгли его деревню. Сначала он просто хотел отомстить — за отца, за мать, за сестрёнку, которую он нёс на руках через горы, пока она не перестала дышать, не выдержала пути. Только потом через время он понял: месть не вернёт их. Остался, потому что здесь, в этой каменной норе, он нашёл то, что потерял. Дом.

Он нёс караул каждую третью ночь. Поначалу было страшно — казалось, что из темноты вот-вот выскочит тварь, что ветер завывает голосами мёртвых, что снежные вихри скрывают нечисть, пришедшую за его душой. Потом привык. Даже научился различать оттенки тьмы:

там, где горная порода, — чёрное, там, где небо, — тёмно-синее, а там, где тучи наливаются влагой, — свинцово-серое.

Сегодня небо было чёрным с редкими звездами.

Еремей переступил с ноги на ногу, пытаясь согреться. Сапоги промокли ещё вчера, и теперь ноги гудели, напоминая о том, что до смены ещё несколько часов. Он подумал о горячем травяном отваре, и горячей похлебке который Агафья всегда давала часовым, когда они возвращались с поста. Подумал о костре в главном зале, о детском смехе, о песнях, которые пел у очага Шило, или другие жители кто был там в то время. На миг ему показалось, что всё будет хорошо. Что они выстоят. Что Лекс победит.

В этот момент в небе мелькнула багровая искра.

Еремей замер.

Она была маленькой, но всё же выделялась на черном небе — яркая точка, упавшая с неба и тут же погасшая. Обычный метеор, каких он видел десятки. Но что-то в его падении и свете было не так. Оно было слишком прямым. Слишком быстрым. Оставляя за собой след — не дымный, не огненный, а какой-то... иной. Будто сама тьма в этом месте стала плотнее разделив небосвод на две половинки.

Искра исчезла за перевалом, и небо снова стало чёрным.

Еремей стоял, не дыша, вглядываясь в темноту. Сердце колотилось где-то в горле. Рука сама собой легла на арбалет, хотя он знал: если это действительно что-то опасное, арбалет не поможет. Только Лекс и его непонятные изобретения, по-настоящему имели силу. Айрин с её клинком. Зураб с топором.

— Показалось, наверное, — прошептал он, и слова тут же унёс ветер.

Он ещё постоял, вглядываясь в темноту, но небо оставалось пустым. Только звёзды — холодные, равнодушные — смотрели на него с высоты.

Еремей перевёл дыхание. Опустил руку с арбалета. Усмехнулся собственной трусости.

Но внутри, в самой глубине, поселился холодок. Тот самый, который он чувствовал только однажды — когда эльфы пришли в его деревню.

Цепочка обжигала.

Лекс почувствовал это сквозь сон — сначала как лёгкое покалывание, потом как жжение, от которого хотелось сбросить одеяло и вскочить. Он попытался отмахнуться, перевернуться на другой бок, но холод становился всё сильнее, проникал под кожу, в мышцы, в самую глубину, где не было места ничему, кроме этой пронизывающей, ледяной стужи.

Открыл глаза.

В комнате темно. Кристальный светильник на стене давно погас — экономя энергию, они гасили их на ночь, оставляя только те, что в главном зале. Айрин спала рядом, положив голову ему на плечо, её дыхание было ровным, спокойным.

Комната, которую они делили, была маленькой — бывшая кладовка, переоборудованная в жильё. Стены из грубого камня, узкое окно-бойница, за которым выла метель, лежанка, застеленная овечьими шкурами, и маленький стол, заваленный чертежами и кристаллами. Пахло здесь сухими травами, которые Айрин развесила по углам, и дымом — запахом, который Лекс уже начал ассоциировать с домом.

Лекс лежал, не двигаясь, прислушиваясь. Тишина. Только ветер за стенами, только редкий скрип половиц где-то в коридоре, только собственное сердце, которое билось слишком быстро для человека, который только что проснулся.

Осторожно, чтобы не разбудить Айрин, приподнялся на локте. Провёл рукой по лицу — ладонь была холодной, хотя в комнате было тепло. Посмотрел на цепочку.

Из непонятного железа похожего на медь, старая. Он носил её с первого дня в этом мире, она спасла ему жизнь на Кристаллических полях, когда магический удар должен был его убить. С тех пор она всегда была с ним. Всегда была тёплой — от его тела, от его тепла.

Сейчас она была ледяной, и такое уже бывало и это не сулило ни чего хорошего.

Лекс коснулся металла пальцами, холод обжёг кожу. Он не отдернул руку. Сжал цепочку в кулаке, чувствуя, как она пульсирует — не в такт сердцу, а в такт чему-то другому, чему-то, как будто пытаюсь предупредить.

Цепочка никогда не обжигала просто так. Только когда эфир рядом. Когда опасность близко.

Сел на лежанке, спустил ноги на холодный каменный пол. Айрин что-то пробормотала во сне, перевернулась на другой бок и затихла. Он посмотрел на неё — на её волосы, разметавшиеся по подушке, на её спокойное, безмятежное лицо. Подумал: «Ты самый дорогой человек для меня, я никогда не дам тебя в обиду».

Встал, подошёл к маленькому окну-бойнице, вырезанному в скале. Вгляделся в темноту. Ничего. Только ветер и снег.

Но внутри, в груди, поселилось тяжёлое, липкое чувство. Оно не уходило. Он не знал, что именно надвигается, но знал: что-то изменилось. Что-то тёмное, злое, неизбежное, приближалось.

Еремей снова смотрел в небо.

Ничего. Только звёзды, только тучи, медленно плывущие с востока на запад. Он уже почти убедил себя, что почудилось, что багровая искра была просто игрой воображения, что это просто звезда падающая с неба подсветилась встающим солнцем, что холод в груди — это всего лишь ветер, пробравшийся под куртку.

И тогда краем глаза он заметил движение.

Внизу, у подножия скалы, там, где тропа сворачивала к тоннелям, что-то шевелилось. Тень. Просто тень, скользящая по камням — чёрная, бесформенная, не имеющая ни начала, ни конца.

Она двигалась вверх по тропе, огибала валуны, просачивалась в расщелины, и в её движении было что-то неправильное. Она двигалась против ветра. И от неё веяло холодом — таким холодом, что у Еремея перехватило дыхание.

Он схватился за арбалет, навёл на то место, где тень была секунду назад, но там уже было пусто. Только камни, только снег, только тьма, в которой можно было раствориться навсегда.

— Кто здесь? — прошептал он, его голос сорвался.

Тишина.

Еремей стоял, не дыша, вглядываясь в темноту, готовый выстрелить в любой момент. Но тень не возвращалась. Может, её и не было. Может, это просто игра света, отражение далёкой звезды, преломлённое в снежном покрове.

Он ждал ещё несколько минут. Потом медленно, очень медленно опустил арбалет.

— Показалось, — сказал вслух, чтобы убедить себя.

Но рука на арбалете не расслаблялась.

Утро ворвалось в главный зал базы не рассветом — здесь, в горах, солнце добиралось до ущелий только к полудню, — а гулом голосов и лязгом металла.

Агафья, как всегда, первой разожгла огонь в огромном очаге, и пламя, жадно лизнув сухие смолистые дрова, разгорелось, отбрасывая на стены причудливые, живые тени. Главный зал был сердцем базы — когда-то здесь был склад, теперь же это место, где ели, грелись, спорили и слушали песни. Длинные столы, сколоченные из старых ящиков, тянулись вдоль стен, а в центре, у очага, всегда было место для тех, кто хотел просто посидеть в тишине.

Марфа уже возилась с похлёбкой, помешивая в большом закопчённом котле. Пар валил густыми клубами, и запах трав и корней поплыл по залу, смешиваясь с дымом и запахом спящих людей.

Дети, проснувшиеся раньше родителей, носились между взрослыми, играя в догонялки. Кто-то из девочек, лет семи, сжимал в руках тряпичную куклу и что-то шептал ей на ухо.

Мальчишки, вооружившись палками, рубились в «эльфов», и их звонкие голоса разносились под сводами, будя тех, кто ещё спал.

Лекс вышел из комнаты. Айрин не спала — она сидела на лежанке, поджав под себя ноги, и смотрела на него с тревогой.

— Ты не спал? — спросила она, когда он остановился в дверях.

— Спал, — ответил он. — Просто... беспокойно.

Она хотела спросить, что случилось, но не стала. Просто кивнула, встала, подошла и взяла его за руку. Пальцы у неё были тёплыми, и от этого тепла холод в груди немного отступил.

Еремей спустился со смотровой площадки, когда солнце только начинало золотить вершины гор. Он был бледен, под глазами залегли тени, но всё же он держался прямо.

Клык, как всегда, проверял снаряжение у входа — раскладывал арбалетные болты, метательные ножи, мотки веревок. Увидев Еремея, поднял голову.

— Смена? — спросил коротко.

— Смена, — кивнул Еремей. Помялся, потом сказал: — Командир, там... в горах... мне показалось наверное, что что-то падало. Искра. Багровая.

Клык посмотрел на него долгим, изучающим взглядом.

— Багровая? — переспросил он.

— Да, будто звезда упала, но какая-то не правильная. Но я не уверен. Может, почудилось, мало ли чо.

Клык долго молчал. Через какое-то время произнёс:

— Доложи Лексу. Пусть проверит эфирный фон. Скажи, что я велел.

— А вы? — спросил Еремей.

Клык посмотрел на горы, на снежные вершины, на чёрное небо, которое только начинало светлеть на востоке.

— Я здесь останусь, — ответил он. — Иди.

Еремей кивнул и ушёл. Клык остался на месте, глядя на горы. Он чувствовал то же, что и Лекс но не так ярко, на уровне предчувствия. Что-то приближалось. Что-то тёмное, злое, неизбежное. И оно было уже близко.

А на заснеженном перевале, там, где ветер свистел в расщелинах, а снег срывался с вершин ледяными водопадами, стояла Эринния.

Она была ещё невидима для смертных. Её тело мерцало, края фигуры расплывались, казалось, что она — часть этого снега, этого ветра, этой тьмы. Её присутствие уже ощущалось. Холод, который она приносила с собой, пробирал до костей. Страх, который она излучала, заставлял сердца биться быстрее.

Она смотрела на базу, на огоньки в каменной норе, на людей, которые просыпаются, не зная, что над ними уже занесён клинок кары.

Она изучит. Узнает слабые места. Поймёт, как они живут, как любят, боятся. А потом ударит в самое больное, потому что просто убить это милосердие. а милосердие к низшим не допустимо.

Тень аватара скользила по склонам, проникала в ущелья, обходила посты, впитывала холод и страх. Она была невидима, её дыхание уже чувствуют те, кто способен чувствовать хоть каплю эфира. Лекс, проснувшийся от ледяного прикосновения цепочки. Айрин, сжавшая во сне медальон матери. Клык, стоящий у входа и тревожно вглядывающийся в горы.

Глава 2. Шёпот в стенах

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Несколько дней спустя после возвращения Грыма

Место: База Лекса в Красных горах

Три дня прошло с той ночи, когда Еремей видел падающую искру. Три дня, и ничего не случилось. Ни нападений, ни теней, ни странных звуков. Только ветер, только снег, только привычная, размеренная жизнь базы, которая текла своим чередом, как вода в горном ручье.

Лекс чувствовал: что-то изменилось. Не зримое, не осязаемое — оно висело в воздухе, как затишье перед грозой, давило на уши, заставляло волоски на руках вставать дыбом. Он чувствовал это каждую секунду. Цепочка на шее больше не обжигала, но и не согревалась — она висела на груди мёртвым, холодным грузом, это было хуже любого предупреждения. Будто опасность уже пришла, но затаилась, ждёт, наслаждается их беспомощностью.

Он стоял на краю смотровой площадки, вглядываясь в горы. Солнце только начинало золотить вершины, но здесь, внизу, в ущелье, ещё лежала густая синеватая тень. Ветер стих, тишина стояла такая, что слышно было, как падают снежинки с нависших над тропой скал.

За спиной скрипнула дверь. Лекс не обернулся — узнал шаги. Лёгкие, быстрые, с той особенной, почти звериной бесшумностью, которую Айрин приобрела за годы жизни в бегах.

— Опять не спал? — голос её звучал хриловато ото сна.

— Спал, — соврал, не отрывая взгляда от заснеженных пиков.

Она подошла, встала рядом. Помолчала. Он чувствовал её тепло даже сквозь толстую куртку, и от этого становилось легче на душе.

— Клык прислал гонца, — сказала она наконец. — Говорит, часовые в северном тоннеле слышали странные звуки. Будто кто-то ходит по камням, но следов нет.

— Следов нет, — как эхо повторил Лекс. — Как в прошлый раз. И в позапрошлый.

Он повернулся к ней. В свете утра её лицо казалось бледным, почти бескровным, но глаза смотрели твёрдо.

— Ты думаешь, это связано с той искрой?

— Не знаю, — честно ответил он. — Но что-то происходит. Я чувствую.

Она взяла его за руку. Пальцы у неё были холодными.

— Пойдём. Клык собрал всех в главном зале.

Главный зал гудел, как растревоженный улей.

Люди сидели на скамьях, стояли у стен, жались к очагу. Кто-то перешёптывался, кто-то просто молчал, глядя в одну точку. Дети, чувствуя напряжение взрослых, притихли и жались к матерям. Маленькая Лада, сидевшая у ног Агафы, сжимала в руках тряпичную куклу и смотрела на происходящее огромными, испуганными глазами. Рядом с ней, положив лобастую голову ей на колени, лежал Барс, и зверь тоже был насторожен — уши его шевелились, ноздри подрагивали.

У длинного стола стояли Клык, Кор-Дум и Зураб. Рядом с ними, около отца сидел Грым. За последние дни он окреп, но лицо его ещё хранило ту особенную бледность, которая бывает у людей, слишком долго пробывших в темноте. Под глазами залегли тени, руки, когда он не держался за отца, мелко дрожали. Но в глазах горел огонь — тот самый, который Лекс видел у него ещё в те времена, когда Грым был просто упрямым учеником.

Лекс занял место во главе стола. Айрин села рядом.

— Докладывай, — сказал он.

Клык шагнул вперёд. Лицо его было суровее обычного, под глазами залегли тени — он тоже почти не спал все эти дни.

— Северный тоннель, южный проход, восточная тропа. Везде одно и то же. Часовые слышат шаги, видят тени, но, когда подходят — никого. Следов нет, эфирный фон скачет. Я сам проверил — ничего не нашёл и это действует на нервы и изматывает хуже чем хороший бой с врагом.

— А может, и нет ничего? — подал голос Шило из угла. Он сидел на перевёрнутом ящике, по обыкновению, прихлёбывая свой грибной чай, но сегодня не шутил. — Может, людям просто кажется? Сами знаете, после всего, что было, нервы ни к чёрту.

— Трое в разных концах базы — и одно и то же? — Клык покачал головой. — Не похоже на совпадение. Игнат, который тридцать лет в горах, говорит: никогда такого не видел. А он, поверьте, видел многое.

— А эфирный фон? — спросил Лекс, обращаясь к браслету.

— Нестабилен, мягко говоря. Архитектор подтвердил. Скачки каждые несколько часов, особенно ночью.

Лекс посмотрел на браслет. Коснулся холодного металла.

— Архитектор, что скажешь?

В голове прозвучал ровный, механический голос:

«Наследник. Зафиксированы периодические эфирные возмущения в радиусе трёх километров от базы. Характер колебаний не соответствует естественным процессам. Обнаружены следы тёмного эфира — нестабильного, с выраженной структурой. Источник не идентифицирован».

— Постороннее вмешательство? — переспросил Кор-Дум, сжимая молот. — Эльфы?

«Вероятность присутствия эльфийских магов — незначительна. Характер эфирных следов не соответствует известным магическим школам. Структура... не встречалась в архивах. Возможный источник — высшие планы бытия. Оценка достоверности: низкая. Рекомендация: усилить наблюдение».

— Высшие планы бытия? — переспросила Айрин, и голос её дрогнул. — Ты хочешь сказать — боги?

«Данные не позволяют сделать однозначный вывод. Однако характер эфирного следа не объясняется известными природными явлениями. Вероятность... — снова пауза. — ...не исключена».

Тишина в зале стала звенящей. Кто-то из женщин всхлипнул, этот всхлип показался громче любого крика. Дети, не понимая слов, чувствовали страх взрослых, начинали хныкать. Лада прижалась к Агафье. Барс поднял голову и глухо зарычал, глядя в темноту коридора.

— Тёмный эфир? — голос Зураба прозвучал глухо. — Это же... это же темная богиня?

— Не боги, — быстро сказал Лекс, хотя сам не верил в то, что говорил. — Следы. Не больше.

Цепочка на шее была ледяной. Не просто холодной, а обжигающе ледяной — такой, какой он не чувствовал её даже в самую лютую горную стужу.

Лекс попытался успокоить людей. Вышел в центр зала, поднял руку, заговорил — о том, что паника хуже любой опасности, что они выстояли в Ущелье Скорби, выстоят и теперь. Но слова его тонули в шёпоте, множившемся по углам. Кто-то смотрел на него с надеждой, кто-то — с недоверием, а кто-то уже не смотрел вовсе, уставившись в одну точку пустыми глазами.

Клык тем временем отводил в сторону самых крепких бойцов, раздавал указания шёпотом и жестами. Его лицо было спокойным, но в глазах читалась тревога. Сталкерская привычка готовиться к худшему не отпускала его никогда.

Слухи расплозились быстрее, чем Лекс успел их остановить.

К вечеру в главном зале не было ни одного человека, который не слышал бы о «тёмных тенях» и «злых духах, пришедших мстить». Кто-то видел, как Элронд, полуэльф, всю ночь простоял на коленях, бормоча что-то на древнем языке. Кто-то слышал, как Эрик, его брат,

кричал во сне и не мог проснуться. Кто-то уверял, что видел в тоннелях призраков — белые фигуры, скользющие по стенам и исчезающие, едва на них падал свет фонаря.

Агафья, раздавая травяной отвар, только качала головой.

— Не к добру это, ой как не к добру — шептала она, поглаживая Ладу по голове. — Я такое только раз в жизни видела, когда Ингрия пала. Тогда тоже воздух дрожал, и тени ходили по стенам.

— Бабушка, а они придут? Те, кто в горах? — спрашивала Лада.

— Не придут, — отвечала Агафья. — Мы их не пустим.

Но её голос дрожал.

Лекс ходил по залу, слушал, смотрел, запоминал. Видел, как Марфа, всегда такая спокойная, роняет миску с похлёбкой, долго смотрит на разлетевшиеся осколки, не в силах пошевелиться. Видел, как молодой парень из новеньких сидит в углу, обхватив голову руками, и раскачивается, бормоча: «Они идут, они идут...» Видел, как Клык отводит в сторону самых крепких бойцов и тихо говорит им что-то.

И в каждом взгляде, в каждом шёпоте, в каждом дрожащем пальце он видел одно: страх. Страх перед тем, что они не могут понять. Перед тем, что не могут увидеть. Перед тем, что не могут победить.

Серафима стояла на коленях в своей маленькой часовне.

Это был дальний угол зала, отгороженный старыми ящиками, и тряпками. Здесь пахло воском и сухими травами. На самодельном алтаре лежал амулет Бога-Механизма, рядом теплились три свечи. Их пламя дрожало, хотя сквозняков здесь не было.

Она закрыла глаза, сложила руки на груди. Губы её шевелились, но слов не было слышно — только тихий, прерывистый шёпот.

— Творец... — произнесла она, и голос её дрогнул. — Утеранный Творец... я не знаю, слышишь ли ты. Я не знаю, есть ли ты вообще. Но если есть... если хоть что-то есть...

Она замолчала, переводя дыхание. Слова не шли. Они застревали в горле, как кости.

— Мы — осколки... твоего замысла... — прошептала она, пальцы её сжали амулет. — Мы — кузнецы... своей судьбы... Мы плавим руду... и страх...

Холод пробирался под кожу. Она чувствовала его — тот самый, липкий, ледяной, который не отпускал уже несколько дней.

— Благослови... — голос опять сорвался. — Благослови наш труд... наш тайный сход... Пусть враг... в земле сгниёт...

Она зажмурилась, сильнее сжимая амулет. Металл был холодным. Слишком холодным.

— А мы... а мы... — Слова ни как не хотели складываться в молитву. Перед глазами вставали лица: Марфа, роняющая миску; молодой парень, раскачивающийся в углу; Лада, прижимающая куклу к груди. — А мы... вперёд...

Свеча дрогнула. Пламя метнулось, почти погасло, но удержалось.

Серафима попыталась снова, уже не молитвой — криком, шёпотом, чем-то между:

— Ты в искрах горна... ты в дыме кузни... ты — свет в глазах уставших беглецов...

Она запнулась. Света не было. Только холод.

— Среди руин... среди гробниц... и лужиц... — губы дрожали, голос срывался. — Ты даришь нам надежду... без концов...

Слова повисли в воздухе, пустые, ненужные.

— Без концов... — повторила она одними губами. — Без...

Она не договорила.

Свечи погасли одна за другой. Сначала первая, потом вторая, и когда последнее пламя дрогнуло и исчезло, Серафима осталась в полной темноте. Одна. Среди холода и тишины.

В темноте она опустила на колени и начала молиться снова — без слов, без надежды, просто потому что молитва — это всё, что у неё осталось.

Ночью Лекс поднялся на смотровую площадку.

Луны скрылись за тучами, и тьма стояла такая, что, казалось, её можно было потрогать руками. Только редкие звёзды пробивались сквозь облачный покров, холодные и равнодушные. Ветер выл в расщелинах, бросал в лицо колючую снежную крошку.

Он активировал эфирное зрение в надежде найти ту угрозу, которая будоражит всю базу.

Боль пришла мгновенно — острая, режущая, будто кто-то вогнал раскалённый прут прямо в затылок. Но он терпел. Он должен был увидеть, от этого многое зависело.

Мир вспыхнул линиями и потоками. Стены базы стали полупрозрачными, за ними пульсировали эфирные токи — слабые, хаотичные, но живые. Люди спали, их ауры светились ровным, спокойным слабым светом. У Айрин — с большой примесью золота, с вкраплениями синих искр. Грым — имел серебристую, с тёплыми отблесками. Кор-Дум — серую, тяжёлую, как камень. Зураб — тёмно-красным почти кровавую, с багровыми вспышками там, где боль оставила свои следы. Серафима — что было странным тусклою, почти потухшую.

Лекс смотрел дальше, туда, где кончалась база, начинались горы. Там, на склонах, в ущельях, на перевалах, эфирные токи были слабыми, почти незаметными. Но они были. Они текли, пульсировали, и в этом пульсе было что-то неправильное. Что-то чужое. Что-то, что не должно было быть здесь, оно было инородным.

И тогда он увидел след.

Тонкая, почти прозрачная нить тёмного эфира тянулась от подножия скалы к базе. Она пульсировала не в такт сердцу, а в такт чему-то другому, чему-то, что было там, в темноте. Словно живое существо, которое дышало, двигалось, затаилось и ждало своего часа.

Лекс проследил взглядом по следу. След вел к перевалу, туда, где три дня назад Еремей видел падающую искру. Там, где тёмный эфир клубился гуще, чем в других местах. Там, где слой реальности казался тоньше, уязвимее.

Там, на краю восприятия, на границе, где эфирное зрение уже начинало отказывать, он увидел то, что так хотел найти, её....

Фигуру.

Она была нечёткой, расплывчатой, словно сотканной из теней. Она стояла на скале, неподвижная, и смотрела вниз, на базу. Её лицо было скрыто, но Лекс чувствовал: она улыбается. Она знала, что он видит. И эта улыбка была далеко не дружелюбной, она обещала многое.

Боль стала невыносимой. Из носа хлынула кровь, заливая губы, подбородок, куртку. В ушах зазвенело, перед глазами поплыли разноцветные круги. Лекс зажмурился, отключая дар, и едва устоял на ногах, но все же устоял тренировки со своей способностью дали результат. Он стал легче переносить такие нагрузки. Раньше бы он упал в обморок и провалился бы пол дня приходя в себя.

— Что с тобой? — голос Айрин прозвучал откуда-то сбоку. Она подхватила его под руку, не дала упасть.

— Там... — прохрипел он, махнув сторону рукой, после вытер кровь. — Она там. На перевале, она знает, что я видел её.

Айрин посмотрела в ту сторону, куда он указывал. Ничего. Только тьма, ветер, снег. Но она поверила ему сразу — без вопросов, без сомнений.

— Аватар, или? — спросила она тихо. — Тот самый? О котором мы предполагали?

Лекс кивнул. Она побледнела, но ничего не сказала. Только сжала его руку крепче.

— Они послали аватара.

Грым сидел в углу, прижавшись к отцу, и слушал.

Он хотел рассказать им о том, что видел в «Гнезде». О хранилище, где лежали слитки из звёздного железа, и уже готовые клинки, но их немного и на всех не хватит. О том, что оружие против богов существует, и они знают, где его искать. Но слова застряли в горле.

Слишком много страха. Слишком много теней. Слишком много всего, что навалилось на них за последние дни.

Он вспомнил тёмные коридоры, пульсирующие стены, голоса, которые звучали в голове, когда эфирная буря накатывала. Тогда он думал, что сходит с ума. Что тени, мелькающие на стенах, — это просто игра света. Что голоса — это эхо, запертое в камне тысячелетиями.

Теперь он знал: это были не галлюцинации. Это были они. Боги. Они смотрели на него из глубины, изучали, ждали. И только сейчас, слушая Лекса, он понял, что они искали.

— Они искали нас, — сказал он вслух.

Люди обернулись. Кор-Дум сжал его плечо.

— Что ты сказал, сынок?

— В «Гнезде». Когда я был там... мне казалось, что за мной кто-то следит. Я думал, это игра воображения. А это были они. Они смотрели. Искали слабые места.

— Слабые места? — переспросил Клык.

Грым кивнул.

— Наши страхи. Наши сомнения. Места, где наш дух может сломаться.

Он замолчал, вспоминая. Те голоса, те образы, которые приходили во время бурь. Они знали его страхи. Знали, чего он боялся больше всего — что отец не найдёт его, что Лекс бросит, что он останется один во тьме навсегда.

— Я не знаю, нашли ли они то, что искали, — добавил он тихо. — Но они искали. Долго. Упорно. И теперь они здесь.

Тишина в зале стала мёртвой.

— Значит, они знают, где мы, — сказал Кор-Дум глухо. — И сколько нас. И что мы можем.

— Чего мы боимся. — Лекс обвёл взглядом собравшихся. — Боги всегда находят то, чего боятся люди. Это их оружие. Это их сила. Но они не знают и не понимают главного.

Он посмотрел на людей. На их лица, искажённые страхом. На руки, сжимающие амулеты. На детей, прижавшихся к матерям. На стариков, которые молча молились.

— Они не знают, что мы не сдадимся, наша воля крепка. Мы поддержим друг друга в трудную минуту. Когда как не сейчас нам нужно еще больше сплотиться для достижения нашей цели

Грым поймал взгляд Лекса и понял: об оружии — потом. Сначала нужно успокоить людей. После этого уже — готовиться.

Он кивнул и прижался к отцу. Скоро. Он расскажет им всё. О хранилище, о пути, об оружии, которое может остановить богов. Но не сегодня. Сегодня они должны просто выжить и стать сильнее.

Утром Лекс снова поднялся на смотровую площадку.

Айрин спала — он ушёл тихо, не разбудил. Ей нужно было отдохнуть. Всем им нужно было отдохнуть. Но он не мог. В голове крутились мысли, тяжёлые, липкие, не давали покоя. Аватар. Тени. Страх, который разъедал базу изнутри, как ржавчина.

Он думал о звёздном железе. Грым рассказал ему вчера, перед сном, шёпотом, чтобы никто не слышал. О хранилище, о железе, клинках, о том, что оружие существует. И о том, как до него добраться.

— Это далеко, — сказал тогда Грым. — И опасно. Но если мы сможем...

— Сможем, — перебил Лекс. — Мы должны, обязаны в конце концов.

Теперь, глядя на заснеженные вершины, он повторял это снова и снова, но уже не как заклинание, а как холодный расчёт.

Оружие есть. Оно существует. Грым знает, где оно лежит и ждет, когда за ним придут. Но до него нужно дойти — через все опасности, мимо ловушек, под носом у аватара, который уже

здесь, который уже изучает их слабые места. А если они уйдут все, база останется беззащитной. Если уйдут немногие — их перехватят в пути.

У него был план. И план этот был безумен. Безумен настолько насколько была безумна вся эта ситуация в целом

Но другого выбора не было. Или так или их просто уничтожат, даже не физически, а духовно, морально

Внизу, в главном зале, уже начиналась новая жизнь. Кто-то молился, кто-то точил оружие, кто-то просто сидел и смотрел в огонь. Дети, проснувшиеся раньше родителей, носились между взрослыми, играя в догонялки. Мальчишки, вооружившись палками, рубились в «эльфов», и их звонкие голоса разносились под сводами, будя тех, кто ещё спал.

А на перевале, там, где ветер свистел в расщелинах, стояла она. Ждала. Изучала. Её дыхание уже чувствовали те, кто способен чувствовать: Лекс — проснувшийся от ледяного прикосновения цепочки; Айрин — сжавшая во сне медальон матери; Клык — стоящий у входа и вглядывающийся в горы и другие обитатели лагеря.

И Грым, который знал, где лежит оружие, способное остановить её.

Что-то назревало, нехорошее страшное, что встряхнет всю базу до основания.

Сегодня они просто делали то, что могли, выживали.

Глава 3. Кровавая роса

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Глубокая ночь — раннее утро

Место: Южное крыло базы — жилые отсеки с семьями; главный зал; командный центр

Ночь пришла неожиданно. Не потому, что раньше не бывало темно — здесь, в горах, тьма наступала всегда стремительно, будто кто-то накрывал мир тяжёлым одеялом. А потому, что последние дни люди привыкли к тревоге. Она стала их спутником, их тенью, их вторым дыханием. Но сегодня тревога сменилась чем-то другим. Чем-то, для чего у них не было имени.

Лекс не спал. Он сидел в комнате для совещаний, склонившись над картами, которые разложил Грым. Старый Город. Путь к хранилищу. Отметки, где Грым видел ловушки, где слышал голоса, где чувствовал присутствие. Он пытался разработать маршрут, но мысли путались, даже архитектор не очень помогал.

Цепочка на шее была холодной. Не ледяной, как в ту ночь, когда он увидел аватара на перевале, — холодной. Той особенной, тянущей, выматывающей стужей, которая говорила: «Опасность рядом. Она дышит тебе в затылок».

Лекс отложил карту, потёр переносицу. Глаза слипались, но он заставлял себя не закрывать их. Айрин ушла в лазарет помогать Агафье — у нескольких детей поднялась температура, старуха боялась, что это не простуда, а что-то другое. «Эфирное заражение», — шепнула она Лексу, когда он заглянул к ним вечером. «Я не уверена, но... вдруг?»

Он не знал, что ответить. Архитектор молчал. Браслет показывал стабильный фон, Лекс уже не доверял приборам. Он доверял только тому, что видел своими глазами и сигналам цепочки. А цепочка молчала. Холодно, настойчиво, но висела мёртвым металлом.

Южное крыло базы было самым тихим местом.

Здесь, в отдалении от главного зала, от кузницы, от тренировочных пещер, жили семьи. Женщины, дети, старики — те, кто не мог держать оружие, но мог шить, готовить, лечить. Те, ради кого всё это затевалось. Стены здесь были тоньше, вентиляция хуже, и воздух всегда пах горьковатой сыростью — запахом близкой земли.

Сейчас здесь спали.

В небольшой комнатке, вырубленной в скале, ютились трое: молодая женщина с младенцем и её мать, старая, седая, с лицом, изрезанным морщинами. Женщину звали Дарья, её мать — Анисья. Младенца — Мишкой, в честь отца, который погиб на Кристаллических полях, прикрывая их отход.

Дарья спала чутко, вполглаза. Она всегда спала так с тех пор, как эльфы пришли в их деревню. Каждый шорох, каждый скрип заставлял её вздрагивать, прижимать Мишку к груди и вслушиваться в тишину. Она научилась различать звуки: вот скрипнула дверь — кто-то идёт в туалет. Вот зашуршало — крыса. Вот завывало — ветер. Но сегодня тишина была особенной.

Не той, что убаюкивает, а той, что давит. Наваливается, заставляет сердце биться быстрее, дыхание — прерываться.

Дарья открыла глаза.

В комнате было темно. Кристальный светильник, который она оставляла на ночь, погас — хотя батареи должно было хватить ещё на неделю. Луна не пробивалась сквозь щели — тучи затянули небо. Только тьма. Густая, вязкая, живая.

Она хотела позвать мать, но не смогла. Голос застрял в горле. Вместо него пришёл холод. Ледяной, пробирающий до костей, высасывающий тепло из каждой клетки. Она попыталась встать — тело не слушалось. Пальцы онемели, ноги стали ватными.

Сквозь пелену, застилавшую глаза, она увидела, как в углу комнаты сгущается тень.

Она не была похожа на обычную тень. Она двигалась. Плыла к ним, к лежанке, к Мишке, который вдруг перестал дышать.

Дарья закричала.

Крик не прозвучал. Только беззвучный хрип, только судорога, сжавшая горло.

А потом тьма коснулась её.

Пронизывающая боль и темнота. Некому было больше кричать.

В соседней комнате, через стенку, спали ещё двое. Девочка пяти лет, которую звали Злата, и мальчик чуть постарше — её брат Митя. Они лежали на одной лежанке, обнявшись, и во сне их лица были безмятежными.

Тьма пришла и к ним.

Злата проснулась за секунду до того, как холод коснулся её. Она увидела маму, которая стояла в дверях — но мама была мертва уже несколько часов, и это была не мама. Это было что-то другое. Что-то, что улыбалось ей из темноты.

Девочка закричала — или ей только так показалось. И замолкла навсегда.

Утром главный зал взорвался криками.

Лекс бежал по коридору, не чувствуя ног. За ним — Айрин, Клык, Зураб, Кор-Дум. Впереди, у входа в южное крыло, стояла Агафья. Она была бледна, как полотно, и сжимала в руках свой посох так, что костяшки побелели.

— Не ходите туда, — сказала она, когда они приблизились. — Не надо. Детям не нужно это видеть.

— Что случилось? — голос Лекса прозвучал глухо, чужим.

Агафья покачала головой, отвернулась.

— Сами посмотрите. Только... не пускайте остальных.

Он шагнул вперёд.

Южное крыло встретило его запахом. Сладковатым, приторным, тошнотворным. Запахом, который он слишком хорошо знал по Кристаллическим полям. Запахом смерти. Здесь, в этом маленьком, тесном коридоре, он был особенно густым, особенно тяжёлым — будто сама тьма пропитала стены.

Они лежали там, где спали. Десять человек. Женщины, дети, старики. Их лица были спокойны — не искажены болью, не перекошены ужасом. Просто... пусты. Глаза открыты, но в них нет жизни. Только пустота. Будто что-то вычерпало всё, что делало их людьми, оставило только оболочки.

Дарья лежала на боку, прижимая к груди Мишку. Младенец был мёртв. Его маленькое личико, ещё не успевшее обрасти морщинами, казалось восковым. Рядом — Анисья, её мать. Она умерла, вытянув руку к дочери, будто пыталась защитить, не успела.

Все тела из комнат вынесли в коридор.

Лекс медленно прошёл вдоль ряда тел. Десять. Он насчитал десять. Семь женщин, двое мужчин (старики, те, кто уже не мог воевать, но помогал по хозяйству), один младенец. И ещё двое детей. Они спали в соседней комнате, на одной лежанке, обнявшись. Наверное, боялись темноты.

Лекс остановился над ними. Смотрел, не в силах отвести взгляд.

— Кто? — голос Айрин прозвучал за спиной. Он не слышал, как она подошла. — Кто это сделал?

— Аватар, скорее всего, — ответил он. — Тот, кого я видел на перевале.

Она подошла ближе, встала рядом. Её рука легла ему на плечо, но он не чувствовал тепла — только тяжесть.

— Почему они? Почему не бойцы, почему не я?

— Потому что она хочет, чтобы мы боялись, — сказал Лекс. — Не за себя. За тех, кто слабее. За тех, кого мы не можем защитить.

Он обернулся. Взгляд его упал на стену, где, тускло мерцая багровым, горела надпись. Символы на языке Древних. Он прочитал их, не прибегая к помощи Архитектора — слишком хорошо запомнил те, что видел в камере Вэл'Шана.

«Боги не прощают».

Та же фраза. То же предупреждение. Та же угроза, выжженная в камне.

— Она хочет, чтобы мы сдались, — сказал Лекс. — Чтобы побежали, бросив всё. Чтобы страх разорвал нас изнутри.

— И что мы будем делать? — спросила Айрин.

Он посмотрел на неё. На её бледное, решительное лицо. На глаза, в которых не было страха — только холодная, вымороженная решимость.

— Бороться, — ответил он. — По-другому не получится, по-другому смерть.

Паника пришла не сразу, как накатывающее цунами. Сначала была тишина — та особенная, звенящая тишина, которая бывает после большого горя. Люди не плакали, не кричали, не спрашивали. Они просто стояли, глядя на тела, которые выносили из южного крыла. Десять носилок, накрытых простынями. Десять холмиков под ними.

Агафья, которая помогала выносить детей, шла последней. В руках она держала маленькое, завернутое в тряпицу тельце. Та самая девочка, которая ещё вчера бегала по залу, показывая всем свою новую куклу.

Лада, стоявшая у стены, узнала её. Она не закричала — только прижалась к Барсу, который вдруг зарычал глухо, тревожно, и спрятала лицо в его шерсти. Барс лизнул её в макушку, но девочка не шевелилась. Она смотрела на завернутое тельце, которое Агафья несла к выходу, глаза её были сухими, пустыми, как у тех, кто уже выплакал всё. Она не отпускала Барса, вцепившись в его лохматую шерсть мёртвой хваткой, даже когда Агафья скрылась за поворотом, Лада продолжала смотреть в пустоту.

А потом кто-то закричал.

— Это Лекс навлёт на нас гнев богов! — голос принадлежал молодому парню, одному из тех, кто пришёл с Кристаллических полей. Его звали Тихон, он был одним из первых, кто поверил в Лекса. Сейчас его глаза горели безумным огнём. — Он обещал нам свободу, а принёс смерть! Если бы не он, боги не искали бы нас!

— Заткнись! — рявкнул Зураб, шагнув к нему, но парня уже поддержали другие.

— А может, он прав? — сказала женщина, прижимая к груди ребёнка. — Раньше нас не трогали. Мы жили, работали... а теперь? Десять человек за одну ночь!

— Они были слабы, — перебил Клык. — Аватар выбрал тех, кто не мог защититься. Это не Лекс навлёт, это враг ищет, где больнее ударить.

— Враг? — Тихон рассмеялся истерично. — Это боги, Клык! Боги! Мы не можем воевать с богами!

— А что предлагаешь? — голос Лекса прозвучал из темноты, и толпа расступилась. Он вышел в центр зала, бледный, с красными глазами — не спал, наверное, уже вторые сутки. — Сдаться? Убежать? Куда? В Механос? К эльфам?

— Хотя бы отсюда, без разницы куда! — крикнул кто-то. — Подальше от гор, от этого проклятого места!

— И что, тогда аватар пойдёт за вами, — спокойно сказал Лекс. — Он не отстанет. Он будет убивать, пока вы бежите. Пока не останется никого, кто посмел поднять голову.

Тишина стала тяжёлой.

— Но мы можем защититься, — продолжил Лекс. — У нас есть оружие. Есть знания. Есть люди, которые готовы драться. И есть я.

— Ты? — Тихон усмехнулся, но в усмешке не было уверенности. — Что ты можешь против богов?

Лекс посмотрел на него долгим взглядом. Потом сказал тихо, но так, что услышали все:

— Я уже победил одного. Вэл'Шан мёртв. Его богиня убила его сама, потому что он проиграл мне. Если она боится меня — значит, я могу навредить ей.

— А если нет? — спросила женщина с ребёнком.

— Тогда мы умрём, — честно ответил Лекс. — Но умрём не рабами. С оружием в руках. С именем свободы на устах, не на полях, где кристаллы будут потихоньку пить из вас душу и жизненные силы.

Он обвёл взглядом собравшихся.

— Выбирайте. Бежать и умирать поодиночке. Или остаться и победить.

Экстренный совет собрали в командирской.

Здесь было тесно — Лекс, Айрин, Клык, Кор-Дум, Зураб, Эрвин, Серафима. Агафья пришла, но села у стены, на чурбак, и молчала, глядя в пол. Грым стоял у двери, прижимая к себе Писка, который тихо жужжал, сканируя пространство.

— Мы не можем так оставлять жилые отсеки, — начала Айрин. Голос её звучал ровно, но Лекс видел, как дрожат её пальцы, сжимающие край стола. — Аватар прошёл сквозь стены, сквозь охрану, сквозь всё. Мы должны защитить людей.

— Чем? — спросил Клык. — У нас нет магии. Наши кристаллы-детекторы не реагируют на тёмный эфир.

— Есть ингрийские обереги, — сказал Эрвин. Старик сидел в углу, опираясь на посох, и лицо его было серым. — Родовые знаки. Наши предки верили, что они защищают от зла. Если нанести их на стены...

— Поможет? — перебил Кор-Дум.

Эрвин покачал головой.

— Не знаю. Против обычной нечисти — да. Но против такого... — он кивнул куда-то в сторону южного крыла, — я не уверен. Возможно, они бесполезны. Но другого у нас нет.

Лекс кивнул.

— Делайте. Айрин, ты знаешь эти знаки?

— Знаю, — ответила она. — Бабушка учила.

— Тогда займись этим. Клык, усиль патрули. Раздай кристаллы-детекторы, пусть люди носят с собой. Если аватар приблизится, хотя бы будет предупреждение.

— А если не сработают? — спросил Клык.

Лекс помолчал. Собрался с мыслью, сказал:

— Тогда будем надеяться, что мы успеем раньше.

— Успеем? — Зураб поднял голову. — Что ты задумал?

Лекс посмотрел на него. На Кор-Дума, который сидел, сжав кулаки. На Грыма. На всех, кто ждал ответа.

— Мы не можем ждать, пока аватар убьёт ещё кого-то, — сказал он. — Мы должны ударить первыми.

— Как? — спросила Серафима. — Ты видел его. Он неосязаем.

— Значит, сделаем осязаемым, — ответил Лекс. — У нас есть звёздное железо, которое принёс Грым из Древнего города. Пусть один маленький кусочек, но на один выстрел хватит. Так же у нас есть подавители.

— Один? — Айрин вскочила. — Один всего один выстрел?

— Да, один, но это шанс. Если мы пойдём за остальным железом, то скорее всего придём обратно в пустой мёртвый лагерь.

— Это безумие, — сказал Кор-Дум. — Ты хочешь идти один? Когда он убивает так просто и незаметно?

— Если я не пойду, он убьёт всех, — твёрдо ответил Лекс. — Звёздное железо — единственное, что может его остановить. Я должен рискнуть.

— Я с тобой, — сказал Грым.

— Нет. — Лекс покачал головой. — Ты нужен здесь. Ты единственный, кто знает путь к хранилищу. Если я не вернусь, поведёшь других.

Грым хотел возразить, но Кор-Дум положил руку ему на плечо и сжал.

— Он прав, сынок, — тихо сказал дворф. — Твоё место здесь.

Тишина в комнате стала звенящей. Лекс обвёл взглядом собравшихся.

— Вопросы?

— Когда? — спросил Клык.

— Завтра на рассвете.

Айрин смотрела на него, и в её глазах была такая боль, что Лекс едва сдержался, чтобы не подойти, не обнять, не сказать: «Я останусь». Но он не мог. Не сейчас.

— Я провожу тебя, — сказала она.

Он кивнул.

Серафима осталась в командирской, когда все разошлись.

Она стояла у стены, прижимая к груди амулет, и смотрела на карту, которую Лекс забыл свернуть. Путь к Старому Городу. Отметки, пометки, стрелки. Она не понимала в картах, но чувствовала — это дорога смерти.

Она закрыла глаза и попыталась молиться.

«Утерянный Творец, чей дух рассеян, но не уничтожен,

Мы — осколки твоего замысла,

Мы — кузнецы своей судьбы,

Мы плавим руду и страх...»

Слова не шли. Они застревали в горле, как кости. Она попыталась снова, громче, отчаяннее:

«Ты в искрах горна, ты в дыме кузницы,

Ты — свет в глазах уставших беглецов...»

И замолкла.

Света не было. Только холод. Тот самый, липкий, ледяной холод, который она чувствовала последние дни. Он просачивался в сознание, заполнял пустоту, которую должна была занимать вера.

Она открыла глаза.

В комнате никого не было. Только карты, только амулет в её руках, только тени от кристального светильника, пляшущие на стенах.

— Боже-Механизм, — прошептала она. — Если ты слышишь меня... дай знак. Дай мне понять, что я не одна.

Тишина.

Серафима опустилась на колени, положила амулет на пол, склонилась над ним.

— Я не прошу тебя спасти нас, — сказала она. — Я не прошу чуда. Я прошу только... дай мне силы не сломаться. Дай мне веру, когда вокруг только тьма.

Ничего не изменилось.

Она сидела так долго, пока свечи не догорели. А потом встала, подняла амулет и вышла в коридор. Завтра Лекс уходил. И она должна была быть сильной. Хотя бы для него.

Ночь перед уходом была самой длинной в жизни Лекса.

Он сидел на лежанке, прислонившись спиной к холодной стене, и смотрел на Айрин. Она спала — вернее, притворялась, что спит. Он видел, как дрожат её ресницы, как сжимаются пальцы, вцепившиеся в край одеяла.

— Не притворяйся, — сказал он тихо. — Я знаю, что не спишь.

Она открыла глаза. В темноте они казались чёрными, бездонными.

— Не уходи, — прошептала она. — Пожалуйста.

— Я должен.

— Знаю. — Она села, обхватила колени руками. — Но я не могу... не могу потерять тебя.

— Не потеряешь. — Он взял её за руку. — Я вернусь.

— Ты всегда так говоришь.

— И всегда возвращаюсь.

Она посмотрела на него долгим взглядом. Потом вдруг придвинулась, обняла, прижалась всем телом.

— Если ты умрёшь, — сказала она в его плечо, — я убью тебя. Слышишь?

Лекс усмехнулся. Усмешка вышла кривой, болезненной.

— Слышу.

Они сидели так, обнявшись, пока за стенами не начал заниматься рассвет. А когда первые лучи солнца коснулись вершин гор, Лекс встал, надел куртку, проверил оружие.

Айрин осталась на лежанке. Она не плакала — просто смотрела на него.

— Я буду ждать, — сказала она.

— Я знаю.

Он вышел.

В коридоре его ждали.

Клык, Зураб, двое добровольцев — Демид и Прохор, те, кто уже ходил с Лексом в опасные вылазки. Кор-Дум принёс глушилки. Серафима стояла у входа в тоннель, шепча молитву.

Перед выходом Лекс ещё раз прокрутил в голове карту Грыма — тоннели, повороты, залы с ловушками — и утвердительно кивнул.

— Я запомнил маршруты.

Лекс взял свой пистолет, проверил магазин с одним особенным патроном, их шансом на выживание. Взвесил в руке — уже привычная тяжесть, тренировки давали о себе знать.

Они шагнули в темноту.

А на перевале, там, где ветер свистел в расщелинах, Эринния смотрела на базу и улыбалась. Она чувствовала их страх, их боль, их отчаяние. Она знала: это только начало.

Она чувствовала и другое — что один из огоньков в каменной норе двинулся прочь, уходит в тоннели. «Он бежит, — подумала аватар. — Как и все». Она не знала, что этот огонёк — не бегство, а охота.

Человек, которого она должна была уничтожить, сам вышел на охоту.

А небольшой цилиндр из звёздного железа, о котором она не подозревала, уже ждал своего часа.

Глава 4. Приманка для тени

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Два дня после гибели жителей южного крыла — возвращение отряда, затем совет

Место: База Лекса — тоннели, ущелье, командный центр

Отряд вернулся на исходе вторых суток. Лекс шёл первым, стараясь ступать бесшумно, хотя ноги гудели от усталости. За ним, соблюдая дистанцию в несколько шагов, двигались Клык, Зураб, Демид и Прохор. Все в тёмной одежде, с лицами, скрытыми капюшонами. Они отсутствовали почти сорок восемь часов — ушли на рассвете, когда солнце только касалось вершин, и вернулись, когда луны уже поднялись над горами.

Три дня назад, после гибели людей в южном крыле, Лекс объявил: нужно идти за звёздным железом. Но чем больше он думал, тем яснее понимал: бросить базу без защиты — значит отдать аватару всех, кто здесь останется. Она и так убивала каждую ночь. Если он уйдёт с отрядом в Старый Город, она просто пройдёт сквозь стены и перебьёт женщин, детей, раненых. А потом придёт за ним.

Поэтому план изменился. Он не стал отказываться от похода — это вызвало бы ненужные вопросы. Он просто сместил цель. Вместо того чтобы пробиваться к хранилищу через глубокие тоннели, где аватар мог перехватить их в любой момент, они сделали вид, что ищут пути к отступлению. Имитировали панику, суету, отчаяние — всё то, что боги ожидали увидеть.

Они вышли затемно, когда небо ещё не начало светлеть. Лекс проверил снаряжение: пистолет с одним особенным патроном на поясе, глушитель в рюкзаке, запасные кристаллы для света. Клык нёс детонаторы — три коробочки с усиленными кристаллами-резонаторами, которые Грым дорабатывал последние дни. Зураб, Демид и Прохор тащили верёвки, крючья и несколько мешков с припасами.

— За нами следят? — спросил Зураб, когда они углубились в тоннель.

— Постоянно, — ответил Лекс, не оборачиваясь. — Она не видит нас напрямую, но чувствует эфирные следы. Архитектор говорит, её присутствие похоже на... давление. Как будто кто-то смотрит в затылок.

— И ты хочешь, чтобы мы делали вид, что ищем выход? — усмехнулся Клык. — А если она поймёт, что мы её обманываем?

— Не поймёт, — сказал Лекс. — Боги не верят, что рабы могут планировать. Для неё мы — испуганные крысы, которые мечутся в поисках норы.

Он не добавил «надеюсь». Он не имел права на надежду. Только на расчёт.

Первые часы они просто блуждали. Лекс вёл отряд по заранее намеченному маршруту, но то и дело останавливался, делал вид, что сверяется с картой, спорил с Клыком о направлении. Зураб громко ругался, когда приходилось возвращаться назад. Демид и Прохор молча тащили припасы, но их лица были напряжёнными — они играли свою роль без лишних слов. Они заходили в тупики, разворачивались, снова шли. Иногда Лекс приказывал остановиться и прислушаться, будто ожидая погони. В такие моменты все замирали, и тишина становилась такой плотной, что слышно было, как капает вода где-то в глубине.

Первый привал сделали через четыре часа, когда тоннель расширился в небольшой грот. Здесь было сухо и относительно тепло — из расщелины в стене сочился пар, нагретый подземными источниками. Люди опустились на камни, вытирая пот. Лекс достал флягу, сделал глоток, передал дальше.

— Пора, — сказал Клык, когда они немного отдохнули. — Мы уже второй раз проходим мимо одного и того же ответвления. Если она наблюдает, то заметит.

— Пусть замечает для этого мы тут и бродим, — ответил Лекс. — Пусть думает, что мы запутались. Что страх затуманил нам головы.

Он повернул в нужный проход — тот самый, который вёл к восточному склону, где, по расчётам Грыма, эфирный фон был слабее. Здесь, в этих тоннелях, аватар не могла появиться внезапно — стены мешали ей проявиться в полную силу. Она ждала открытого пространства, где её власть была абсолютной.

— Нам нужно ущелье, — сказал Лекс, когда они выбрались из очередного завала. — То, которое мы видели с верхней смотровой. Там, где скалы сходятся, образуя естественную ловушку.

— Туда она и пойдёт? — спросил Прохор, вытирая пот со лба.

— Туда я пойду, — поправил Лекс. — А она за мной.

Второй привал случился через три часа, когда они наткнулись на разветвление из четырёх тоннелей. Лекс сделал вид, что изучает карту, хотя на самом деле просто давал людям передохнуть. Зураб прислонился к стене, закрыв глаза. Клык проверил детонаторы.

— Если она здесь, — тихо сказал Демид, — почему не нападает?

— Потому что ей невыгодно, — ответил Лекс. — В тесноте ей не интересно. Для нее это должно быть зрелищно, можно сказать показательно даже. Она ждёт, когда мы выйдем на открытое пространство.

— А если мы не выйдем?

— Тогда она будет ждать. У неё времени больше, чем у нас.

Он поднялся, отряхивая штаны. — Идём.

Они вышли на поверхность через узкий лаз, замаскированный нагромождением камней. Солнце уже клонилось к закату, окрашивая снежные вершины в багровые тона. Ветер здесь был злым, колючим, он бросал в лицо ледяную крупу и завывал в расщелинах, как раненый зверь.

Лекс поднялся на небольшой выступ, оглядываясь. Ущелье было именно таким, как он запомнил: узкий проход между отвесными скалами, дно усыпано камнями, ни одного укрытия. Слева — крутой склон, поросший редкими кустами, справа — почти вертикальная стена. Идеальное место, чтобы загнать хищника в ловушку.

— Здесь, — сказал он. — Глушители заложим вон там, на тех террасах. Они не видны снизу, но зона покрытия будет перекрывать всё ущелье.

Клык полез наверх, проверяя точки. Лекс следил, как он карабкается по осыпающемуся склону. Камни то и дело срывались из-под ног, скатывались вниз и исчезали в темноте. Где-то далеко внизу они ударялись о дно ущелья — звук долетал через несколько секунд, приглушённый, но отчётливый. Клык двигался медленно, проверял каждый выступ, прежде чем перенести вес. Один раз его нога соскользнула, и он повис на одной руке, вцепившись в торчащий из скалы корень. Сердце Лекса ухнуло куда-то вниз, но Клык, не издав ни звука, подтянулся и нашёл новую опору. Через минуту он уже был на террасе.

Зураб остался внизу, изучая возможные пути отхода.

Клык работал быстро, но аккуратно. Глушители были спрятаны в расщелинах между камнями, замаскированы снегом и ветками. Их детонаторы соединялись тонкими эфирными нитями, которые должны были активироваться по сигналу с браслета Лекса.

— Первый на месте, — доложил он через час.

— Второй готов, — отозвался Демид с противоположного склона.

Лекс посмотрел туда. Демид стоял на узком карнизе, вжавшись спиной в скалу. Под ним — двадцать метров пустоты. Он закреплял глушитель одной рукой, второй судорожно ища опору. Камень под его ногой треснул и отвалился, улетев вниз. Демид замер, побледнев даже в темноте, но удержался. Клык, наблюдавший сверху, выругался сквозь зубы, но ничего не сказал — кричать в такой момент опасно, можно спровоцировать новый обвал.

— Третий... — Клык помолчал. — Третий требует проверки. Кристалл нестабилен.

Лекс поднялся к нему. Подъём занял больше времени, чем он рассчитывал. Склон здесь был особенно крутым, покрытым тонкой коркой льда, скрывавшей рыхлую породу. Лекс сту-

пал осторожно, но всё равно дважды срывался — спасали только крючья, которые он вбил на подъёме. Когда он добрался до Клыка, руки дрожали от напряжения, а лоб был мокрым, несмотря на холод.

— Хорошо, что ты не сорвался, — тихо сказал Клык, не оборачиваясь. — Здесь даже камни не держатся.

Устройство было зажато между двумя камнями, но один из резонаторов мерцал тревожным багровым светом.

— Грым предупреждал, — сказал Лекс. — Такие кристаллы могут сгореть при активации. Но сгореть — не значит не работать. Оставь как есть.

— А если он рванёт раньше времени?

— Тогда мы узнаем об этом раньше, чем планировали.

Клык хмыкнул, но спорить не стал.

Спуск оказался не легче подъёма. Клык шёл первым, прокладывая путь. Демид, всё ещё бледный, двигался за ним, то и дело отступаясь. Лекс замыкал. Когда они уже почти достигли дна, под ногами Прохора неожиданно просела каменная плита — целый пласт породы накрепился и с глухим грохотом сполз вниз, открывая чёрную пустоту. Прохор успел отпрыгнуть, но потерял равновесие и покатился по осыпи, пока не упёрся в валун. Он лежал, тяжело дыша, но целый. Только ладонь рассек об острый край.

— Жить буду, — прохрипел он, когда Зураб помог ему подняться. — А вот штаны — не уверен.

Клык молча похлопал его по плечу. Лекс оглянулся на тёмные склоны, где там, наверху, остались глушители — их единственный шанс. И подумал: если они сейчас чуть не погибли, каково же будет завтра, когда в это ущелье придёт она.

Последний привал сделали уже на обратном пути, когда силы были на исходе. Лекс разрешил пятнадцать минут отдыха. Зураб сидел, прислонившись к стене, и молча жевал сухарь. Демид дремал, положив голову на мешок. Прохор перевязывал ладонь.

— Ты веришь, что это сработает? — тихо спросил Клык, присаживаясь рядом с Лексом.

— Должно, — ответил тот. — Грым свои ловушки знает.

— Я не про глушители. Я про тебя. Ты идёшь один против того, что боги послали. Это не горстка эльфов в ущелье. Это... я не знаю, что это.

— Я тоже не знаю, — честно сказал Лекс. — Но, если я не пойду, она убьёт всех. По одному. Не спеша. С наслаждением. Я не могу этого допустить.

— Значит, пойдёшь.

— Значит, пойду.

К вечеру второго дня все три глушителя были установлены. Лекс проверил связь с каждым через браслет — Архитектор подтвердил, что сигнал проходит.

«Глушители активируются по мысленной команде, Наследник. Время задержки — не более двух секунд. Радиус покрытия — всё ущелье. Продолжительность подавления эфирной структуры аватара — ориентировочно 180–300 секунд».

— Три-пять минут, — сказал Лекс вслух. — Хватит, чтобы нанести удар.

— Или чтобы она нас всех перебила, — мрачно добавил Зураб.

— Не каркай.

Обратный путь занял меньше времени — они шли быстро, почти бегом, не делая вид, что ищут выход. Имитация паники закончилась. Теперь нужно было подготовиться к главному.

Когда они вошли в главный зал, было уже далеко за полночь. Люди спали, только часовые у входов провожали их молчаливыми взглядами. Агафья, дежурившая у очага, молча подала миску с тёплой похлёбкой, но Лекс не стал есть — сразу пошёл в командный центр.

Там уже ждали. Айрин сидела на своём обычном месте — на грубом табурете у стены, поджав под себя ноги. Её пальцы нервно перебирали край медальона матери. Увидев Лекса,

она не вскочила, не бросилась к нему — только посмотрела долгим, тяжёлым взглядом. В нём было всё: и облегчение, и боль, и тот немой вопрос, который она не решалась задать при всех.

— Всё прошло по плану, — сказал Лекс, садясь напротив. — Глушители установлены. Завтра на рассвете я выхожу в ущелье.

— Один?

— Один.

Она сжала медальон так, что побелели костяшки.

— А если она не придёт?

— Придёт. — Он помолчал. — Я для неё личное.

— Личное? — Айрин горько усмехнулась. — Ты для неё цель. Мишень. Игрушка. Она убьёт тебя, Лекс. Не потому, что ты для неё что-то значишь, а потому, что ты — помеха. Её богиня сказала: «Уничтожь». И она уничтожит. Не думая, не сомневаясь. Как тех в южном крыле.

— Значит, мы заставим её думать.

Лекс развернул на столе карту, которую они составляли последние два дня. Извилистые тропы, отметки постов, красные кресты в тех местах, где уже появлялись тени. И три синих кружка там, где Клык заложил глушители.

— План простой, — сказал он, обводя взглядом собравшихся. — Я стану приманкой. Выйду в ущелье, где она сможет меня увидеть. Она придёт. Пока она будет сосредоточена на мне, Клык активирует глушители. Они временно подавят её эфирную природу, сделают материальной. Тогда Зураб и его люди бьют из засады.

— А если она прорвётся? — спросила Серафима, стоявшая у стены с амулетом в руках.

— Тогда мы отходим. Но она не прорвётся.

— Ты так уверен? — голос Айрин дрогнул.

— Я должен быть уверен. Иначе зачем всё это?

Грым сидел в углу, склонившись над своим самодельным устройством — небольшим кристаллом-ловушкой, который он дорабатывал последние часы. Писк жужжал рядом, иногда протягивал манипулятор с нужным инструментом. Мальчик выглядел усталым, но в глазах горел тот самый огонёк, который появлялся у него всегда, когда он работал с механизмами Древних.

— Я проверил каждый резонатор, — сказал он, не поднимая головы. — Писк пересчитал модуляцию трижды. Если активировать глушители в нужной последовательности, она не сможет уйти в тень. По крайней мере, на время.

— На какое время? — спросила Серафима.

— На несколько минут. Может, на пять. Может, на три.

— Три минуты, — Зураб хмыкнул. — И ты думаешь, мы успеем её завалить за три минуты?

— А ты думаешь, у нас есть три дня? — Лекс обвёл всех взглядом. — Она убивает каждую ночь. И каждый раз становится сильнее. Если мы не ударим сейчас, через неделю здесь не останется никого, кто способен держать оружие.

— А если ты не вернёшься? — Айрин шагнула к нему, и в её глазах вспыхнуло что-то, от чего Лексу захотелось отступить. — Если она поймёт, что ты приманка? Если она просто... возьмёт тебя? Как тех в южном крыле?

— Айрин...

— Нет! — она почти выкрикнула, и в комнате повисла тишина. — Ты говоришь «план», «приманка», «ударим первыми», а сам идёшь один против того, от чего мы все прячемся за берегами. И ты хочешь, чтобы я просто согласилась?

— А что ты предлагаешь? — голос Лекса стал тише, но в нём появилась усталость. — Остаться? Ждать, пока она вырежет ещё десять? Двадцать? Пока в живых не останутся только те, кто сможет бежать?

— Я предлагаю найти другой способ! — Айрин ударила ладонью по столу, карты дрогнули. — Есть же что-то ещё! Грым, ты говорил о клинках из звёздного железа... может, сначала достать их, а потом...

— Идти к ней с оружием в руках, но без прикрытия? — перебил Клык. — Пока мы будем тащиться через тоннели, она просто пройдёт сквозь стены и перебьёт всех, кто останется. Ты же сама говорила: обереги Эрвина — это не навечно.

— А если я пойду с тобой? — вдруг сказал Грым. — В тоннель. Я знаю путь. Я смогу...

— Нет, — Лекс отрезал так, что мальчик замолчал. — Ты нужен здесь. С кристаллами. С ловушками. Если я не вернусь, база держится на тебе.

— А если ты не вернёшься, то и база не нужна! — выпалил Грым, и в его глазах блеснуло что-то, похожее на отчаяние. — Ты не имеешь права...

— Имею, — Лекс посмотрел на него, и в этом взгляде было столько тяжести, что Грым отступил на шаг. — Потому что, если я сейчас струшу, завтра здесь не останется никого. Ни тебя, ни Айрин, ни Лады. И тогда всё, что мы строили, всё, ради чего гибли люди в Ингрии... всё пойдёт прахом. А я не для того возвращался из Пустоты, чтобы сидеть и ждать смерти.

Зураб первым нарушил тишину. Он тяжело вздохнул, переложил топор из одной руки в другую и глухо сказал:

— Ладно. Твоя взяла. Но если ты не вернёшься — я сам пойду за тобой. И не спорь.

Клык медленно кивнул, разжимая наконец сцепленные за спиной руки:

— Глушители будут ждать сигнала. Но если она прорвётся — мы отходим. Без геройства.

— Без геройства, — согласился Лекс.

Серафима молча подошла к Лексу и положила руку ему на плечо. В её глазах не было слёз — только усталая, сухая решимость.

— Я буду молиться. И ставить обереги. Если она всё же пойдёт на базу, я постараюсь её... задержать. Сколько смогу.

Лекс накрыл её руку своей:

— Спасибо.

Он перевёл взгляд на Айрин. Она стояла, опустив руки, и смотрела на него с той смесью ярости и боли, которую он уже знал. И любил. И боялся.

— Айрин...

— Я знаю, — она шагнула к нему, взяла за руку. Пальцы были холодными. — Я знаю. Ты должен. Я... я не буду больше спорить. Но если ты не вернёшься...

— Вернусь, — он сжал её ладонь. — Я всегда возвращаюсь.

Она сняла с шеи медальон матери — серебряную волчью голову на тонкой цепочке. Надела на Лекса.

— Пусть он защитит тебя там, где я не смогу, — прошептала она. — И помни: ты должен вернуться. Не ради меня. Ради всех нас.

Лекс коснулся холодного металла, чувствуя, как под пальцами проступает едва уловимое тепло — от её рук, от её тепла.

— Не забуду, — сказал он.

Она посмотрела на него долгим взглядом, потом выпрямилась и повернулась к остальным:

— Тогда нечего стоять. Клык — проверь связь с глушителями. Зураб — собери людей. Грым — финальную настройку кристаллов. Серафима — обереги. А ты... — она снова посмотрела на Лекса. — Ты иди готовься. И не вздумай уйти без меня.

Лекс кивнул, и напряжение в комнате наконец спало — не до конца, но хотя бы настолько, чтобы можно было дышать.

Вечер опустился на базу тяжёлым покрывалом. Метель стихла, но холод остался — липкий, глубинный, который не прогнать ни огнём, ни молитвой. В главном зале люди старались заниматься обычными делами: кто-то чинил одежду, кто-то точил оружие, кто-то просто сидел у очага и смотрел в огонь. Дети играли тихо, без обычного смеха. Лада прижимала к себе куклу и шептала ей что-то на ухо. Барс лежал рядом, положив тяжёлую голову на лапы, и иногда тихо рычал, глядя в тёмный коридор.

Лекс стоял у входа в главный тоннель, проверяя снаряжение в последний раз. Руки двигались механически. Айрин стояла рядом, молча наблюдая. Её глаза были сухими, но в них была такая боль, что Лекс едва сдерживался, чтобы не обнять её снова и не сказать: «Я остаюсь».

Он поцеловал её в лоб, коротко, но крепко, и шагнул в тоннель. Тьма обняла его сразу. За спиной остались свет, тепло, Айрин. Впереди — горы, тени и аватар, который ждал именно его.

Где-то наверху, на заснеженном перевале, Эринния стояла неподвижно. Она чувствовала движение внизу. Чувствовала, как один огонёк отделяется от остальных и движется навстречу ей — туда, в пустоту ущелья, где её власть была сильнее всего.

До этого момента охота была холодным расчётом: сканировать страхи, находить уязвимых, давить, пока не сломаются. Она делала это десятки раз, и каждое убийство было лишь очередным шагом к цели. Но сейчас, когда Лекс отделился от стаи и пошёл прямо на неё, в её груди — там, где у смертных билось сердце — разлилось странное, тягучее тепло.

Эйфория. Она никогда не испытывала её раньше. Это чувство было новым, почти пугающим в своей остроте, но одновременно — таким сладким, что не хотелось ему сопротивляться. Каждый её замысел, каждая западня, каждый удар по слабым привели к этому моменту. Он шёл к ней. Сам. Словно вся его воля, вся гордость превратились в одну тонкую нить, которую она могла намотать на палец.

Эринния медленно, с наслаждением улыбнулась. Её тень на снегу заколыхалась, вытягиваясь к ущелью, будто нетерпеливая рука тянулась к добыче.

Приманка была готова. Она была прекрасна. Игра продолжалась.

Глава 5. Танец со смертью

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Глубокая ночь

Место: Горное ущелье — естественная ловушка между отвесных скал

Лекс шагнул в ущелье, тишина накрыла его, как могильная плита. Даже ветер, завывавший в расщелинах всю неделю, сдался перед каменной хваткой этого места. Луны давно спрятались за тяжёлые тучи, единственным светом были редкие звёзды — холодные, равнодушные, словно наблюдающие за представлением из первого ряда.

Цепочка на шее больше не холодела. Она жгла.

Лекс чувствовал этот огонь каждой клеткой — не физический, тот, что прожигал изнутри, заставляя нервы петь на предельной частоте. Он шёл медленно, специально громко ставя сапоги на камни, чтобы шум шагов разносился по ущелью. Приманка должна быть заметной. Достаточно жирной, чтобы хищник не смог устоять.

— Я здесь, — сказал он в темноту. Голос прозвучал глухо, будто стены выпили его звук.

Никакого ответа. Только редкие капли, падающие с нависших сверху сосулек, только хруст гравия под подошвами.

Он остановился в центре ущелья, там, где скалы сходились ближе всего, образуя естественную арку. Хорошее место. Глушители Клыка висели на склонах в трёх точках, образуя треугольник. Лекс проверил браслет — Архитектор подтвердил готовность.

«Все системы в режиме ожидания, Наследник. Эфирный фон нестабилен. Присутствие аномальной сущности зафиксировано в радиусе двухсот метров».

— Знаю, — прошептал Лекс. — Она здесь.

Он не видел её, но чувствовал. Давление на барабанные перепонки, как перед грозой. Воздух стал густым, тяжёлым, будто кто-то сжал пространство в кулаке. Цепочка вибрировала, отбивая дробь прямо на грудной кости.

Лекс перевёл дыхание и так вовремя подумал об Айрин. О том, как она смотрела на него перед уходом — не прощаясь, не плача, а просто глядя в глаза, будто запоминая каждую чёрточку. О том, как её пальцы сжимали медальон матери, когда она надевала его ему на шею.

«Ты должен вернуться, — сказала она тогда. — Не ради меня. Ради всех нас».

Он не имел права умереть. Но и отступить не мог.

Тьма в конце ущелья пришла в движение, начала концентрироваться в одном месте, по прошествию небольшого промежутка времени она сгустилась. Сначала Лекс принял это за игру воображения от перенапряжения которое он ощущал все это время, что это просто облако, спустившееся ниже. Но облака не двигаются против ветра. И не меняют форму, перетекая из одного очертания в другое, как ртуть.

Она текла по камням, не касаясь их, оставляя за собой тонкую багровую дымку. Два огня зажглись в глубине этого мрака — глаза, горящие цветом запёкшейся крови. В них не было ни злобы, ни ненависти. Только пустота. Та самая, которую Лекс видел на перевале неделю назад.

— Я ждала тебя, — голос аватара не прозвучал в воздухе, не разнесся угрожающе по ущелью. Он родился прямо в голове Лекса, обжигая извилины. — Ты пришёл сам. Это упрощает задачу.

Лекс сжал кулаки, стараясь не выдать дрожь. Пот стекал по спине, пульс грохотал в ушах.

— Кто ты?

— Я — воля Нергал. Я — её гнев, её меч, её возмездие не покорным. — Тьма пульсировала в такт словам. — А ты — ошибка, которую нужно исправить, тебя не должно существовать в этом мире. Ты всего лишь человек, посмеявшийся поднять голову. Ты даже не маг. Ты — пустота, одетая в плоть, а пустота опасна. И я сотру тебя.

Она бросилась вперёд. Не прыжком — мгновенным перемещением, будто пространство свернулось в точку. Лекс едва успел откатиться в сторону, почувствовав, как ледяное дыхание скользнуло по щеке. Там, где только что стоял, камень покрылся инеем, затем треснул — глубоко, до самого основания.

Лекс выхватил пистолет, выстрелил. Обычная пуля прошла тень насквозь, не встретив сопротивления, и вонзилась в скалу за спиной аватара. Тьма даже не дрогнула.

— Самонадеянно, — её голос сочился презрением. — Обычное железо не ранит тень богини. Ты знал это. И всё равно попытался. Отчаяние? Или надежда на чудо? Невежественный глупец.

Она снова двинулась, теперь медленнее, наслаждаясь моментом. Лекс пятился, стараясь держать дистанцию. Пальцы сами нащупали на поясе глушилку — маленький диск с тускло мерцающим кристаллом.

«Рекомендуется дождаться, пока сущность войдёт в зону максимального покрытия. Радиус действия глушителей — пятьдесят метров. Текущая дистанция — семьдесят», — подсказал Архитектор.

— Чёрт, — выдохнул Лекс.

Аватар замерла в десяти шагах. Её форма начала меняться — из аморфной тени проступили очертания. Женская фигура, высокая, гибкая. Длинные волосы, струящиеся, словно дым, но не имеющие того блеска настоящих волос. Лицо, которое невозможно запомнить — черты плыли, перетекали, не желая застывать.

— Ты боишься, — сказала она. — Я чувствую твой страх. Он сладкий.

— Ты ошибаешься, — Лекс заставил себя улыбнуться. — Это не страх. Это азарт.

Она рассмеялась. Звук был похож на треск льда под ногами.

— Лжёшь. Я вижу твою душу. Она кричит от страха.

И тогда давление обрушилось. Лекс не успел ни закрыться, ни отступить. Ментальная волна ударила в лоб, как таран, пробивая все барьеры, которые он пытался выстроить. Браслет вспыхнул, пытаясь создать защитное поле, но аватар просто сожрала его энергию, как огонь пожирает бумагу. Мир вокруг исказился.

Ущелье исчезло. Вместо камней — стены лаборатории. Знакомые стены. Земные. Лампы дневного света, гул вентиляции, запах озона и горячего металла.

— Лёха, отключай, сейчас рванёт к чёрту!

Ромка стоял у пульта, его лицо было белым, глаза расширены от ужаса. Тот самый день. Тот самый миг, который Лекс прокручивал в голове тысячи раз.

— Я не успею, — собственный голос звучал чужим, механическим. — Система заблокирована.

— Ты же гений черт тебя побери! Сделай что-нибудь!

Лекс рванул к пульта, пальцы забегали по клавишам. Экран мигал красным, выдавая ошибку за ошибку. Где-то в глубине цеха уже нарастал гул — турбины разгонялись, чтобы выплеснуть смерть.

— Лёха, мама же просила... — Ромка схватил его за плечо. — Обещай, что позвонишь ей!

— Сам позвонишь! — рявкнул Лекс, вдавливая кнопку аварийной остановки.

Кнопка провалилась. Ничего не произошло. Гул перерос в рёв. А потом была вспышка. И тишина.

— Это не по-настоящему, — прошептал Лекс, зажмуриваясь. — Это иллюзия.

— Уверен? — Голос аватара обвинил его сознание, как удав.

Картинка сменилась. Кристаллические поля. Барак. Корней лежит на нарах, его лицо серое, глаза запали. Дыхание — редкое, хриплое.

— Держись, старик, — Лекс сжимает его руку. — Сейчас, ещё немного, мы тебя вытащим.

— Сынок, — Корней улыбается беззубым ртом. — Ты хороший... Но не всем суждено... Он замолкает. Навсегда.

— Это не я виноват! — кричит Лекс в пустоту. — Я не мог его спасти!

— Не мог? — Голос аватара смеётся. — Или не захотел? Ты же видел, что он слаб. Ты мог что-то придумать ты же такой умный, но не сделал. Ты убил его своей добротой.

— Заткнись!

Новая картинка. База. Егор и Пахом тянут кабель к реактору. Искры, вспышка, крики. Тела, падающие на каменный пол.

— Ты торопился, — шепчет аватар. — Ты знал, что напряжение скачет, но не проверил. Ещё одна ошибка. Ещё жертвы по твоей вине.

— Я...

— А это помнишь?

Малой падает на снег, закрывая собой Шило. Стрела эльфа торчит из его спины. Глаза становятся стеклянными.

— Степан, которого разорвало когтями Теневого прыгуна. Лазарь, которого убил дроид в бункере. Список можно продолжать. — Голос аватара звучал уже не в голове, а отовсюду, заполняя всё пространство. — Каждый из них верил тебе. Каждый пошёл за тобой. И каждый мёртв.

Лекс упал на колени. Камни ущелья снова стали реальными, но он не чувствовал их остроты. Только боль. Такую сильную, что хотелось вырвать собственное сердце.

— Я не хотел, — прошептал он. — Я пытался их защитить...

— Ты — проклятие. — Аватар теперь стояла прямо перед ним, её багровые глаза смотрели в самую душу. — Ты приносишь только смерть. Посмотри на Айрин. Её ждёт та же участь. На Грыма. И всех, кто останется с тобой.

Перед глазами возникло лицо Айрин — мёртвое, бледное, с закрытыми глазами. Она лежала на камнях, и кровь растекалась вокруг неё багровым ореолом.

— Нет!

— Единственный способ спасти их — умереть самому. Прямо сейчас. Я сделаю это быстро. Почти без боли. — Аватар протянула руку, и тьма сгустилась в её ладони. — Ты избавишь их от себя. От своей тени. Они выживут. Забудут. Будут счастливы.

Лекс поднял голову. В глазах стояли слёзы, но взгляд стал твёрдым.

— Ты врёшь, — сказал он. — Они погибли не из-за меня. Они погибли, потому что выбрали свободу. И я не отниму у них этот выбор. Никогда.

— Глупец.

— Может быть. — Лекс медленно поднялся, чувствуя, как дрожат ноги. — Я не сдамся.

Он активировал браслет на полную мощность, одновременно вдавив кнопку отмычки в незащищённое место на поясе. Устройства взвыли, создавая вокруг него хаотичное эфирное поле. Аватар на миг отшатнулась — её форма замерцала, края стали менее чёткими.

— Что ты делаешь? — в её голосе впервые прозвучало нечто похожее на удивление и тревогу.

— Доказываю, что даже тень можно потрогать.

Он бросился вперёд, прямо на неё, выставив перед собой работающую отмычку. Разряд эфира ударил в аватара, заставив её взвыть. Она попыталась отступить, Лекс наседавал, не давая опомниться.

— Клык! — закричал он в пустоту. — Сейчас!

На склоне, в расщелине между камнями, Клык услышал этот крик. Пальцы уже лежали на детонаторе. Рядом Зураб сжимал топор, готовый броситься вниз в любую секунду.

— Пора, — прошептал Клык, нажал кнопку.

Три глушителя, разнесённые по склонам, взорвались одновременно. Не громко — приглушённо, как три удара сердца. Из мест разрывов хлынула волна чистого, стерилизованного эфира, сметая всё на своём пути.

Аватар застыла. Её форма, до этого текучая и неосязаемая, вдруг стала плотной, почти материальной. Это была не просто потеря невесомости — это была пытка.

Эринния закричала.

Не тем холодным, презрительным голосом, которым она говорила раньше. Настоящим, живым криком — хриплым, рвущимся из самой глубины. Её тело, только что сотканное из тьмы, начало пульсировать, словно под кожей бились тысячи игл. Багровые нити, из которых состояла её сущность, натянулись, затрещали, начали рваться одна за другой.

— Что... вы... — прохрипела она, хватаясь за голову. — Как вы...! это больно...!

Она заметалась, врезаясь в невидимые стены, созданные глушителями. Каждый удар о границу «мёртвой зоны» отдавался вспышкой багрового света, и каждый раз её форма становилась чуть менее плотной, чуть более... человеческой. Снег под её ногами плавился, превращаясь в пар, но не от тепла — от напряжения, которое разрывало её изнутри.

— Ты не имеешь права! — завопила она, обращаясь к Лексу, голос её ломался, переходил в вой. — Я — воля богини! Я — её гнев! Ты не смеешь...!

Она попыталась вырваться, рванув вверх, глушители держали крепко. Эфирная клетка сжималась, давила на неё со всех сторон, каждое мгновение этого давления отрывало от неё кусок тьмы. Багровые лоскутья падали на камни, шипели, испарялись. Эринния упала на колени, сжимая голову руками. Из её глаз текли не слёзы — чёрные ручейки чистого эфира.

— Прекратите... вам не дозволено... — прошептала она, в этом шёпоте не осталось ничего от надменной убийцы. Только страх. Только боль. — Я не хочу... не хочу исчезать...

Лекс замер на мгновение, глядя на её мучения. Внутри что-то дрогнуло. Он видел перед собой не чудовище, а существо, которое корчится в агонии, теряя себя. Но он знал: если он сейчас отступит, если прикажет отключить глушители, она очнётся — и убьёт их всех.

— Прости, но богиня выбрала твою судьбу, создав тебя. — сказал он одними губами и поднял пистолет.

В убежище Грым замер перед кристаллом-связкой. Экран мигал, передавая искажённое изображение ущелья. Аватар билась в эфирной клетке, её структура пульсировала, как раненый зверь. Грым видел это, но не мог разглядеть слабых мест — только общий хаос.

— Лекс! — закричал он в кристалл. — Бей! Сейчас!

Лекс уже не слышал. Он смотрел на аватара, чувствуя, как время замедляется. Эфирное зрение включилось на полную мощность — боль ударила в затылок раскалённым прутком, из носа хлынула кровь. Он видел. Видел эфирные нити, связывающие эту тварь с чем-то далёким, с самой Нергал. Видел, как они пульсируют, как тьма перетекает по ним, питая аватара.

И вдруг — заметил.

Там, чуть ниже левого плеча, там, где свет глушителей создавал мёртвую зону, защита аватара становилась тоньше. Не прорыв, нет — просто... слабость. Как трещина в броне, которую не успели заделать. Одна из эфирных нитей там была тоньше, почти прозрачна, и пульсировала не в такт ярости, как-то иначе — теплее, ровнее. Чужеродно. Будто кто-то незаметно вплёл в это творение тьмы свою искру.

Лекс не думал. Тело сработало раньше разума.

Он выхватил пистолет, дослал единственный патрон с звёздным железом. Единственный. Шанс, который нельзя упустить, он не имел права на ошибку.

Аватар заметила движение и рванулась к нему, но «мёртвая зона» держала. Она двигалась медленно, словно сквозь патоку, волоча за собой шлейф разорванной тьмы.

— Ты не посмеешь! — прошипела она, в её голосе уже не было прежней силы. Только отчаяние. — Я — часть богини! Убей меня, и Нергал придёт сама несмотря ни на что!

— Тогда мы встретим её, — ответил Лекс, нажал на спуск.

Выстрел разорвал ночь.

Пуля из звёздного железа, разогнанная электромагнитным полем до скорости, которую не могли дать никакие взрывчатые смеси, вонзилась в мерцающую точку — туда, где эфирная нить была тоньше всего.

Аватар взорвалась. Не как бомба — как мыльный пузырь, лопнувший под напором ветра. Багровая вспышка ослепила Лекса, отбросила к скале, заставив удариться спиной о камень. Воздух наполнился запахом озона, горелой плоти. Крик, который издала Эринния, нельзя было назвать человеческим. В нём смешались ярость, боль и что-то ещё — неожиданное, почти жалобное. Крик затих, растворился в эхе ущелья, наступила оглушающая тишина, после криков, боя, взрыва, она прямо закладывала уши.

Лекс лежал на камнях, сжимая пистолет в онемевшей руке. Кровь текла из носа, заливая губы, из ушей тоже сочилась тёплая влага. Он с трудом поднял голову, пытаясь разглядеть, что осталось от аватара.

Ничего. Только багровая дымка, медленно оседающая на снег, и потрескавшиеся камни в том месте, где стояла тень.

«Эфирная структура аватара коллапсирована. Источник тёмного эфира не обнаружен. Вероятность возрождения — ничтожна», — сообщил Архитектор.

Лекс закрыл глаза, переводя дыхание. Всё. Закончилось, они справились, не могли не справиться.

— Лекс! — голос Грыма из кристалла-связки прозвучал встревоженно. — Лекс, там... там что-то осталось! Я вижу! На камнях!

Он открыл глаза. С трудом поднялся, шатаясь, подошёл к месту взрыва. На чёрных, покрытых инеем камнях лежала девушка. Она съёжилась в позе эмбриона, обхватив колени тонкими руками. Длинные чёрные волосы, но уже нормального цвета вороньего крыла разметались по камням, кожа была бледной, почти прозрачной, с перламутровым отливом — наследие Аэтериев, которое не стёр даже коллапс. Она дрожала, и от неё исходил пар — будто только что вынырнула из ледяной воды. На ней не было никакой одежды, только иней, покрывший тело тонкой коркой.

Лекс заметил не только это. По обнажённой коже Эриннии, от плеч до самых запястий, вились тонкие багровые узоры — словно кто-то выжег на ней карту вен тёмным эфиром. Узоры пульсировали слабым, угасающим светом, и прямо на глазах Лекса края их начинали бледнеть, рассыпаться, исчезать. Шрамы от того, кем она была. Память тела о тьме, которая ещё не до конца отпустила свою жертву.

Лекс задержал дыхание. Он смотрел, как багровые линии тают, одна за другой, и на их месте остаётся чистая, бледная кожа. Процесс шёл медленно — слишком медленно для того, кто только что перестал быть аватаром. Перерождение не было мгновенным. Оно происходило здесь и сейчас, у него на глазах, и каждое исчезновение очередного узора отдавалось лёгкой дрожью в теле девушки.

— Она ещё не до конца освободилась, — прошептал Лекс. — Но уже не та.

Он, не раздумывая, снял куртку и накинул на неё, стараясь не касаться багровых линий — вдруг они ещё горячие.

— Лекс! — Грым в кристалле почти кричал. — Что ты делаешь?! Она жива?! Бей снова! Пока она не очнулась!

— Тихо, Грым, — тихо сказал Лекс. — Она не опасна.

Сам он не был в этом до конца уверен. Он смотрел на девушку и чувствовал, как внутри него борются два голоса. Один — холодный, рациональный — шептал: «Это аватар. Она убивала твоих людей. Она может очнуться и прикончить всех. Убей её сейчас, пока есть возможность, другого шанса может и не быть». Другой — тот, который заставил его спасти Корнея,

освобождать рабов, рисковать собой — возражал: «Посмотри на неё. Она беззащитна. Она ничего не помнит. Если ты убьёшь её сейчас, ты станешь таким же, как Вэл'Шан, она не выбирала свою судьбу, за неё все решили».

Лекс вспомнил себя. Того, кто очнулся на Кристаллических полях, ничего не помня, не понимая, где находится. Того, кого чуть не убили, потому что он был «чужим». Если бы кто-то тогда добил его... не было бы ни базы, ни освобождённых, ни надежды, не было бы Айрин.

— Ты не можешь её оставить, — прошептал он вслух, убеждая себя. — Не сейчас.

Девушка шевельнулась. Веки дрогнули, открывая глаза — багровые, не те, что горели злобой. Теперь они смотрели растерянno, испуганно, как у ребёнка, впервые увидевшего мир. Она приподнялась, опираясь на дрожащие руки, и посмотрела на Лекса. В её взгляде не было узнавания.

— Кто... — голос сорвался, она попыталась снова. — Кто я, кто ты? Почему я ничего не помню?

Лекс опустил на корточки, стараясь не делать резких движений.

— Ты помнишь хоть что то, своё имя?

Девушка наморщила лоб, словно пытаясь ухватить ускользающую мысль.

— Эринния, — прошептала она. — Меня зовут Эринния. Но больше... ничего. Только имя. И... — она посмотрела на свои руки, на бледную кожу, — только пустота.

Сзади послышался топот. Клык и Зураб, спустившиеся со склонов, замерли в нескольких шагах, сжимая оружие. Клык выглядел так, будто увидел призрака.

— Ты с ума сошёл?! — прошипел он, не опуская арбалета. — Это же тварь, которая убивала наших! Она вырезала южное крыло! Десять человек! Её нужно добить!

— Посмотри на неё, — Лекс кивнул на девушку. — Тварь исчезла. Осталась только девушка. Без памяти, без силы, без защиты.

Зураб хмурился, перекатывая топор в руке. Его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась борьба. Он потерял семью. Он ненавидел врагов. Но эта девушка... она даже не понимала, где находится.

— Она может притворяться, — сказал он глухо.

— Может. — Лекс поднялся, помогая Эриннии встать. Она цеплялась за его руку, как утопающий за соломинку. — Но я готов рискнуть.

— Это не риск, это безумие, — отрезал Клык. — Ты приводишь в лагерь убийцу наших людей.

— Я привожу в лагерь человека, который нуждается в помощи. — Лекс посмотрел на Клыка в упор. — Ты видел её глаза. В них нет ненависти. Только страх.

Клык сплюнул, но арбалет опустил.

— Твоя воля, командир, надеюсь ты не ошибёшься и на этот раз. Но если она хоть раз... — он не договорил, но угроза повисла в воздухе.

Лекс кивнул и повернулся к Зурабу.

— Ты со мной друг?

Кузнец долго молчал, разглядывая девушку. Потом перевёл взгляд на Лекса.

— Ты спас меня. Ты дал мне цель. Я верю тебе. — Он убрал топор за пояс. — Но, если она обернётся... я убью её сам. Не раздумывая.

— Справедливо.

Лекс обернулся к Эриннии. Она стояла, закутанная в его куртку, и смотрела на троих мужчин с выражением непонимания и взглядом затравленного зверька.

— Мы не причиним тебе вреда, — мягко сказал он. — Ты пойдёшь с нами. Мы поможем тебе вспомнить... или начать новую жизнь.

— Зачем? — её голос дрожал. — Я чувствую... что сделала что-то ужасное. Мои руки... в крови.

— Ты не помнишь этого. Это была не ты, тобой управляли, навязывали свою волю. — Лекс взял её за руку — ледяную, хрупкую. — Пойдём.

Они отошли от места боя на полсотни шагов, когда Клык остановился и жестом велел Зурабу идти вперёд с девушкой. Лекс задержался.

— Ты уверен? — спросил Клык, понижая голос. — Не здесь, не сейчас. Я прошу тебя подумать. Она — оружие Нергал. Даже если сейчас она не помнит, кто она, рано или поздно память вернётся. И тогда она уничтожит нас всех.

— А если не вернётся? — возразил Лекс. — Если мы выйдем из неё эту дрянь? Она может стать союзницей.

— Союзницей? — Клык усмехнулся горько. — Ты сам в это веришь?

— Я верю, что человек может измениться. — Лекс посмотрел на звёзды. — Посмотри на Зураба. Он был готов убивать всех эльфов подряд, пока не понял, что не все они монстры. Посмотри на Грыма — он ненавидел меня, когда я только появился. А теперь?

— Это другое.

— Это то же самое. — Лекс вздохнул. — Клык, я не знаю, правильно ли я поступаю. Может быть, ты прав, и она убьёт нас во сне. Но если я убью её сейчас — беззащитную, ничего не понимающую — я стану хуже эльфов. Я стану тем, против кого мы боремся, я не могу переступить через себя.

Клык молчал долго. Потом спросил:

— А Айрин? Ты подумал, что она скажет?

— Айрин поймёт, очень на это надеюсь. — Лекс не был в этом уверен, но сказал твёрдо. — Она всегда понимала.

— Дай то бог, — буркнул Клык и зашагал вперёд.

В убежище Грым отложил кристалл-связку и посмотрел на отца. Кор-Дум стоял у стены, скрестив руки на груди, лицо его было мрачным.

— Он притащит её сюда, — сказал старый дворф. — Эту тварь.

— Она больше не тварь, отец, — возразил Грым. — Я видел её структуру. Тёмный эфир исчез. Осталась только... чистая форма. Как у человека. Но с какой-то примесью.

— Примесью?

— Там было что-то чужое. Не от Нергал. — Грым задумался. — Как будто кто-то вплеп в неё защиту. Или... закладку. Я не уверен.

Кор-Дум хмыкнул.

— Значит, ты тоже думаешь, что её можно спасти?

— Я думаю, что Лекс не ошибается. — Грым посмотрел отцу в глаза. — Он никогда не ошибался в людях.

— В людях — может быть. Но это не человек.

— Теперь — почти.

Кор-Дум покачал головой, но спорить не стал.

Они спустились к базе, когда небо на востоке только начинало светлеть. Первые лучи солнца коснулись вершин гор, окрашивая снег в розовый цвет. Внизу, в каменной норе, их ждали.

Айрин выбежала навстречу первой. Увидела Лекса — живого, пусть и окровавленного — на миг замерла, переведя дух. Потом взгляд её упал на девушку, закутанную в куртку Лекса, и лицо Айрин окаменело.

Рука инстинктивно метнулась к кинжалу. Пальцы сжали рукоять — привычное, отточенное движение, которое она делала сотни раз. Враг. Аватар. Убийца. Всё в ней кричало: достань оружие, защити себя, защити Лекса.

Она не вытащила кинжал. Но и не убрала руку.

— Кто это? — спросила она, и голос её прозвучал ледяной сталью.

— Её зовут Эринния, — ответил Лекс, чувствуя, как тяжесть ложится на плечи. — Она выжила после боя. Потеряла память.

— Выжила? — Айрин перевела взгляд на Клыка. — Аватар выжил?

— Аватар уничтожен, — сказал Клык. — Осталась вот это. Лекс решил, что мы должны ей помочь, пусть он тебе сам всё и объяснит.

Айрин снова посмотрела на девушку. На её испуганные глаза, на бледное лицо, на то, как она дрожит, вцепившись в руку Лекса. На багровые узоры, ещё не до конца исчезнувшие на её коже — шрамы того, кем она была.

— Ты уверен? — спросила она, обращаясь к Лексу.

— Нет, — честно ответил он. — Но я не мог её убить. Не так.

Айрин долго молчала. Потом шагнула к Эриннии, взяла её за другую руку.

— Тогда пойдём. Я помогу тебе согреться.

Эринния подняла на неё глаза, полные слёз.

— Спасибо, — прошептала она.

Айрин кивнула и повела девушку вглубь базы.

На пороге она обернулась.

Лекс стоял у входа, прислонившись плечом к каменному косяку. Усталый, окровавленный, с глазами, в которых всё ещё пульсировала боль от перенапряжения. Он смотрел на неё. Не на Эриннию — на неё.

В его взгляде не было просьбы. Не было приказа. Было только одно: *«Ты справишься?»*

Айрин встретила его взгляд. На мгновение — на долю секунды — она почувствовала, как внутри снова вскипает ненависть, как пальцы сжимаются в кулак, как хочется вырвать свою руку из ладони этой девушки и закричать: «Нет! Я не поведу её! Она убийца!»

Но Лекс смотрел на неё спокойно. Устало. И в этом взгляде была такая вера, что у Айрин перехватило дыхание.

«Ты справишься», — говорили его глаза.

Она медленно кивнула. Едва заметно. И ответила ему тем же безмолвным языком:

«Не знаю, не уверена. Но попробую».

Лекс чуть заметно улыбнулся — уголками губ, одними глазами — и отвернулся.

Айрин повела Эриннию дальше.

Айрин привела Эриннию в маленькую комнату, которую использовали как гостевую. Здесь было холодно, но чисто. На лежанке лежали овечьи шкуры, на столе — глиняный кувшин с водой.

— Садись, — сказала Айрин, кивнув на лежанку.

Эринния села, по-прежнему кутаясь в куртку Лекса. Она смотрела на Айрин с опаской и какой-то животной благодарностью.

Айрин закрыла дверь. Прислонилась к ней спиной. И замерла.

Внутри неё всё кипело. Гнев, ненависть, боль — всё это, подавленное на мгновение, теперь рвалось наружу. Она смотрела на девушку, которая ещё вчера была воплощением смерти, и не могла дышать.

«Она убила наших людей, — стучало в висках. — Она убила Дарью. Она убила Мишку. Она убила тех детей в южном крыле. Десять человек. Десять! А теперь она сидит здесь и смотрит на меня невинными глазами».

Пальцы снова сжались в кулак. Кинжал на поясе казался тяжёлым, как камень.

— Ты... — начала Айрин, и голос её сорвался.

Эринния вздрогнула, вжалась в стену. В её глазах мелькнул страх — настоящий, животный страх.

— Я не помню, — прошептала она. — Я правда не помню. Но я знаю... я чувствую... что сделала что-то ужасное. Мои руки... они в крови.

Айрин смотрела на неё, перед глазами вставало лицо Дарьи. Та самая женщина с младенцем, которая пришла к ним всего несколько дней назад. Которая улыбалась Ладе. Которая верила, что здесь, в этой базе, её дети будут в безопасности.

— Моя подруга погибла, — выдавила Айрин. — Её звали Дарья. У неё был маленький сын, Мишка. Ему было четыре месяца. — Голос её дрожал, но она продолжала. — Их убили. Той ночью. В южном крыле.

Эринния закрыла лицо руками. Её плечи сотрясались от беззвучных рыданий.

— Я не знаю... я не хотела... я не помню...

— А я помню! — Айрин шагнула к ней, и в её руке вдруг оказался кинжал. Она не помнила, как достала его. Он просто появился, будто сам собой. — Я помню их лица. Я помню, как мы их хоронили. Триста двенадцать человек, Эринния. Триста двенадцать имен погибших в сражении, к ним присоединились еще десять не воины, женщины, старики, дети!

Эринния не отстранилась. Она смотрела на остриё кинжала и не двигалась. Только слёзы текли по её щекам.

— Убей меня, — прошептала она. — Если это облегчит твою боль... убей. Я не буду сопротивляться. Я даже не знаю, кто я. Может быть... может быть, так будет правильно.

Айрин занесла кинжал.

Рука дрожала.

Она смотрела в эти глаза — пустые, испуганные, ничего не понимающие. Вдруг перед ней встало другое лицо. Лекс. Тот день на Кристаллических полях, когда он очнулся в баракке, ничего не помня, не понимая, где находится. И она, Айрин, тогда тоже могла его убить. Могла, но не убила.

— Кователь... — прошептала она одними губами.

Кинжал выпал из ослабевших пальцев. Звякнул о каменный пол.

Айрин опустилась на колени, схватила за голову. Из груди вырвался хриплый, сдавленный плач — не тот, который она позволяла себе при людях, а настоящий, глубокий, вырывающийся из самой души. Она плакала о Дарье, о Мишке, о всех погибших. О своей семье, которую никогда не вернуть. О своей ненависти, которая не приносила облегчения.

Эринния сидела неподвижно, не знала, что делать. Медленно, словно боясь, она сползла с лежанки села на пол рядом с Айрин. Не касаясь. Просто рядом.

Айрин плакала долго. Когда слёзы иссякли, она подняла голову, вытерла лицо рукавом. Посмотрела на Эриннию.

Та сидела, прижав колени к груди, и смотрела на неё с тем же выражением — страх, надежда, непонимание.

— Ты... — Айрин сглотнула. — Ты правда ничего не помнишь?

— Ничего, — прошептала Эринния. — Только имя. И... пустота.

Айрин поднялась, прошла к столу, налила в глиняную кружку воды из кувшина. Поднесла к губам, сделала глоток. Потом налила вторую кружку и протянула Эриннии.

— Пей, — сказала она. Голос её звучал глухо, но уже без прежней ярости. — Вода холодная, но живая.

Эринния взяла кружку дрожащими руками, отпила. Обожглась, но не отставила — пила жадно, словно это был нектар.

— Спасибо, — прошептала она, когда кружка опустела.

— Не за что, — ответила Айрин. — Я всё равно не знаю, правильно ли поступаю. Но... Лекс верит, что ты можешь стать другой. А я верю Лексу.

Она помолчала, потом добавила тихо, почти неслышно:

— Я знаю, что такое не помнить. Я тоже когда-то проснулась в пепле и не знала, кто я. Просто... у меня был Лекс. А у тебя — никого.

Она отвернулась, чтобы не видеть слёз в глазах Эриннии.

— Отдыхай. Завтра будет новый день.
И вышла, оставив дверь приоткрытой.
В коридоре её ждал Лекс.

Он стоял у стены, прислонившись плечом к холодному камню, и смотрел на неё. В руке он всё ещё сжимал пистолет — стволом вниз, пальцы на рукояти расслабились, но не отпустили. Куртка, которую он отдал Эриннии, висела на девушке, а сам он остался в одной рубашке, и в полумраке коридора его лицо казалось высеченным из старого, потрескавшегося камня.

Айрин остановилась в двух шагах.

Они смотрели друг на друга. Без слов. В этом молчании было всё: и боль, и усталость, и та странная, вымороженная решимость, которая появляется у людей, переживших слишком много за одну ночь.

Лекс не спрашивал. Он видел ответ в её глазах — красных, опухших от слёз, но спокойных. Усталых, не сломленных.

Айрин чуть заметно кивнула. Один раз. Коротко и этого было достаточно.

Лекс выдохнул — медленно, как будто всё это время не дышал. Кивнул в ответ.

Развернулся, пошёл к выходу из коридора, туда, где ждали остальные. Айрин двинулась — за ним.

А в небе, высоко над горами, там, где эфирная пустота сменялась атмосферой, на орбитальной станции Древних, Нергал сидела в своём кресле из чёрного обсидиана.

Она чувствовала Эриннию. Не так, как раньше — не как продолжение своей воли, не как руку, которую можно сжать в кулак. Теперь это было... глухое эхо. Будто аватар существовал, но связь с ним оборвалась, и сквозь разрыв сочилась только смутная, неясная боль.

Нергал закрыла глаза, пытаясь восстановить контакт. Тьма вокруг неё сгустилась, стены чертога замерцали багровым. Она направила всю свою силу в ту точку, где раньше пульсировала Эринния.

Ничего.

Пустота.

— Что происходит? — прошептала она. Голос её дрожал — впервые за тысячелетия.

Она попыталась снова. И снова. И снова. Каждая попытка отзывалась в груди острой болью, будто кто-то вырывал куски её сущности. Багровое пятно на ментальной карте мира, которое она видела внутренним взором, мерцало, тускнело.

И вот тут она почувствовала это.

Не просто потерю связи. Потерю себя.

Часть её силы — не большая, но заметно ощутимая — утекала, растворялась, исчезала. Связь с аватаром была не просто магической нитью. Это была часть её самой. И теперь эта часть была отрезана, развеяна.

Багровое пятно пульсировало в агонии, тускнело с каждым ударом её бессмертного сердца. С каждым угасанием Нергал чувствовала, как из её груди вырывают ещё один клочок сущности. Не смертельно. Но ощутимо. Как кусок плоти, вырванный с корнем. Как ампутация без наркоза.

Она закричала — не от гнева, от боли. Крик разнёсся по чертогу, заставляя эфирные линии в стенах пульсировать в такт её агонии. Голоса в стенах — те, что всегда звучали в её чертогах, — зашептали, завывали, засмеялись. Они чувствовали её слабость. Они ждали.

Пятно мигнуло в последний раз и погасло совсем.

Нергал пошатнулась, схватилась за спинку кресла. Впервые за многие столетия она почувствовала... слабость, боль. Не просто усталость — пустоту. Там, где раньше билась часть её силы, теперь зияла дыра. Холодная. Голодная и ее нечем было запонить.

— Ты заплатишь, — прошипела она, обращаясь к пустоте, к далёким горам, к человеку, который посмел украсть её творение. Голос её сел, сорвался на хрип. — Клянусь Пустотой, ты заплатишь.

— Что с тобой? — голос Азура прозвучал из пустоты — он не присутствовал в чертоге, но почувствовал её состояние.

— Ничего, — отрезала Нергал, не без труда выпрямляясь. Она заставила себя убрать руку со спинки кресла, заставила спину выпрямиться, заставила лицо принять обычное выражение холодного презрения. — Просто... небольшая заминка.

— Твой аватар?

— Уничтожен. — Она сказала это спокойно, слишком спокойно. — Но это ничего не меняет. Я найду другой способ.

Азур промолчал. Но Нергал знала, что он не поверил в её показное безразличие.

Она осталась одна в чертоге, глядя на карту мира, на то место, где багровое пятно больше не светилось. Впервые за тысячелетия она почувствовала не только гнев. Она почувствовала страх.

Кователь, стоявший у окна, даже не обернулся. Только уголки его губ чуть заметно дрогнули в улыбке. Он смотрел на Красные горы, на то место, где в каменной норе теплилась искра. Маленькая, почти незаметная, но живая.

— Если они выживут, — прошептал он одними губами, — возможно, мир и мы всё же имеем право на существование

Он повернулся, медленно пошёл к выходу. Его шаги, тяжёлые, как удары молота по наковальне, затихли в бесконечных коридорах небесных чертогов.

Внизу, в горах, в маленькой комнате, где пахло сухими травами и дымом, Лекс сидел у лежанки, на которой спала Эринния — бывший аватар, девушка без прошлого. Айрин примостилась рядом, положив голову ему на плечо.

— Ты ведь не уверен, что поступаешь правильно? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил он. — Но я уверен, что убивать беззащитных — неправильно.

— И что ты будешь делать, когда она всё вспомнит?

— Помогу ей принять это. Или защищу вас от неё, если понадобится. — Он вздохнул. — Но сначала дадим ей шанс, единственное никто в лагере не должен знать кем она была, кроме нас с тобой и тех кто участвовал в операции.

Айрин ничего не ответила. Только крепче прижалась к нему.

За окном занимался рассвет.

Глава 6. Пепел победы

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Утро следующего дня

Место: Лазарет базы

Рассвет, который они встретили в маленькой комнате у лежанки Эриннии, оказался не началом нового дня, а продолжением старой боли. Лекс уснул, прислонившись к стене, Айрин — задремала у него на плече. Сон не принёс облегчения. Через час у Лекса пошла кровь из носа — снова, сильнее, чем в ущелье. Айрин не успела испугаться: он просто обмяк. Пришлось звать на помощь кто был по близости и тащить его в лазарет на руках.

Теперь он лежал на лежанке, кровь из носа уже не текла — только запеклась коркой на верхней губе, но из ушей всё ещё сочилась тонкими ручейками, оставляя на подушке тёмные пятна. Айрин сидела рядом, вцепившись в его руку так, будто боялась, что он растворится в воздухе. Её пальцы побелели от напряжения, но она даже и не думала ослаблять хватку.

Серафима стояла у изголовья, прикрыв глаза, её ладони едва заметно светились тёплым, янтарным светом. Дар целительницы — редкий, болезненный для неё самой, и почему-то не всегда отзывающейся — вытягивал из Лекса остаточные ментальные вибрации, которыми аватар прожгла его сознание. С каждым вдохом Серафимы лицо Лекса становилось чуть спокойнее, хотя глубокие тени под глазами никуда не делись.

— С ним всё хорошо, он будет жить, — тихо сказала она, открывая глаза. В её взгляде промелькнула усталость — не физическая, та, что остаётся после работы с чужими кошмарами. — Но ментальные шрамы останутся. От таких ударов не избавиться полностью.

— Я знаю, — ответила Айрин, не отрывая взгляда от Лекса. — Он сильный.

В углу лазарета Грым сидел на низкой скамье, сжимая в руках Писка. Механический паук тихо жужжал, выпуская тонкие сканирующие лучи, которые бегали по телу Лекса, собирая данные. Грым смотрел на показатели, которые Писк проецировал в воздух, и хмурился.

— Нейронная активность восстанавливается, — пробормотал он. — Но перегрузка была критической. Если бы он продержался ещё минуту может две в том режиме... — Грым не договорил.

Лекс открыл глаза. Мутные, с трудом фокусирующиеся, но живые. Он повернул голову к Айрин, и уголки его губ дрогнули в слабой улыбке.

— Ты здесь, — прошептал он.

— Я всегда здесь, — ответила Айрин, и голос её чуть дрогнул. — Ты обещал вернуться. Ты всегда возвращаешься.

— Пока есть кому возвращаться, — Лекс сжал её пальцы в ответ.

Серафима молча отошла к столику с травами, принялась перебирать сухие корни, давая им пространство. Грым тоже отвернулся, делая вид, что возится со своим железным другом. Только Айрин осталась — смотреть в эти усталые, но живые глаза.

— Больше так не делай, — сказала она тихо, почти сердито. — Не лезь под пули. Не играй в героя.

— Не обещаю, — ответил Лекс, и в его голосе прорезалась та самая насмешливая нотка, которую Айрин так боялась потерять. — Это входит в должностные обязанности, командира востания.

— Дурак.

— Знаю.

Они помолчали. Тишину нарушал только мерный гул регенерационных капсул да далёкий стук молота из кузницы — кто-то уже работал, несмотря на ранний час.

Агафья, грузная женщина с вечно усталыми глазами, подошла к соседней капсуле. За прозрачным кристаллическим стеклом лежал Костя — молодой парень, один из тех, кто вызвался прикрывать отход в южном крыле. Его лицо было бледным, почти белым, как мел, а ноги ниже колен скрывались под толстым слоем бинтов. Сквозь марлю проступали металлические фиксаторы — пластины и штифты, которые держали раздробленные кости.

Айрин отпустила руку Лекса, подошла к Агафье.

— Как он? — спросила она, глядя на неподвижное лицо парня.

Агафья вздохнула тяжело, по-бабьи, и покачала головой.

— Выжил, касатик. Капсула чудо сделала — кости срастила, внутренности заштопала. Но ноги... — она помолчала, подбирая слова. — Ходить будет, да с трудом. Опирайтесь на палку — и то не везде пройдёт. Теперь ему в кузнице место, а не в дозоре.

Она перекрестилась на какой-то древний манер — жест, который Айрин видела только у самых старых людей.

— Кователь не зря ему жизнь сохранил. Видно, нужен он ещё.

Лекс, повернув голову, смотрел на капсулу. В его глазах, только что тёплых и живых, поселилась та самая тяжесть — вина. Он знал, что Костя стоял у миномета до последнего, пока один из снарядов не заклинил в стволе. Но выбора тогда не было, все стояли до конца. И это знание жгло изнутри.

Айрин вернулась к нему, снова взяла за руку.

— Он жив, — сказала она твёрдо. — Это главное.

— Знаю, — ответил Лекс, но взгляд его не стал легче.

Браслет на руке Лекса мигнул. Сначала тихо, едва заметно, потом ярче — синим, холодным светом. Из динамика, вплетённого в оплётку, раздался голос Архитектора — ровный, бесстрастный.

«Наследник, анализ артефакта «Сфера Забвения» завершён».

Лекс приподнялся на локтях, не обращая внимания на боль в затылке. Айрин попыталась его удержать, но он мягко отстранил её руку.

— Говори.

«Принцип действия артефакта — создание локальной эфирной сингулярности, разрывающей связь между аватаром и богом-источником. Теоретически, при правильной фокусировке, подобный эффект может быть достигнут с помощью «звёздного железа». Данный металл обладает уникальными резонансными свойствами, позволяющими временно изолировать божественную сущность от источника силы».

Лекс перевёл дыхание. Голова кружилась, но он заставил себя сосредоточиться.

— Значит, чтобы убить бога, нужно ударить по его «сердцу» этим металлом?

«Убить нельзя, Наследник. Божественная сущность не может быть уничтожена в традиционном понимании. Можно лишь изгнать её из этого плана бытия, лишив источника веры. Однако «звёздное железо» — единственное известное оружие, способное пробить защиту аватара и нанести урон, достаточный для разрыва связи».

Лекс кивнул, жёстко усмехнувшись:

— Изгнать — значит, сделать так, чтобы он никогда не вернулся. Мне подходит.

В комнате повисла тишина. Грым перестал возиться с Писком

Лекс медленно, преодолевая боль, сел.

— Значит, нам кровь из носа нужно в Гнездо. За этим железом. Сказал Лекс, усмехаясь своей нелепо про звучащей в данной ситуации фразе.

«Вероятность наличия «звёздного железа» в шахтах Гнезда — высока. Древние использовали его для создания ключевых элементов порталной сети, и для особо прочных сплавов. Однако доступ к нижним уровням ограничен. Требуется специальная авторизация, даже доступа наследника может не хватить».

Лекс сжал кулак. И тут он вспомнил о маленьком осколке, который лежал у него за пазухой. Он полез за ней, нащупал холодный предмет, вытащил на свет. Мутный, почти непрозрачный обломок кристалла — тот самый, который он подобрал в камере Вэл'Шана после того, как магистр эльфов испустил дух. Лекс тогда взял его на автомате просто потому, что осколок привлёк внимание.

— Архитектор, а это? Я взял на память. Просто осколок...

Браслет мигнул. Синий луч скользнул по поверхности кристалла, замер, прошёлся снова.

«Наследник. Обнаружены следы эфирной маркировки. Данный кристалл не является случайным обломком. Это идентификационный ключ».

Айрин подалась вперёд. Грым встал со скамьи, подошёл ближе.

«В нём сохранён эфирный отпечаток Вэл'Шана. Вероятно, этот ключ использовался для доступа в закрытые зоны Магистериума, но навряд ли Вэл,Шан точно знал о его предназначении. Уровень авторизации даёт доступ к портальной сети. Возможно, к самому порталу, ведущему в небесные чертоги».

Лекс поднёс кристалл ближе к свету. В самой глубине, внутри мутной толщи, что-то едва заметно пульсировало — слабое, ритмичное мерцание, похожее на сердцебиение.

— Значит, он носил с собой ключ, не зная, что это, и он так нам достался? — спросила Айрин.

«Предположительно, да. Маги такого уровня редко доверяют важные артефакты другим. Его смерть не деактивировала ключ — отпечаток остался. Вы можете использовать его, чтобы обмануть системы небесных чертогов на начальных уровнях доступа».

Грым усмехнулся:

— Значит, он сам принёс нам ключ от божественных ворот, не зная об этом. Какая ирония.

Лекс сжал пальцы, чувствуя, как холодный камень нагревается от его тепла.

— Не ирония, — сказал он тихо. — Плата. Он заплатил своей жизнью, чтобы мы могли войти. Используем это.

Он спрятал кристалл за пазуху, туда же, где до этого лежал медальон Айрин.

Архитектор подождал, пока шум стихнет, и продолжил. Голос его стал чуть тише.

«Убийство аватара лишь скорее всего разозлило Нергал. Она не может послать нового немедленно — это требует времени и значительных эфирных затрат. Однако она официально объявляет вас врагом номер один. Она призывает всех своих последователей — баронов Серых земель, магов-отступников, тёмные культы — уничтожить вас любой ценой. Более того, она начинает убеждать других богов присоединиться к «священной войне». Ей уже ответили Азур и Владыка Мёртвых».

Айрин побледнела.

— Они объединятся против нас?

Лекс посмотрел на неё. В его глазах не было страха — только холодная решимость.

— Значит, у нас нет времени ждать. Пока они собирают силы, мы должны ударить первыми. Нужны союзники. Нужно «звёздное железо».

Он попытался встать, но ноги подкосились. Айрин подхватила его.

— Ты не в том состоянии, чтобы раздавать приказы, — сказала она жёстко.

— А кто, если не я? — ответил Лекс, но спорить не стал — сел обратно.

Грым разложил на столе карту. Красные горы, Серые земли, Лес Вечной Осени, Пустоши — названия, за каждым из которых стояли люди, эльфы, дворфы, дракониды.

Лекс обвёл взглядом собравшихся: Айрин, Кор-Дум, Клык, Грым, Серафима. Даже Агафья присела у двери, слушая.

— Мы отправлю послов, — сказал Лекс, проведя пальцем по карте. — К эльфам, которые не поддерживают или сомневаются в действиях Магистериума, к дворфам, к драконидам. Нужно предложить им союз против общего врага, или найти общие интересы.

Он повернулся к Айрин. Та, не говоря ни слова, потянулась к походной сумке, стоявшей у стены, и достала оттуда пачку старых, пожелтевших писем, перевязанных кожей. Перебирая их, она нашла нужное, развернула, и из него выпал тонкий, выцветший серебряный лист.

— Вот, — сказала она, протягивая лист Лексу. — Знак долга дома Силь'Верен. Мой дед, Бьорн Старый Молот, спас младшую дочь их главы. Не знаю подробностей — он не любил говорить. Но с тех пор этот лист хранится в нашем роду. Эрвин подтвердит, и письма у него есть. Если я предъявлю это на Совете, они обязаны будут принять меня как посла и гостя.

Лекс взял лист, повертел в пальцах. Металл был холодным, но на свету переливался странным, живым блеском.

— А Лаэрон? — спросил Грым. — Тот эльф, который согласился с нами сотрудничать. Он ведь из этого дома.

— Уже помог, — ответила Айрин, убирая письма обратно в сумку. — Он связался с отцом. Лорд Силь'вариэн готов нас слушать, но открыто выступать пока не решается — слишком сильны консерваторы в Магистериуме. Лаэрон станет нашим проводником. Он знает тайные тропы через Великий Лес, минуя посты. И он уже доказал свою надёжность — предупредил нас о засаде, помог избежать ловушки в Лесном дворце.

— Чего ты хочешь от них добиться? — спросил Клык.

— Во-первых, чтобы перестали нападать на наши обозы. Во-вторых, военная помощь — маги-друиды, лучники, разведчики. В-третьих, убежище, если база падёт. — Айрин помолчала. — А ещё я хочу выведать, кто из знати поддерживает Нергал, а кто готов восстать. Эльфийское общество расколото, и нам нужны имена.

— А риск? — спросил Грым.

— Самый большой — что меня схватят и потребуют выкуп. Или просто убьют, если узнают, что я из лагеря, убившего Вэл'Шана. — Айрин посмотрела на Лекса. — Поэтому я возьму с собой только Шило. Он эльф, он знает язык и обычаи. И Лаэрона, конечно. Остальные будут ждать на границе леса, в условленном месте. Если я не вернусь через десять дней — уходите без меня.

Лекс нахмурился, но спорить не стал. Он повернулся к Кор-Думу.

— Старик, твоя очередь.

Кор-Дум опёрся на посох, подошёл к столу. Вытащил из кармана кусок угля и, не спрашивая разрешения, начал чертить на столе прямо поверх карты схему — извилистые линии, кружки, пометки.

— Это Стальгорн, — сказал он, ткнув углём в большой круг. — Здесь заседает Совет кланов. Мой клан — Стального Молота — ослаб, потерял былое величие. Но моё слово там ещё что-то значит. Старые друзья не забыли меня.

— Что ты хочешь им сказать? — спросил Клык.

— Правду о Кователе, — Кор-Дум понизил голос. — Дворфы молятся ему до сих пор. Верят, что он спит в глубинах гор. А я точно знаю он не спит. Я расскажу, что боги бросили нас, что Кователь давно не помогает нашему народу, а верующих в него ингрийцев вообще бросил на произвол судьбы. Нергал и её приспешники лишь сохраняют рабство. — Он сжал кулак, уголь треснул. — Мне нужно, чтобы дворфы перестали платить дань эльфам. Чтобы они открыли свои кузницы для нас. И ещё — я хочу выведать расположение подземных ходов под Серыми землями. Дворфы знают о древних тоннелях то, что не снилось Архитектору.

— А если они схватят тебя и передадут эльфам? — спросила Айрин.

— Тогда я умру, зная, что попытался. — Кор-Дум усмехнулся, вытер перепачканные углём пальцы о фартук. — Но у меня есть козырь. Я знаю, где спрятана Печать Кланов. Если я предложу им вернуть её, они будут слушать.

Лекс кивнул, переводя взгляд на Клыка.

— Драконида. Твоя задача самая сложная. Рассказывай.

Клык отлепился от косяка, подошёл к столу. С минуту молча разглядывал карту, потом потянул за шнурок на шее и вытащил из-за ворота рваный, обгоревший по краям клык, нанизанный на сыромятную кожу.

— Это от Крэша, — сказал он, вертя клык в пальцах. — Старый долг. Мы вместе дрались против эльфов в Мёртвом ущелье, когда я ещё наёмничал. Он прикрыл меня, я прикрыл его. Он не забывает своих.

Клык сунул зуб обратно и ткнул пальцем в северные земли.

— Драконида живут здесь, в Пустошах. Прайдов много, но я пойду к Ледяному Пламени. Вождь Крэш — старый вояка, который ненавидит эльфов лютой ненавистью. И он достаточно силен, чтобы повести за собой других, если увидит выгоду.

— Почему именно он, а не другие? — спросил Грым.

— Потому что остальные или слабы, или продались эльфам. Прайд Кровавого Когтя — верные псы Магистериума. Прайд Ночной Охоты ушёл в себя, им плевать на чужую войну. А Ледяное Пламя... у них есть старая обида. Эльфы отобрали у них святилище предков много лет назад. Крэш поклялся отомстить. Я это помню, — он коснулся шрама на шее. — Он сам мне рассказывал, когда мы заливали раны после боя.

— Что ты ему предложишь? — спросил Лекс.

— Оружие. Место для охоты. И главное — право не клясться никому, кроме своего прайда. Драконида не терпят над собой властей. Если мы сможем гарантировать, что после победы они останутся свободными — Крэш, возможно, согласится. — Клык почесал шрам. — Также я попрошу у него разведчиков. Драконида видят в темноте лучше любого дворфа, а их следопыты знают каждую расщелину в горах. Без них поход в Гнездо — самоубийство.

— А если Крэш откажется?

— Тогда я пойду к другим прайдам. Но Крэш — самый сильный. Если он скажет «нет», остальные просто не рискнут. — Клык посмотрел на Лекса. — Мне нужно что-то, чтобы скрепить сделку. Например, обещание не воевать с драконидами после победы. Или доля добычи из небесных чертогов. Ты можешь это гарантировать?

Лекс задумался.

— Я могу гарантировать, что мы не нападём на них первыми. И что их земли останутся их землями. Доля добычи — да, но после того, как мы покроем потери. — Он посмотрел на Клыка. — Передай Крэшу: если он поможет нам сейчас, мы поможем ему потом. Если эльфы падут, драконида получат свободу на севере.

Клык кивнул.

— Этого может быть достаточно. Но я не обещаю успеха.

— Никто не обещает, — сказал Лекс.

Он обвел всех взглядом.

— У каждого из вас есть три недели. За это время вы должны не только договориться, но и вернуться. Если кто-то задержится дольше — мы начинаем искать. Сигнал опасности — зажжённый костёр на ближайшем холме. Мы установим наблюдателей на южной и восточной границах.

— А ты? — спросила Айрин. — Ты останешься здесь?

— Я пойду в Гнездо, — ответил Лекс. — Но сначала дождусь первых вестей от вас. Без «звёздного железа» наш поход в небесные чертоги — самоубийство.

Он провёл пальцем по карте, останавливаясь на отметке, которую оставил Грым — вход в Гнездо, глубоко под Красными горами.

— Архитектор, — сказал Лекс, — приготовь всё необходимое для спуска. И дай мне полный расклад по тому, что нас ждёт внизу.

«Готовься, Наследник. Но рекомендую вам отдохнуть. Ваше состояние — критическое для принятия решений».

— Отдохну, — пообещал Лекс. — Когда отправлю всех.

Когда разговор о послых закончился, и Кор-Дум с Клыком вышли, Грым подошёл к Айрин. Он мялся, переминался с ноги на ногу — неловкий, застенчивый. Потом сунул руку за пазуху и вытащил небольшой кристалл, опрaвленный в грубую оплётку из медной проволоки.

— Это я сам сделал, — сказал он, протягивая его Айрин. — В Гнезде. Архитектор Нулевой показал, как настраивать резонанс. Он отгоняет эфирных тварей. Не всех, конечно, но мелкие — те, что шарятся в Серых землях, — не подойдут. И ещё... он дарит спокойствие.

Рядом с ним жужжал Писк, словно подтверждая слова хозяина.

Айрин взяла кристалл. Он оказался тёплым.

— Спасибо, Грым. Я сохраню его.

Грым кивнул и быстро отошёл в угол.

В лазарете было тихо. Агафья закончила перевязывать царапины на руках Эриннии и ушла — то ли за травами, то ли просто дать девушке побыть одной. Эринния сидела на лежанке, поджав колени к груди, смотрела в одну точку. Взгляд её был пустым, но не мёртвым — в нём теплилось что-то, похожее на надежду, ещё не осознанную, ещё робкую. Она медленно подняла левую руку и повернула ладонью вверх. На тыльной стороне, под тонкой, почти прозрачной кожей, едва заметно пульсировала багровая жилка — остаточный след эфира, память о том, кем она была. Жилка мерцала в такт сердцу, словно жила своей собственной жизнью. Эринния быстро накрыла её другой рукой, чтобы никто не заметил.

Серафима, наблюдавшая из дверного проёма, не могла не заметить, как Эринния спрятала руку. Что-то багровое, пульсирующее мелькнуло под кожей — и тут же исчезло. Серафима промолчала, но внутри поселилось тревожное чувство.

В дверь заглянула Агафья.

— Лекс, та девушка... Эринния. Я закончила перевязывать её царапины. Сидит тихо, не жалуется. Только смотрит в одну точку.

Лекс переглянулся с Айрин. Они уже всё обсудили ночью, когда Эринния спала. Айрин тогда сжимала кинжал и не смогла ударить. Теперь это решение стало твёрдым.

— Серафима, — сказал Лекс, — ты присмотришь за ней. Скажешь всем, что это девушка из гор, потеряла память. Ни слова больше.

Серафима кивнула. В её глазах мелькнула догадка, но она промолчала.

— Я буду за ней следить, — сказала целительница. — И никому не позволю причинить ей вред.

— И себе тоже не позволяй, — тихо добавила Айрин. — Она... опасна. Даже сейчас.

Серафима посмотрела на неё, потом на Лекса.

— Я поняла.

Она вышла. В лазарете остались только Лекс, Айрин и тихое жужжание регенерационных капсул.

Айрин прижалась плечом к его плечу. Лекс обнял её, чувствуя, как её дыхание постепенно становится ровнее.

— Ты ведь не уверен, что поступаешь правильно? — спросила она тихо.

— Нет, — ответил он, глядя на закрытую дверь. — Но я уверен, что убивать беззащитных — неправильно. А она сейчас беззащитна.

— А когда она вспомнит?

— Тогда посмотрим, кто она на самом деле.

Лекс закрыл глаза и позволил себе уснуть. Впервые за двое суток.

Интерлюдия 2. Воспоминание о Гнезде(Старый город)

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Ночь после событий главы 30

Место: База Лекса, комната Грыма / Флэшбек — Старый Город, Гнездо

Грым сидел на жёсткой скамье в своей каморке, притулившейся между кузницей и складом реагентов. За тонкой перегородкой глухо ворчал маго- генератор, где-то внизу позвякивал инструментом ночной дежурный механик. Грым не слышал этих звуков.

Он смотрел на Писка.

Дроид был в режиме ожидания, но казалось, что он просто уснул, свернувшись клубком из тонких металлических лап, его единственный фоторецептор мерцал тёплым, янтарным светом — режим экономии, почти сон. Грым осторожно, кончиками пальцев, погладил холодный металлический корпус корпуса.

После того, что Лекс рассказал про «звёздное железо», его ценность, важность для выживания их базы, Грым никак не мог уснуть. Воспоминания лезли сами.

— Ты помнишь, Писк? — спросил он шёпотом. — То место.

Писк чуть шевельнул лапой. Не то подтверждение, не то просто какой-то механический рефлекс.

Грым закрыл глаза, проваливаясь в воспоминания

Тогда, в старом городе «Гезде».

Воздух стоял такой плотный, что его можно было не только увидеть, но и потрогать. Не пыль — нет, мелкая, как мука, взвесь древнего вещества похожего на бетон и неизвестных минералов, которая поднималась при каждом шаге и оседала на губах горькой солью.

Грым шёл медленно, держа перед собой фонарь. Свет выхватывал из темноты обломки колонн, ржавые арматурины, стены, покрытые древними письменами, которых не мог прочесть даже Архитектор. Это был Старый Город — нижний уровень Гнезда, куда не ступала нога ни одного из ныне живущих дворфов.

— Только не трусь, Писк, — пробормотал Грым, хотя сам он трусил знатно. — Мы ж не грабители. Мы исследователи.

Писк, сидевший у него на плече, недовольно жужжал, выпуская сканирующие лучи во все стороны. Его сенсоры улавливали странные эфирные флуктуации — то ли остаточная магия Древних, то ли просто сбой электроники от духоты.

Грым тогда искал запчасти. Архитектор Нулевой, с которым он подружился в предыдущий приход, обмолвился, что в глубине Старого Города есть хранилище — место, где Древние складывали редкие материалы. Никто туда не совался уже бог его знает сколько веков, потому что проходы завалило, а те, кто пытался копать, жаловались на головные боли и кошмары.

Грым, чья голова и без того работала с перебоями, решил рискнуть.

Он шёл по коридору, который постепенно расширялся, превращаясь в зал. Своды уходили вверх, теряясь в темноте. Там, в конце, он увидел дверь.

Не просто дверь — монолит. Чёрный металл, вделанный в стену, без ручек, без петель, без швов. Гладкий, как зеркало, но в нём ничего не отражалось. Только холод, который ощущался даже на расстоянии.

— Святые угли, — выдохнул Грым. — Что это?

Он подошёл ближе, протянул руку. За палец до поверхности ладонь обожгло — не физически, а ментально, как будто кто-то крикнул ему прямо в мозг: «НЕЛЬЗЯ».

Грым отдернул руку. Писк запищал, забился на плече.

— Да вижу, вижу, — прошептал Грым, отступая. — Не тронем.

Тут он заметил трещину.

Слева от двери, там, где чёрный металл встречался с грубым камнем, шла неровная, волосяная линия разлома. Не в самом металле — в камне. Стена просела за тысячелетия, и щель открылась — узкая, пальца в два шириной.

Грым, движимый чисто инженерным любопытством, сунул в щель пальцы и нащупал что-то маленькое, шершавое. Вытащил.

Осколок.

Мутный, серо-синий, с рваными краями. Он не походил ни на один известный Грымму металл — слишком лёгкий, почти невесомый, но при этом холодный, как лёд. На свету фонаря осколок странно переливался — не блестел, а мерцал изнутри, будто в нём тлели угли, или звезды, которых не было.

— Что ты такое? — спросил Грым, вертя осколок в пальцах.

Писк потянулся к нему сенсором, дёрнулся и вдруг издал низкий вибрирующий гул, похожий на мурлыканье, только металлическое.

— Нравится? — удивился Грым. — Ну, значит, твой. Вернее, наш.

Он сунул осколок в карман, бросив последний взгляд на чёрную дверь, и двинулся в обратный путь.

Настоящее. Комната Грыма.

Грым открыл глаза. Писк по-прежнему дремал у него на коленях, свернувшись лапами. Янтарный свет ровно пульсировал.

Тяжесть навалилась — та самая, с которой Грым жил последние годы. Одиночество, когда не с кем перекинуться, словом, кроме жужжащего дроида. Страх, который он заваливал работой. Бессонные ночи в мастерской, потому что, если остановиться — накроет воспоминаниями о прошедшем одиночестве.

Он потрепал Писка по корпусу и позволил себе провалиться глубже — в то самое Гнездо, где всё началось.

— Дурак я был, — прошептал Грым. — Нёс всякую дрянь из Гнезда, не зная, что это. А оказалось — «звёздное железо».

— Помнишь, Писк, как ты тогда не пошёл со мной?

Дроид вздрогнул во сне. Его манипуляторы чуть сжались, будто ему снилось что-то тревожное.

Грым усмехнулся, но усмешка вышла горькой.

— Я думал, ты остался там. Навсегда. В той тьме, где спят твои братья.

Он помолчал, вспоминая.

Когда они выходили из Гнезда, Писк вдруг остановился. Его сенсор мигал тревожно, часто, и Грым сначала не понял — думал, дроид сломался. А потом Писк развернулся и пошёл обратно — в глубину, к спящим механизмам, к тем, кто ждал.

— Писк! — крикнул Грым. — Ты куда? хотел крикнуть, но сам был не в лучшем состоянии.

Дроид не ответил. Только манипулятор слабо дёрнулся, будто прощаясь.

Кор-Дум хотел вернуться, схватить железку, но Грым остановил отца.

— Не надо. Он... он должен.

Грым тогда не понял до конца. Но когда Лекс спросил, он сказал: «Писк остался с теми, кто ещё спит. Может, он сможет их разбудить. Или успокоить. Не знаю».

А потом, через какое-то время, Писк пришёл сам, обошел все кордоны и патрули, нашел Грыма, радостно запищав. — Др... у.. гг!

Грым проснулся от знакомого писка и того, что кто-то возился у его кровати. Маленький дроид ковылял по полу, волоча за собой обрывок кабеля — будто тащил подарок. Его корпус был исцарапан, одна секция отсутствовала, а единственный глаз мигал устало, но радостно.

— Писк! — Грым спрыгнул с лежанки, схватил дроида. — Ты вернулся! Я думал...

«Друг, — прохрипел Писк. — Там... тихо... спят. Я.. проверил. Вернулся...».

Грым тогда не стал расспрашивать. Он просто обнял холодный, исцарапанный корпус и разревелся — впервые за много лет. Отец стоял в дверях, молчал, потом подошёл, положил тяжёлую руку ему на плечо.

— Железяка, а туда же, — проворчал Кор-Дум, но в голосе его слышалась гордость. — Нашёл дорогу назад. Умная.

«Друг, — повторил Писк. — Всегда...».

Он усмехнулся, вспоминая, о том, когда Лексу Архитектор рассказал о свойствах металла Сферы забвения, Грым вдруг понял. Побежал к себе, перерыл все ящики, нашёл тот осколок, завернутый в тряпицу. Не выбросил — привычка механика: никогда не выкидывать непонятные детали.

Они с Писком тогда провели три ночи в кузнице. Дроид сканировал осколок, вычислял точку плавления (оказалась — адской, выше, чем у вольфрама), а Грым колдовал с маленьким тиглем, который Архитектор Нулевой назвал «резонансной печью».

Расплавить получилось не с первого раза. Металл не хотел поддаваться — сопротивлялся, будто живой. Но Грым упрямый или упертый с какой стороны посмотреть. На третью ночь осколок потёк, превратился в крошечную, размером с горошину, каплю серебристо-синего цвета.

— Давай форму, — прошептал Грым тогда.

Писк подал ему миниатюрную литейную форму — Грым сам выточил её из графита за день до этого. Капля легла в углубление, застыла.

Пуля.

Обычная, на первый взгляд, пуля для револьвера Лекса. Но Грым знал, что это не так. Металл внутри мерцал — тем самым тлеющим, угольным светом, который Грым видел в осколке.

На следующий день он отдал пулю Лексу.

— Это тебе, — сказал тогда Грым, не глядя в глаза. — Сделал из того, что нашёл в Гнезде.

Лекс взял пулю, повертел, еще раз рассмотрел продолговатый цилиндр. Потрепал Грыма за плечо.

— Молодец, ты уверен, что это именно то железо?

— А хрен его знает, — честно ответил Грым. — Но лучше, чем ничего.

Лекс тогда спрятал пулю в поясную сумку и больше никогда её не показывал. Но Грым знал — она там. На самый крайний случай.

Снова настоящее.

Писк заворочался, поднял голову. Его сенсор уставился на Грыма, и дроид издал тихий, вопросительный писк.

— Всё, всё, — сказал Грым, поглаживая его по корпусу. — Не волнуйся. Я просто вспоминал.

Он посмотрел на свои руки — вечно грязные, в масле и мелких царапинах. Руки уже не просто кузнеца, механика, который нашёл ключ к убийству богов, даже не поняв этого.

— Знаешь, Писк, — добавил он тихо, — иногда мне кажется, что та дверь в хранилище была открыта не просто так. Что нас с тобой кто-то вёл. Или что-то.

Писк не ответил. Только прижался к руке Грыма своим холодным корпусом.

За стенкой по-прежнему урчал маго-генератор. Где-то далеко прокричал ночной дозорный.

Грым закрыл глаза, положил голову на грубый стол и провалился в сон без сновидений. Рядом с ним мерно пульсировал янтарный свет Писка — как тот самый, тлеющий огонь внутри звёздного железа.

Глава 7. Змеинное гнездо

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Несколько дней после возвращения из ущелья — за день до отъезда Айрин

Место: База Лекса — дальние коридоры, казематы, жилые отсеки

Тишина в дальних коридорах базы была не такой, как в главном зале. Там, у очага, всегда шумели голоса, звенела посуда, играли, смеялись или плакали дети. Здесь, в глубине каменной норы, куда свет кристаллов добирался с трудом, тишина была более осязаемой — такой, в которой хорошо прятать тайны и секреты, которые нужно надежно сохранить, чтобы ни одно чужое ухо не услышало того, что будет сказано.

Айрин всю готовилась к отъезду. Завтра на рассвете она должна была уйти с Лаэроном к эльфам дома Силь'Верен. Лекс провожал её взглядом, когда она уходила готовиться, и знал, что совсем скоро база останется без королевы. Официально она всё ещё принцесса — коронация не проводилась, да и как её провести, когда народ Ингрии разбросан по лесам и рабству? Отсутствие второго по важности человека, как пустота в зубе, уже давало о себе знать.

Тем же вечером Радим сидел на перевёрнутом ящике в дальней кладовой, которую пришедшие с ним ингрийцы облюбовали для своих собраний. Что здесь хранили, уже сложно понять, разве что по остаткам. Может быть, зерно, а может — инструменты. Теперь это место стало чем-то вроде тайного святилища для тех, кто ещё помнил Ингрию не пеплом, а живой, дышащей страной с её людьми, законами и бытом.

Вдоль стен, на грубых камнях, сидели его люди. Яромир, старый воин с лицом, изрезанным шрамами, как старая карта. Ещё трое ингрийцев — молодые, но уже познавшие вкус поражения. Все они пришли сюда не просто так. Они пришли, потому что верили: Ингрия не умерла, пока жива принцесса, их будущая королева.

— Чужак слишком много на себя берёт, он совсем зарвался! — сказал Яромир, сплёвывая на пол. — Сначала приютил полукровок, потом снюхался с гоблинами и орками, следом притащил какую-то девку из гор, теперь говорит, что мы должны идти на поклон к эльфам. Эльфам, Радим! Тем, кто сжёг наши дома, разрушил нашу страну!

Радим поднял руку, призывая к тишине.

— Лекс не понимает, — сказал он, голос его звучал ровно, но в нём чувствовалась застарелая боль. — Он не ингrieц. Для него союз с эльфами — это политика. Для нас — предательство памяти предков. Он не пережил то, что пришлось пережить нам.

— И что ты предлагаешь? — спросил один из молодых, светловолосый парень с нервно бегающими глазами. — Воевать против него? Восстать?

— Я предлагаю вернуть нашу королеву, открыть ей глаза, — Радим обвёл собравшихся тяжёлым взглядом. — Айрин ослеплена. Она верит ему почти беспрекословно. Но мы — её народ. Мы должны напомнить ей, кто она на самом деле, с кем она должна быть по праву крови.

Яромир нахмурился.

— Она не пойдёт на это добровольно. Я видел, как она смотрит на него.

— Значит, придётся убедить её иначе, — Радим помолчал. — У меня есть человек, который может помочь.

Он поднялся и, не говоря больше ни слова, вышел из кладовой. Люди переглянулись, но спрашивать не решились. Только Яромир проводил его долгим, изучающим взглядом — в глазах старого воина мелькнуло сомнение. *«А что, если Лекс прав? — подумал он. — Если он действительно спасёт Ингрию? Или даже не только Ингрию, но и всех нас?»* Но вслух не сказал ничего.

Этой же ночью Родион сидел в своей камере — да и куда из неё было податься, когда тебя ещё и охраняют. Казематы базы — несколько маленьких комнат с тяжёлыми дверями, вырубленных в скале, — использовались редко. Лекс не любил держать пленников, предпочитая либо изгонять, либо давать шанс искупить вину. Но этот человек сидел здесь уже несколько месяцев.

Родион. Тот самый, кто пытался убить Лекса в день, когда они только начинали строить базу. Тот, кого Лекс и Айрин пощадили, несмотря на всё. Тот, кто с тех пор молча сидел в темноте, не прося прощения и не пытаясь бежать. На коленях у него лежала деревянная ложка — та самая, что девочка Лада принесла ему в прошлый раз, ещё тогда он не решился её выбросить. Он смотрел на неё, пытался забыться во сне, но именно сегодня, как назло, ему никак не спалось, только и оставалось сидеть и смотреть на старую ложку.

Перед глазами вставали лица: старик, которого он зарезал в Механосе по приказу барона; женщина с ребёнком, которую он не спас; тот мальчишка, что кричал имя Лекса перед смертью. *«Я не хочу больше быть чудовищем»*, — прошептал он в темноту. Ложка была тёплой от его ладони. Он положил её под подушку и закрыл глаза. Сон не пришёл — только тишина и слабый свет из коридора.

На рассвете в камеру вошёл Радим. Стражник отпер дверь.

— Ты хотел убить чужака, — сказал Радим, присаживаясь на корточки. — Я хочу вернуть Ингрию. Возможно, у нас общий враг.

Родион поднял голову. Его лицо осунулось, глаза запали, но взгляд оставался острым, цепким.

— Ты предлагаешь мне свободу в обмен на что?

— В обмен на шанс искупить вину перед своим народом, — Радим протянул руку. — Ты был воином короля Харальда. Ты приносил клятву. Помоги мне спасти его дочь — и ты снова станешь одним из нас.

Родион медлил. Потом, опираясь на стену, поднялся. Его ноги затекли от долгого сидения, он пошатнулся, но устоял. Взял протянутую руку.

— Хорошо, — сказал он. — Но если ты меня обманешь...

— Не обману, — перебил Радим. — Мы одной крови.

Они вышли в коридор. Стражник проводил их взглядом, но ничего не сказал — сам был ингрийцем и в чём-то был с ними согласен. Радим хоть и не был из ближнего круга Айрин, но спорить с ним опасались: человек по меркам базы имел не маленький отряд, который хоть и не входил в войска, но вроде действовал на их пользу ради общих целей.

Через некоторое время в дальней камере, при свете одинокой свечи, собрались те, кому Радим доверял. Яромир, трое ингрийцев и Родион, который был уже с ними. Радим не боялся, что кто-то сообщит о нём Лексу или Клыку, — стража в каземате была подкуплена или поддерживала их. Тени плясали на стенах, искажая лица, делая их похожими на зловещие маски.

— Мы должны вернуть нашу королеву, — поднял опять ту же тему Радим, — пока чужак не погубил всех нас. Он ведёт нас к войне с богами. Вы понимаете, что это значит? Боги! Те, кто создал этот мир. А он, человек без магии, без рода, без племени, хочет с ними сражаться. Это же самоубийство чистой воды.

— Но Айрин сама выбрала Лекса и идёт вместе с ним, — возразил Яромир. — Она наша королева. Её слово — закон для нас.

— Да, она королева, — согласился Радим. — Но королева, ослеплённая чувствами. Когда она поймёт, что он ведёт нас к гибели, будет уже поздно. Мы должны действовать сейчас, когда она вернётся от эльфов. В суматохе её возвращения — или когда Лекс уйдёт в Гнездо — мы сможем её перехватить и переубедить.

Родион, сидевший в углу и до этого молчавший, вдруг заговорил. Голос его был мягким, вкрадчивым — голос человека, который умеет убеждать. Но внутри, в самой глубине, что-то скреблось, не давало покоя. Ложка в кармане казалась тяжёлой, как камень.

— А если она не захочет уходить? — спросил он. — Если её привязанность к чужаку окажется сильнее долга перед её народом?

Радим нахмурился.

— Тогда мы должны спасти её любой ценой, даже если понадобится сила. Даже если это будет стоить ему жизни.

В комнате повисла тишина. Яромир переглянулся с остальными.

— Убийство невинного? — переспросил он. — Это не по-нашему, не по-ингрийски.

— А что по-ингрийски? — Радим повысил голос. — Сидеть и смотреть, как чужак ведёт нашу королеву на смерть? Как он заключает союзы с эльфами, которые вырезали наши семьи? Что бы сказал и сделал король Харальд?

Имя покойного короля упало в тишину, как камень в воду. Яромир опустил голову. Остальные молчали, не решаясь что-то сказать.

Радим медленно кивнул.

— Значит, решено. Ждём подходящего момента. Когда Лекс уйдёт в Гнездо или ослабнет — действуем.

Он не заметил, как в углу, за кучей мусора, блеснул маленький фоторецептор.

Где-то в то же время Грым находился в своей каморке, прижав к уху кристалл-приёмник. Рядом, на самодельной подставке, Писк транслировал запись — ту самую, что сделал, спрятавшись в вентиляционной шахте над дальней кладовой. Запись была рваной, некоторые фразы приходилось угадывать — эфирные помехи после битвы с аватаром всё ещё давали о себе знать, мешая работать предметам на эфире.

Голос Радима, искажённый помехами, но довольно-таки разборчивый:

«...если её привязанность к чужаку окажется сильнее долга... спасти её силой... будет стоить ему жизни...»

Грым выключил запись. Руки у него дрожали — не от страха, от злости.

— Вот дети пещерной крысы, — прошептал он. — Мы их приютили, а они...

Писк тихо пискнул, подтверждая. Его сенсор мигал слабее обычного — приходило время для самовосстановления эфирного накопителя. Грым погладил дроида по корпусу.

— Держись, железка. Ещё немного. Как вернёмся — поставлю тебя на зарядку и смену кристалл.

В дверь постучали. Грым вздрогнул от неожиданности, но всё же сумел быстро взять себя в руки.

— Войдите, — почти спокойно сказал Грым.

В коморку вошёл Элронд — тот самый полуэльф, который когда-то пришёл к ним на базу в поисках укрытия и еды, а теперь стал одним из доверенных людей Лекса. За ним, оглядываясь, протиснулся его брат Эрик. Оба выглядели встревоженными.

— Мы следили за ингрийцами, как ты просил, — сказал Элронд, понижая голос. — Радим встречается с кем-то в дальних коридорах. И ещё... он выпустил Родиона, стражник ничего никому не доложил.

— Знаю, — Грым кивнул на Писка. — Уже записал. Спасибо, что отвлекали их своими... штуками.

Элронд усмехнулся. Его способность создавать лёгкие иллюзии — наследие эльфийской крови — не раз выручала их в таких делах. Сегодня он заставил одного из людей Радима увидеть в тёмном коридоре призрачную фигуру, и пока тот в ужасе молился, Писк успел сменить позицию.

— Что будем делать? — спросил Эрик. — Доложим Лексу?

— Уже, — ответил Грым. — Он сказал: продолжать наблюдение. Никому ни слова. Узнаем, с кем связан Родион.

— А если они всё же нападут раньше? — Эрик нервно оглянулся на дверь.

— Не нападут, — Грым сжал кристалл в кулаке. — Лекс готовит ложный слух. Скоро по базе разойдётся, что бароны идут через три дня. Заговорщики решат, что в суматохе легко будет осуществить свой план. Мы будем на шаг впереди.

На следующее утро Шило, как всегда, сидел у очага и громко рассказывал, попивая свой горячий грибной отвар:

— Слышал я от гоблинов, от самого Зига: бароны собирают армию. Через три дня будут здесь. Говорят, Валтар лично ведёт кавалерию... — Он не тайлся и не шептал, а в какие-то моменты даже наоборот — повышал голос, чтобы все услышали, о чём он говорит.

Люди зашептались, засуетились. Кто-то побежал проверять оружие, кто-то — прятать детей. Паника нарастала. Радим и его сторонники, стоя в углу, переглянулись. В их глазах мелькнула надежда на скорое воплощение их плана.

— Видишь? — тихо сказал Родион Радиму. — Они боятся. В страхе люди всегда делают ошибки. Когда Лекс будет занят обороной, мы сможем увести Айрин.

Радим кивнул, но в его взгляде промелькнула тень сомнения.

Тем временем Лекс вышел в центр зала, поднял руку. Толпа затихла.

— Не паникуйте, — сказал он спокойно. — Мы готовились к этому. Усилим караулы, проверим оружие. Бароны ещё ни разу нас не побеждали и не подходили к нашей крепости. И на этот раз им так просто нас не взять.

Люди немного успокоились, но напряжение осталось. Лекс, вернувшись в командный центр, коротко бросил Грымму:

— Сработало. Теперь ждём.

Этой же ночью Родион выбрался из базы через потайной ход — узкую расщелину в скале, замаскированную кустарником. Он шёл быстро, не оглядываясь, хотя каждый камень под ногами, каждый порыв ветра заставляли его вздрагивать. Он как-то отвык от свободы. За месяцы в каземате он почти забыл, как пахнет снег, как холод обжигает щёки.

Писк, выпущенный Грыммом через вентиляцию, следовал за ним на безопасном расстоянии. Маленький дроид скользил по камням, как паук, сливаясь с тенями. Его сенсоры фиксировали каждое движение, хоть батарея не позволяла отходить слишком далеко и задействовать все возможности — Грым шепнул своему железному другу перед выходом: «Только добежать и вернуться».

Родион поднялся на небольшой перевал, где скалы образовывали естественное укрытие от ветра. Там его уже ждали.

Человек в сером плаще — не эльф, не человек, что-то среднее. Лицо скрыто капюшоном, но по осанке, по тому, как он стоял, чувствовалось: это профессионал. Агент. На его пальце блеснуло кольцо с печаткой — стилизованный глаз, окружённый лучами. Герб дома Мираэль.

— Ты принёс? — спросил человек, не здороваясь.

Родион вытащил из-за пазухи свёрток — небольшой, перевязанный бечёвкой.

— Здесь всё, что я смог узнать. Планы базы, расположение постов, имена тех, кто недоволен Лексом.

Агент взял свёрток, взвесил в руке. Потом протянул Родиону что-то взамен — маленький мешочек, звякнувший металлом.

— Леди Мираэль будет довольна, но всё же почему не выходил на связь так долго? — сказал он.

— Уж извините, из каземата много не понаблюдаешь, — с раздражением ответил Родион.

— Продолжай наблюдение. Особенно интересуют все новые люди, что приходят на базу. Кто, откуда, что умеют.

Родион нахмурился.

— Сейчас на базе только один новый человек, девушка. Я не могу подобраться к ним близко. Серафима почти всё время рядом. И этот... механик со своим пауком.

— Найди способ, — отрезал агент. — Леди Мираэль подозревает, что у Лекса появился кто-то не простой.

— Как так — не простой?

— Не твоего ума дело. Выполняй. — Агент помолчал, потом добавил: — И ещё. Леди Мираэль приказала искать любые осколки кристалла Нергал. Говорят, после битвы в ущелье они разлетелись. Если найдёшь — принеси. Она хорошо заплатит.

Родион кивнул. Он вспомнил, как в расщелине, где он когда-то проходил, что-то блеснуло багровым. Тогда он не придавал этому значения. Теперь — может быть, стоило проверить.

— Понял.

Агент развернулся и исчез в темноте, будто его и не было. Родион постоял ещё немного, глядя ему вслед, потом сунул мешочек за пазуху и двинулся обратно к базе.

Проходя мимо лазарета, Родион замедлил шаг. Дверь была приоткрыта. Внутри, на лежанке, сидела девушка. Та самая, которую привели из гор. Эринния. Она смотрела в одну точку пустыми, но странно светящимися глазами. На её шее, под тонкой кожей, едва заметно пульсировала багровая жилка.

Родион замер. От девушки веяло холодом — не физическим, а каким-то глубинным, ментальным. Он вспомнил трупы в южном крыле, их пустые глаза. По спине пробежал озноб. Он не знал, что эта девушка — бывший аватар. Но была стойкая уверенность: что-то с ней не так.

Она повернула голову и посмотрела на него. На мгновение Родиону показалось, что она видит его насквозь — все его преступления, всю его тьму. Но потом девушка отвернулась, уставилась в стену.

Родион торопливо пошёл дальше. Сердце колотилось. *«От неё пахнет эфиром, — подумал он. — Как от... как от тех, кого убила тень»*. Он решил сказать об этом Радиму, но потом передумал. Не сейчас.

Писк, затаившийся в расщелине у потолка, зафиксировал и этот разговор, и взгляд Родиона. Данные передавались Грымму, хотя каждый сигнал давался дроиду с трудом — батарея была на исходе.

Утром Грым доложил Лексу обо всём, что успел узнать. Запись разговора с агентом, расшифрованная Писком, лежала на столе.

— Леди Мираэль, — медленно произнёс Лекс. — Откуда она? Из Магистериума, держалась в тени, преемница Вэл'Шана. Архитектор говорил, после его смерти кто-то занял его место.

— Что будем делать? — спросил Грым.

Лекс задумался. Потом уголки его губ дрогнули в усмешке — невесёлой, хищной.

— Они ждут, что мы испугаемся. Начнём метаться, искать предателей, устраивать чистки. Это ослабит нас изнутри. Вместо этого мы сыграем на их ожиданиях.

— Как?

— Ложный слух уже работает. Радим и его люди активизируются. Мы будем наблюдать. А когда они попытаются нанести удар — встретим.

— А Айрин? — спросил Грым. — Когда она будет возвращаться от эльфов, заговорщики могут перехватить её.

Лекс кивнул, взял кристалл-связку и отправил короткое сообщение: «В базе неспокойно. Возвращаясь, возьми с собой охрану и не заезжай в базу ночью. Я встречу тебя у ворот». Потом повернулся к Грымму:

— Теперь про излучение. Что там Писк нашёл?

Грым включил голограмму — схему вентиляционной шахты, где красной точкой мигало что-то в дальней кладовой.

— Обнаружено эфирное излучение. Небольшое, но чужеродное. Я проверил.

— И что это?

— Старый кристалл-маячок. Оставлен, видимо, агентом. Передаёт слабый сигнал, но не активен постоянно. — Грым помолчал, потом добавил: — Писк завёл меня в вентиляцию, там, за старой решёткой, я нашёл это.

Он положил на стол маленький, потускневший кристалл. Лекс взял его, повертел в пальцах.

— Не уничтожай. Подбросим заговорщикам. Пусть думают, что у них есть связь с внешним миром. А сами будем знать, что они задумали.

Грым кивнул.

Вечером, когда сумерки сгустились в коридорах, Родион шёл в свою каморку. Он был задумчив, рассеян, не сразу заметил маленькую фигурку, появившуюся из бокового прохода.

Лада.

Девочка тащила охапку сухих трав для Агафьи. Увидев Родиона, она замерла. В её глазах не было страха — только любопытство.

— Ты тот дядька, который хотел убить дядю Лекса? — спросила она.

Родион замер. Он узнал её — ту самую девочку, которая несколько раз приносила ему еду в каземат. Молча ставила миску у двери и убегала.

— Да, — ответил он глухо. — Тот самый.

Лада сделала шаг вперёд, и охапка трав выскользнула из её рук, рассыпавшись по полу. Она ойкнула, присела собирать.

Родион, сам не зная зачем, опустился на корточки и начал помогать. Его грубые, покрытые шрамами пальцы неловко подбирали сухие стебли. Лада протянула ему пирожок — маленький, румяный, ещё тёплый.

— Возьми. Я сама пекла. Для Барса, но он не ест сладкое.

Родион взял. Откусил. Во рту разлилось тепло — не только от теста, но и от чего-то ещё, чему он не мог подобрать названия.

— А почему ты мне тогда так и не ответил? — спросила Лада, глядя на него снизу вверх. Он замер. Вопрос был простым, но ударил сильнее любого меча.

— Не смог, не вышло, — ответил он наконец. — Ты мне тогда... хлеб принесла. И воду.

Лада кивнула, будто это всё объясняло.

— Дядя Лекс говорит, что даже из самого чёрного камня можно высечь искру, правда я не очень понимаю, что это значит, — сказала она, собирая последние травинки. — Ты ведь чёрный камень, дядька?

Родион не ответил. Он смотрел на свои руки — руки, которые держали оружие, убивали, предавали. И на тонкие стебельки сухой мяты, которые лежали в его ладонях.

Лада поднялась, прижимая травы к груди.

— Я побегу, — сказала она. — Агафья меня ждёт.

Развернулась и побежала по коридору. Вскоре её шаги затихли в глубине.

Родион остался стоять на коленях. Внутри него что-то дрогнуло — то, что он давно считал мёртвым, то, что он старательно запихивал и прятал в глубине своей сущности. Он вытащил из кармана деревянную ложку, повертел в пальцах. Бережно провёл по ней пальцем и спрятал обратно.

Из тени за колонной бесшумно вышел Барс. Огромный пёс, верный страж базы, остановился в нескольких шагах, глядя на Родиона жёлтыми немигающими глазами. Он не рычал, не скалился — просто смотрел. Будто взвешивал.

Родион встретил его взгляд. Долго, не отводя глаз.

Барс фыркнул, развернулся и потрусил следом за Ладой.

Родион ещё долго сидел в пустом коридоре, глядя на свои руки. Где-то в глубине, там, где раньше была только тьма, теплилась маленькая, робкая искра.

Он ещё не понимал, что с ним произошло.

Но изменения уже было не остановить.

Утром Родион пришёл в командный центр. Лекс сидел над картами, рядом с ним возился Грым, настраивая Писка — дроид только что вернулся с зарядки, его сенсор мигал ровным зелёным. Увидев бывшего пленника, Лекс не удивился — похоже, его уже предупредили.

— Я знаю, что ты не согласишься мне, — сказал Родион, останавливаясь у порога. — Но я хочу искупить вину. Возьми меня с собой в Гнездо. Я знаю эти горы. Я помогу.

Лекс долго смотрел на него. Рядом Писк сканировал Родиона, его сенсор мигал зелёным — не опасно.

— Зачем тебе это? — спросил Лекс.

Родион помолчал. Потом достал из кармана деревянную ложку.

— Одна девочка сказала, что даже из чёрного камня можно высечь искру. — Он поднял глаза. — Я хочу попробовать.

Лекс переглянулся с Грымом. Тот чуть заметно кивнул.

— Нет, — сказал Лекс. — Не в этот раз. — Я не могу в этот поход брать тех кому не доверяю на все сто процентов. Думаю шанс тебе еще предоставиться и не один. Но смотри один неверный шаг — и твоё искупление закончится.

Родион коротко кивнул, развернулся и вышел.

В коридоре он снова встретил Ладу. Девочка тащила очередную охапку трав, споткнулась, но удержалась. Увидев его, улыбнулась.

— Дяденька, ты теперь будешь с нами? — спросила она.

Родион не ответил. Только молча опустил на корточки, подобрал упавший пучок мяты, положил ей в охапку.

— Спасибо тебе, — сказал он тихо.

— За что? — по-детски улынувшись, удивилась Лада.

— За то, что поверила.

Он поднялся и пошёл к выходу из коридора. За спиной осталась база, полная страха и надежды. Впереди — горы, Гнездо и неизвестность.

Внутри, там, где раньше была только тьма, теперь теплилась искра.

Он чувствовал: он не позволит ей погаснуть.

Глава 8. Дорога без возврата

Месяц Аэрилон, 2002 г. Э.С.

Время: Раннее утро

Место: База Лекса, развилка трёх дорог у входа в горы

Рассвет наступал как будто неохотно. Тучи висели низко, солнце никак не могло пробиться, словно тоже не хотело отпускать людей в долгий путь. В горах стояла неестественная тишина — даже ветер затаился за скалами. Лишь изредка срывались с неба крупные, медленные снежинки. Они падали, кружились и ложились на камни, на оружие, на лица, мгновенно таяли от тепла живых тел и исчезали, но не бесследно, а превращались в капельки воды, похожие на слезы.

Лекс стоял у входа в тоннель, наблюдая, как база просыпается в последний раз в полном составе перед разлукой. В главном зале Агафья раздувала огонь в очаге, пламя, жадно лизнув сухие смолистые дрова, осветило стены, увешанные оружием и самодельными иконами. Пахло дымом, хлебом той особенной, морозной свежестью, которая бывает только в горах на рассвете. Где-то в глубине коридора плакал ребёнок — кто-то из новеньких не спал всю ночь, чувствуя тревогу взрослых.

Лекс всю ночь не сомкнул глаз. До последнего сидел в командном центре над картами, перепроверяя маршруты, просчитывая каждый шаг, каждую возможную засаду. Голова гудела, веки слипались, но он заставлял себя работать — не мог позволить себе расслабиться, когда на кону стояли жизни тех, кто уходил сегодня. *«Если она не вернётся, — глядя, как Айрин проверяет подпругу у лошади, — я не прощу себе. Но если я не отпущу её — она никогда не станет настоящей королевой, она должна вырасти над собой, причем как и я собственно»*.

За окном — узкой бойницей, вырубленной в скале — серело небо. Две луны уже скрылись за горами, и только редкие звёзды ещё теплились на чёрном полотне. Снег валил всё чаще.

Грым уже ждал у входа, прижимая к груди Писка. Дроид тихо жужжал, его сенсор мигал ровным жёлтым — режим экономии, чтобы хватило на весь день. Грым гладил холодный металл и вспоминал, как отец вчера обронил: «Я горжусь тобой, сынок». Не сказал — обронил. Как будто боялся, что слова сделают расставание реальным.

Рядом, опираясь на топор, стоял Зураб. Его лицо было непроницаемым, в глазах читалась тоска. Он машинально потянулся за пазуху — туда, где раньше всегда лежала обгоревшая деревянная фигурка. Пусто. Только шершавая ткань куртки. Он сжал пальцы в кулак. *«Я уже хоронил жену, дочь, весь свой род. Неужели теперь хоронить надежду?»* Вслух не сказал ничего. Только сжал топорщице так, что костяшки побелели.

— Они уже собираются, — сказал Грым. — У развилки.

— Идём.

Лекс задержался на пороге. Овернулся. Главный зал — пустой, только Агафья возится у очага. И вдруг ему почудилась база такой, какой она была в первый день — холодной, чужой каменной норой, где люди жались друг к другу от страха. А теперь... теперь это был дом. И он отправлял часть этого дома, часть себя в неизвестность. И какой она будет хорошей или ...? Неведомо никому.

Лекс шагнул в коридор.

У восточной тропы Айрин затягивала подпругу на лошади, когда к ней подошла Серафима. Жрица выглядела бледнее обычного — бессонная ночь сказалась и на ней, но в её глазах горел тот особенный огонь, который Лекс видел у неё только в минуты глубокой веры. Или отчаяния. Который помог людям укрепиться, обрести решимость, сделать важный шаг. Который они не решались сделать.

— Ты чего-то опасешься или боишься? — тихо спросила Серафима.

Айрин подняла голову. Взялась за поводья и вдруг замерла. Непрошенная мысль пришла внезапно, обожгла тем, о чем думать не хотелось.

«А что, если Радим прав? Что, если я веду своих людей в ловушку? Что, если эльфы только и ждут, чтобы схватить меня, обменять на что-то, выставить как трофей? Тогда у Ингрии больше не будет надежды»

Пальцы, сжимавшие кожу ремня, дрогнули. Она почти отпустила поводья. Внутри, в самой глубине, что-то кричало: *«Останься! Здесь безопасно!»* Но всё же она смогла преодолеть, взять себя в руки и сжала поводья так, что костяшки побелели, выпрямила спину как подобает королеве пусть и не коронованной.

— Нет, — ответила она, и голос её прозвучал твёрже, чем она себя чувствовала. — Я не боюсь. Я просто... не знаю, чего ожидать. Эльфы — не люди. Их логика, их обычаи... они чужие.

— Ты справишься, — Серафима положила руку ей на плечо. — Ты — королева. Даже без короны. А королевы не боятся, они действуют.

— А ты? — Айрин прищурилась. — Ты веришь, что нас примут?

Серафима помолчала, глядя на восток, где за горами, за лесами, за туманом начинался лесной дворец дома Силь'Верен. Там, где её вера могла оказаться бесполезной. Там, где её дар — если это был дар, — мог не сработать.

— Не знаю, — честно ответила она. — Но я верю, что мы должны попытаться. Иначе зачем всё это?

Она коснулась амулета на груди. Внутри, глубоко, пульсировало странное тепло — не магия, не вера, что-то третье, чего она не могла объяснить. Это тепло пришло к ней в тот момент, когда она исцеляла Костю. И с тех пор не уходило. Она не понимала, что это, но на душе становилось спокойнее.

Лаэрон, уже верхом на своём эфирном скакуне, замер в седле, зорко вглядываясь в утренний туман. Он знал эти тропы с детства, но сегодня они казались ему чужими — слишком многое изменилось за последние месяцы. Он вспоминал отца, его холодные глаза, его слова: *«Ты принёс в наш дом заразу сомнений»*. *«Может быть, — подумал Лаэрон. — Но я принёс правду»*.

У западной тропы Кор-Дум стоял у входа в тоннель, глядя в темноту, где уходила дорога к Стальгорну. Он не спал всю ночь — ворочался, вспоминал сына, клан, то, что его могут не принять. Или принять с кинжалом в спину, что было большей вероятностью. Чем то что его хотя бы выслушают

Старый Брун возился рядом, проверяя запасные кристаллы в сумке. Его пальцы, узловатые, в старых шрамах, двигались медленно, но уверенно. Он пережил три войны, двух жён и потерю целого клана. И всё ещё шёл вперёд с присущим всем дворфам упрямством.

— Ты помнишь, Кор-Дум, — заговорил Брун, не поднимая головы, — как мы в молодости ходили в Стальгорн за рудой? Тогда нас встречали с почётом. Эльфы ещё не заправляли Советами, и дворфы сами решали свою судьбу.

— Помню, — глухо ответил Кор-Дум. — Другие светлые времена.

— А теперь мы идём как просители. Как изгои, которые вернулись просить подачку. В какой момент всё пошло не так?

— Мы идём не за рудой, и не как просители. Мы несем правду! — Кор-Дум повернулся к старому другу. В его глазах горел огонь — тот самый, который Брун не видел уже много лет. С тех пор, как Кор-Дум ушёл из клана. — Мы идём за судьбой. Если дворфы не поддержат нас, эльфы сожгут и Стальгорн, и все шахты. Не сейчас, так через год. Они не прощают тех, кто осмеливается думать.

Брун крикнул, затянулся трубкой, выпустил клуб дыма. Дым смешался с утренним туманом и растворился.

— Твой отец гордился бы тобой, — сказал он. — Он тоже не умел кланяться.

Кор-Дум ничего не ответил. Только сжал молот и посмотрел на развилку, где уже собирались остальные. *«Грым... если я не вернусь, ты справишься. Ты сильнее, чем думаешь. Ты мой, сын!»* — эта мысль билась в голове, не давая покоя.

У южной тропы Клык сидел на корточках, проверяя арбалет в последний раз. Механизм щёлкал сухо, надёжно — старый сталкер знал своё оружие как продолжение руки. Он проверял каждый болт, каждую пружину, каждую запасную тетиву. Потому что, если что-то подведёт в степи — назад можно уже и не вернуться.

Рядом с ним Грук точил топор, так что из-под точильного камня летели искры, лезвие с каждым движением становилось всё острее. Десяток орков, его воинов, молча ждали. Они не переговаривались, не шутили — только смотрели на юг, туда, где за горами начинались степи. Для них эта дорога была дорогой к мести.

— Ты ходил к драконидам раньше? — спросил Клык, не поднимая головы.

— Нет, — ответил Грук. — Но я знаю их язык. Знаю, что они уважают силу.

— А если они не захотят говорить?

Грук оскалился, обнажив клыки. В его глазах не было ни огня, ни холода — только простая, звериная уверенность.

— Дипломатия — это когда ты говоришь «пожалуйста», а у тебя в руках топор. — Он помолчал, усмехнулся уголком рта. — А если не поймут с первого раза — я просто повторю. Громче.

Клык хмыкнул и поднялся. Он посмотрел на базу, на вход, где маячила фигура Шило.

— Ладно, — сказал он. — Пойду прощаться.

Прощание Клыка и Шило началось у входа, где Шило стоял, привалившись плечом к каменному косяку. Он не хромал — сегодня, назло всем своим болячкам, он стоял ровно. Как в старые времена, когда они с Клыком вдвоём ходили в руины и не боялись ничего, кроме темноты.

— Ну что, хромой, — сказал Клык, подходя. — Присмотришь за базой?

— А то, — Шило сплюнул в сторону. — Ты главное возвращайся. Не хватало мне ещё твои похороны организовывать, нас и так

— Не дождёшься.

Они помолчали. Ветер шевелил седые волосы на висках Шило. Никто не помнил, когда у него появилась седина. А на все вопросы он всегда отшучивался в своей манере.

— Помнишь, — вдруг сказал Шило, — как мы в первый раз в Механос пришли? Ты тогда сказал: «Шило, мы с тобой последние, кто помнит, как жить без цепей». Я тогда не понял. Думал это присказка такая А теперь понял....

— И что ты понял? — спросил Клык.

— Что прав ты был. Мы не просто выживали. Мы искали. И нашли.

Клык молчал. Он смотрел на друга — на морщины, которые не были там два года назад, на седину, на руки, которые когда-то держали арбалет так же уверенно, как сейчас. Они прошли через огонь, воду и медные трубы. И всё ещё были здесь. Но как же испытания меняют людей!

— Шило, — сказал Клык. — Если я не вернусь...

— Вернёшься, — перебил Шило. — Не смей даже говорить и тем более думать иначе. Мы с тобой слишком много потеряли, чтобы терять ещё и друг друга.

Он протянул руку. Клык сжал её.

— До встречи, старик. Подначил его Клык.

— До встречи, командир.

Шило не сказал «береги себя». Не сказал «прощай». Только сжал руку Клыка и разжал. Потом достал из-за пазухи старую выщербленную деревянную ложку — единственное, что

осталось от бабки — и сжал в кулаке. Клык молча развернулся и пошёл к южной тропе не оглядываясь назад.

Уже когда все взялись за поводья, когда первые лошади ступили на тропы, из тоннеля выбежал запыхавшийся разведчик. Его лицо было красным, пар валил изо рта, глаза горели тревогой.

— Командир! — крикнул он, хватая воздух ртом. — В горах... эльфийские разведчики... Десяток, не меньше. Идут зачем то к перевалу.

— К перевалу? — переспросил Лекс, хмурясь. — Зачем?

— Не можем знать. Мы проследили. Они не к нам, как будто мы им вообще безразличны. Они уходят на восток, к Старому Городу.

Лекс переглянулся с Айрин.

— К Гнезду, — тихо сказала она.

— Значит, ищут что-то. Или кого-то. Что ж это может быть, нехорошее предчувствие поселилось где-то глубоко — Лекс помолчал. Вытащил из-за пазухи карту, быстрым движением поставил красную метку у восточного перевала, сунул обратно. — Сейчас нам не до них. Отправь двоих проследить, остальным — по местам.

Разведчик кивнул и исчез.

У развилки, на камне, сидел ворон. Чёрный, с блестящими глазами. С виду обычная ничем не примечательная птица Он появился ещё затемно — кто-то из часовых заметил его, но не придавал значения. Теперь ворон сидел неподвижно, поворачивая голову, провожая взглядом каждого, кто собирался в путь. Никто не знал, откуда он взялся — в горах вороны не жили. Но сегодня по какой-то причине он был здесь.

Эрвин, опираясь на посох, подошёл к Айрин. Старик шёл медленно, каждый шаг давался ему с трудом, но он не пропустил бы этот момент ни за что на свете.

— Дитя моё, — сказал он тихо. — Дай руку.

Айрин протянула ладонь. Эрвин взял её, посмотрел на линии, провёл пальцем по старому шраму на запястье — память о Кристаллических полях.

— Что ты видишь? — спросила она.

— Тени, — ответил старик. — Три дороги. И одна из них... изменит всё. Не смерть, нет. Испытание. Такое, после которого вы не останетесь прежними.

— Кто? — спросила Айрин. — Кого оно ждёт?

— Всех, — Эрвин поднял глаза. — Каждый из вас вернётся другим. Но вернётся. Запомни это.

Ворон каркнул — раз, другой, третий. Звук разнёсся над развилкой, и все, кто был рядом, на мгновение замерли.

— Не бойся, дитя, — добавил Эрвин. — Волчья стая сильна, пока помнит своих. Ты — в стае и ты есть — стая. Не дай им забыть.

Он помолчал, глядя на птицу, и тихо добавил:

— Есть старая примета: ворон прилетает, когда решается судьба. Сегодня она решается. Айрин кивнула, сжала поводья.

Серафима вышла вперёд, подняла амулет Бога-Механизма над головой. Она перекрестила уходящих широким, размашистым жестом — как учили старые жрецы, — и только потом заговорила. Голос её, сначала тихий, набирал силу, разливаясь над снегом, над скалами, над тремя дорогами.

— *Утерянный Творец, чей дух рассеян, но не уничтожен,*

Мы — осколки твоего замысла,

Мы — кузнецы своей судьбы,

Мы плавим руду и страх.

Благослови наш труд, наш тайный сход,

Пусть враг в земле сгниёт, а мы — вперёд!

Она опустила амулет на мгновение, перевела дух, а потом продолжила — уже не громко, но так, что каждое слово слышали все, даже ветер затих:

*— Благослови идущих по трём дорогам,
Тех, кто оставляет дом, чтобы защитить дом,
Тех, кто сжимает оружие дрожащими пальцами,
Тех, кто смотрит в глаза разлуке и не отводит взгляд.
Пусть снег не заметёт их следы — мы пойдём по ним,
Пусть тьма не поглотит их сердца — мы зажжём им свет,
Пусть каждый шаг приближает не к смерти, а к возвращению.
Кователь, Великий Кузнец, скуй для них невидимую броню —
Броню из нашей памяти, нашей надежды, нашей любви.
А если кто падёт — пусть падёт не впустую,
А как молот, выковавший свободу для тех, кто останется.
Во имя Творца, чья искра живёт в каждом из нас,
Да свершится. Да вернётся.*

Она опустила руки. Айрин перекрестилась по-ингрийски широко. Лаэрон склонил голову. Грук, стоявший у южной тропы, глухо прорычал: «Хорошие слова». Клык только кивнул — он не верил в богов, но в этот миг ему показалось, что кто-то действительно смотрит на них сверху.

Лекс подошёл к Айрин. Взял её за руки. Пальцы холодные, бледные, но хватка — твёрдая. Он смотрел на неё и не мог произнести то, что хотел. Слова застревали в горле. Вместо слов он шагнул вплотную, обхватил её лицо ладонями — почти грубо, почти отчаянно — поцеловал.

Не коротко, не по-боевому. А так, как целуют, когда не знают, увидятся ли снова. Так, как целуют женщину, которую боятся потерять больше, чем собственную жизнь.

Айрин на мгновение замерла — от неожиданности, от того, что при всех, у развилки, где смотрят десятки глаз. Она случайно бросила взгляд вниз и увидела отражение в лезвии меча Вэл'Шана, висевшего у Лекса на поясе. Там, в холодной стали, они были вдвоём — прижавшиеся друг к другу, будто уже никто и ничто не могло их разлучить. А потом она ответила. Её руки взметнулись к его шее, пальцы вцепились в воротник куртки, притягивая ближе. Она целовала его так, будто хотела выпить до дна, запомнить вкус, тепло, дрожь губ — всё.

Снег падал, но они не замечали. Ворон молчал. Даже ветер затих, будто отвернулся, давая им эти последние секунды единения.

Лекс не хотел отпускать. Пальцы скользнули в её волосы, прижимая голову, не давая отстраниться. Он чувствовал, как бьётся её сердце — часто, громко — и своё, которое кололось в унисон.

Но всё же отпустить пришлось. Сейчас не время было проявлять малодушие и слабость. Он оторвался от её губ, но руки не убрал. Лоб к лбу. Дыхание сбитое, горячее.

— Я жду тебя, — прошептал он. — Не просто так. Жду. Возвращайся чтобы не случилось.

— Я вернусь, — выдохнула она, не открывая глаз. — Обязательно.

Он поцеловал её ещё раз — коротко, в лоб, как благословение. Потом разжал руки. Шаг назад. Ещё шаг.

Айрин открыла глаза. В них стояли слёзы, но она не плакала. Принцесса Ингрии не плачет при людях, хотя вроде и целоваться не должна. Она взялась за поводья, вскочила в седло — и только тогда позволила себе один раз посмотреть на Лекса сверху вниз, запоминая каждую черту.

— Береги себя, — сказала она.

— Ты тоже.

Она развернула лошадь и направилась к восточной тропе. Серафима и Лаэрон двинулись следом.

Кор-Дум подошёл к Грыму. Дворф обнял сына — крепко, по-мужски.

— Смотри за Лексом, ему нужна поддержка — сказал он. — И за кузницей. И береги Писка.

— Я справлюсь, пап, — ответил Грым. — Ты возвращайся. Как не храбрился Грым но все же на последних словах его голос предательски дрогнул.

— Вернусь.

Кор-Дум развернулся и зашагал к западной тропе, не оглядываясь. Грым смотрел ему вслед. Писк издал длинный, печальный писк.

— Вернись, — прошептал Грым одними губами.

Три дороги: снег всё не унимался. Белые хлопья кружились в воздухе, ложились на плечи, на волосы, на камни. Лекс стоял, глядя на три тропы, уходящие в горы.

На восток — Айрин. В лесную чашу, к эльфам, которые когда-то сожгли её родину. Она ехала, выпрямив спину, не оглядываясь. «*Королева*», — подумал Лекс. — «*Настоящая моя Королева*».

На запад — Кор-Дум. В Стальгорн, к дворфам, которые презирали его за союз с людьми. Он шёл быстро, широким шагом, и его фигура таяла в темноте тоннеля. «*Он вернётся*», — сказал себе Лекс. — «*Должен вернуться*».

На юг — Клык и Грук. В степи, к драконидам, которые убивали всех, кто осмеливался приблизиться к их землям. Их уже не было видно — только следы на снегу, которые быстро заметало.

Лекс остался у развилки только с близкими. Рядом — только Зураб, Грым с Писком и малый гарнизон неподалеку.

Зураб подошёл ближе, встал плечом к плечу.

— Ты думаешь, они смогут вернуться? — спросил он.

— Знаю, что вернуться, — ответил Лекс. — Не такими, как ушли. Они станут сильнее, пусть не в физической мощи, но обретут уверенность в себе.

— Откуда такая уверенность?

Лекс посмотрел на пустые тропы.

— Потому что им есть ради кого и чего возвращаться.

Он постоял ещё немного, глядя, как снег замечает следы. Потом развернулся и пошёл к командному центру.

Агафья, стоявшая у входа в тоннель, перекрестилась, глядя вслед уходящим. Провела рукой по лицу — устало, по-бабьи, — вздохнула.

— Остынет без огня-то, — сказала она негромко. — Пойду, подброшу дров то.

Лада, сидевшая рядом с Барсом, подняла голову.

— Бабушка, а они...

— Вернутся, касатик, как им не вернуться то — перебила Агафья, не давая девочке договорить. — А пока — пойдём-ка, картошку почистим. Дело не ждёт.

Лада кивнула, поднялась и, прижимая к груди куклу, побрела за старухой в глубину коридора. Барс, потянувшись, трусил следом.

В командном центре на столе лежала карта Гнезда. Лекс сел, провёл пальцем по маршруту.

— Завтра на рассвете выступаем, — сказал он, не поднимая головы.

— Я готов, — ответил Грым.

Писк жужжал — сог.. лас.. ен, оп.. тим.. ально!

Зураб подошёл к карте.

— Ты уверен, что справишься?

— Не один, — Лекс посмотрел на Грыма. — С ним.

— И с Писком, — добавил Грым.

— И с Писком, — согласился Лекс.

За окном занимался рассвет. Холодный, серый, но живой.

Война уже шла с того момента, когда они освободили первых рабов. А вот новая битва, которая потрясет устоявшиеся устои только начиналась. Но сегодня они сделали первый шаг к своей цели — отправили послов, доверились тем, кто ушёл в неизвестность.

Лекс склонился над картой. Грым достал свои инструменты. Писк жужжал — тихо, спокойно, будто ничего не случилось.

А в горах, на трёх разных тропах, шли послы. Каждый — к своей судьбе. Каждый — с надеждой и страхом. Каждый — с молитвой, которую никто не произносил вслух.

Это была дорога без возврата — назад к прошлому, к тому, кем недавно они были. Потому они шли только вперёд. Чтобы вернуться. Другими. Но вернуться.

Глава 9. Память погибших звёзд

Месяц Тирион, 2002 г. Э.С.

Время: Раннее утро — следующий рассвет

Место: Старый Город («Гнездо») — глубинные уровни, куда не ступала нога смертного уже тысячи лет

Лекс стоял у входа в тоннель, затягивая последнюю пряжку на разгрузочном жилете. Кожанный ремень скрипнул, поддаваясь, — старый, но надёжный, как и всё, что им предстояло тащить с собой в эту тьму. Рядом Грым возился с Писком: дроид мигал зелёным, но Грым всё равно вскрыл панель, проверил контакты, протёр линзу краем рубахи. Писк терпеливо ждал, только изредка издавая короткие писки — мол, всё в порядке, хозяин.

— Ты уверен, что не хочешь взять кого-то ещё? — спросил Шило, прихрамывая, подошёл к Лексу. Он остался за старшего — по настоянию Клыка, хотя сам ворчал, что «без меня там пропадёте». В руке он сжимал свою неизменную кружку с грибным чаем, но не пил — просто грел ладони.

— Уверен, — ответил Лекс, даже не подняв головы. — Чем меньше нас, тем меньше шума. А в Гнезде под старым городом шум — это смерть.

— Тогда хоть Писка береги, — Шило кивнул на дроида. — Грым без него как без рук.

— Сам знаю.

Шило хлопнул его по плечу — тяжело, по-свойски, так, что Лекс чуть не пошатнулся.

— Возвращайтесь. Без вас тут скучно. И... — он запнулся, посмотрел в глаза. — Если что, я приду. Даже если придётся ползти.

Лекс усмехнулся — невесело, но искренне.

— Не придётся.

— Эх, командир, — Шило сделал глоток чая, поморщился — остыл уже. — Ты, главное, эту железяку притащи. А мы тут пока... гоблинов от пещер отгонять будем. Они, знаешь, в последнее время совсем обнаглели. Вчера один у Марфы пирожок спёр. Прямо из-под носа. Я ему сказал: «Ты, братец, если ещё раз так сделаешь, я из тебя такой же пирожок сделаю, только с начинкой из твоих ушей». Он, зараза, обиделся и спёр у меня запас сушёных грибов.

Лекс покачал головой.

— Ты бы ещё гоблинам сказки рассказывал.

— А что? — Шило пожал плечами. — У них, говорят, от моих баек животы сводит. От смеха. Или от страха — не помню, надо эксперимент провести.

Лекс оглядел оставшихся, махнул рукой, шагнул в темноту тоннеля. За спиной остался свет, тепло базы, голоса людей. Впереди — неизвестность, которая уже ждала его. Слизкая, холодная, голодная.

Тоннель сужался с каждым шагом. Сначала можно было идти в полный рост, но чем дальше они шли, тем ниже становились своды: сначала пришлось чуть пригнуться, а ещё через сотню шагов — почти ползти, касаясь плечами холодных, влажных стен. Воздух здесь был густым, тяжёлым, пах сыростью, древней пылью и ещё чем-то — сладковатым, тошнотворным, от чего начинало сосать под ложечкой.

Грым шёл первым, подсвечивая путь кристальным фонарём. Свет выхватывал из темноты грубые стены, покрытые барельефами — фигуры коренастых существ с тяжёлыми кирками, те самые Террексы, предки дворфов. Они смотрели на идущих пустыми каменными глазами, и в их застывших лицах не было ни угрозы, ни приветствия — только равнодушие вечности.

— И как тут люди работали? — проворчал Прохор, в очередной раз спотыкаясь о камень. — Тьма крошечная, того и гляди, из стены что-то полезет.

— Не полезет, — отозвался Грым, не оборачиваясь. — Если соблюдать тишину и идти не спотыкаясь о каждый камень.

— Я тихо иду. Это камни под ногами орут, как резаные.

— Камни не орут, — вставил Демид, стараясь ступать бесшумно. — Это ты кряхтишь, как старый ящер.

— Ах ты, щенок...

— Заткнитесь оба, — рыкнул Зураб. — Грым сказал — тихо. Значит, тихо, чего непонятного?

Ворчание стихло, но напряжение осталось. Оно висело в воздухе, как туман, липкое, тяжёлое. Каждый шаг давался с трудом — не физически, а где-то на уровне подсознания, не хотелось идти в эту тьму от слова совсем. Контролировать каждое движение, каждый вздох — это выматывало быстрее, чем бег.

Лекс чувствовал, как пот стекает по спине, как рубаха прилипает к телу. В ушах пульсировала кровь — гулко, тревожно. Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Но внутри, где-то в груди, поселился холодок — тот самый, который появлялся перед боем. Только сейчас боя не было. Была тишина. И тьма.

— Грым, — вдруг сказал Прохор, когда они прошли ещё полчаса. — А тебе там, в Гнезде, страшно было?

Грым помолчал. Писк на его плече издал короткий, обеспокоенный писк.

— Страшно, — наконец ответил он. — Очень. Особенно когда эфирная буря накатывала. Тогда стены начинали двигаться, и голоса... голоса звучали в голове. Я думал, схожу с ума.

— И что помогло? — спросил Демид.

— Писк. И амулет отца. И... — он запнулся. — И мысль о том, что Лекс придёт. Или отец.

— А если бы не пришли? — спросил Прохор.

Грым остановился, обернулся. В свете фонаря его лицо казалось бледным, почти прозрачным, но глаза горели.

— Тогда бы я всё равно вышел. Потому что там, наверху, меня ждали.

Он повернулся и пошёл дальше.

— Слышь, командир, — тихо сказал Прохор, обращаясь к Лексу. — А ты веришь, что мы выйдем?

— Верю, — ответил Лекс. — И вообще, хватит каркать. Нам не только выйти нужно, но и выполнить цель нашего похода. Потому что у нас нет иного выбора.

Зал, в который они вошли, был огромным — настолько, что свет фонарей терялся в темноте, не достигая ни стен, ни потолка. Куполообразный свод уходил вверх и терялся в вышине; казалось, что над головой не камень, а чёрное небо без единой звезды. Это завораживало и одновременно пугало.

Стены были идеально гладкими — как будто полированными, какие-то неведомые мастера отполировали их до зеркального блеска тысячами лет назад. Они отражали свет фонарей, создавая сотни бликов, от которых рябило в глазах. И тишина. Тишина такая, что Лекс слышал биение собственного сердца — глухое, тяжёлое, как удары молота по наковальне.

— Акустическая ловушка, — очень тихо прошептал Грым. — Любой звук усиливается в семь раз. Если кашлянешь — разбудишь стражей.

— Каких стражей? — спросил Демид, оглядываясь.

— Увидишь. Если не будешь держать рот на замке.

Они сняли обувь. Холодный камень обжёг ступни — не физически, а тем особым, глубинным холодом, который проникает в кости. Прохор выругался сквозь зубы, но быстро заткнулся, вспомнив, где находится. Тряпки, заготовленные заранее, легли на пол, и отряд двинулся вперёд — почти беззвучно, стараясь не издавать ни единого звука.

Каждый шаг давался с трудом. Не потому, что было тяжело идти, а потому, что приходилось контролировать каждое движение, каждый вздох. Демид задерживал дыхание так, что лицо его покраснело. Прохор, обычно ворчливый, сейчас молчал, стиснув зубы.

Лекс шёл вторым. Он старался ступать бесшумно, но камень был скользким — покрытым тонкой плёнкой вековой пыли, которая превращалась в смазку под весом тела. Нога подвернулась на невидимой неровности, он, потеряв равновесие, больно ударился плечом о стену.

Гулкий, низкий звук разнёсся по залу, как удар колокола в полночь.

— Чёрт... — прошептал Лекс, замирая.

На стенах, там, где свет не доставал, что-то шевельнулось. Тени. Но не те, что отбрасывают люди. Живые тени — они перетекали, пульсировали, вытягивались к отряду длинными, тонкими щупальцами. От них веяло холодом — не физическим, а ментальным, ледяным, проникающим в самую глубину сознания.

— Бежим, — одними губами скомандовал Лекс.

Они рванули к выходу, уже не особо стараясь не шуметь. Тени задвигались быстрее, щупальца почти коснулись Прохора, когда последний переступил невидимую границу. Щупальца втянулись обратно, тени замерли, и через секунду зал снова стал пустым и безмолвным, ожидая новых неосторожных путников.

— Живы, — выдохнул Прохор, привалившись к стене. — Живы.

— В следующий раз смотри под ноги, — бросил Зураб, но беззлобно.

— Я смотрел. «Это вообще не я споткнулся», — обиженно сказал Прохор.

— Значит, смотри лучше, и поддерживай товарищей, если кто-то будет в беде.

Лекс стоял, прислонившись к стене, чувствовал, как колотится сердце. Руки дрожали — не от страха, от напряжения. Он заставил себя выдохнуть и шагнуть дальше.

Коридор, в который они вошли, казался самым обычным, если здесь что-то можно было назвать обычным. Те же гладкие стены, тот же гул вентиляции где-то там далеко. Внезапно Писк издал тревожный сигнал — высокий, пронзительный, от которого у Лекса заломило в висках от ощущения предстоящих неприятностей.

— Гра... вита... цион... ная ано... малия, — пропищал дроид. — Поле меняет полярность через каждые двадцать секунд. Рекомендую двигаться быстро и цепляться за стены.

— И что это значит? — спросил Демид, вглядываясь в темноту потолка.

— Это значит, — ответил Грым, указывая вверх, — что, если не успеешь зацепиться, гравитация перевернётся, и потолок станет полом.

Лекс поднял голову. В темноте потолка тускло поблёскивали длинные, уже с налётом ржавчины шипы. На некоторых всё ещё виднелись тёмные пятна — не хотелось думать, что это засохшая кровь, вьёвшаяся в металл за тысячелетия.

— Красота, — прокомментировал Прохор. — Как я люблю это место.

— Заткнись и двигайся, — сказал Зураб.

Грым первым шагнул в коридор. Секунда — он шёл нормально. Двадцатая — его ноги оторвались от пола, и он повис в воздухе, вцепившись в выступ на стене. Писк заверещал, но удержался на плече.

— Давай! — крикнул Лекс.

Зураб рванул следом. Демид — за ним. Прохор — последним.

Смена гравитации. Тела потянуло вниз, заставив присесть. Бег, прыжки, хватка за стены — каждый сантиметр пути давался с боем. Пальцы скользили по гладкому камню, ноги не находили опоры.

Демид оступился. В самый неподходящий момент, когда гравитация снова переключилась, его нога не нашла опоры, и его понесло вверх — прямо к шипам, которые уже ждали новую жертву.

— Держи! — заорал Прохор, бросаясь вперёд и хватая Демиду за лодыжку.

Вес двоих потянул вниз, но гравитация была на стороне потолка. Прохор заскрипел зубами, его пальцы скользили по сапогу Демида, кровь из сорванных ногтей закапала на пол.

— Отпусти! — закричал Демид, глядя, как шипы приближаются. — Упадёшь со мной!

— Заткнись! — рявкнул Прохор. — Я тебя не брошу! Слышишь?! Не брошу!

Лекс, не раздумывая, прыгнул, ухватился за ремень Прохора. Зураб — за ногу Лекса. Гравитация сменилась в последний раз — и вся связка рухнула на пол, больно ударившись о камни.

Демид лежал на спине, тяжело дыша. Из рассечённой брови текла кровь, заливая глаз, смешиваясь со слезами.

— Жить будешь? — спросил Прохор, помогая ему подняться.

— Буду, — прохрипел Демид. — Спасибо.

— Не за что. В следующий раз смотри под ноги.

— Я смотрел.

— Значит, смотри лучше.

Зураб подошёл к ним, молча похлопал обоих по плечам. Ничего не сказал — и не нужно было.

— Пошли, — устало бросил он. — Дальше — зал с дроидами. Там отдыха тоже не будет.

Зал с дроидами встретил их гулом и запахом озона. Гул был низким, вибрирующим — он проникал в грудь, заставлял ныть зубы. Озон щипал ноздри, напоминая запах грозы, только многократно усиленный.

Вдоль стен, в нишах, стояли десятки мёртвых машин — их сенсоры погасли, манипуляторы безжизненно свисали, покрытые паутиной и пылью. Но три — в центре — светились багровым, пульсировали в такт чему-то невидимому. Их корпуса были покрыты царапинами и вмятинами, кое-где виднелись следы старой крови — чьей-то, давно высохшей.

— Они активны, — сказал Писк. — Программы повреждены. Идентифицируют всё живое как угрозу безопасности. Рекомендую уничтожить как можно быстрее.

— Сколько их? — спросил Зураб, сжимая топор.

— Трое. Но они связаны в сеть. Если атаковать одного, остальные придут на помощь.

— Тогда бьём всех сразу, — решил Лекс. — Зураб, ты берёшь левого. Демид и Прохор — правого. Я — центрального.

— А если не получится? — спросил Демид, и голос его дрогнул.

— Получится, хватит кликать беду.

Дроиды ожили. Их манипуляторы завращались, превратившись в острое оружие — лезвия, свёрла, клешни, покрытые засохшей кровью и ржавчиной. Они двигались быстро, почти бесшумно, скользя по полу, как насекомые. Их багровые глаза сканировали пространство, фиксируя каждое движение.

Зураб атаковал первым. Топор описал дугу, лезвие скользнуло по бронированному корпусу, высекая сноп искр. Дроид ответил ударом — острая клешня пропорола воздух вблизи от лица кузнеца, оставив на щеке тонкий кровавый след.

— Крепкий, гад, — выдохнул Зураб, уклоняясь от следующего удара.

Демид и Прохор отвлекли второго дроида. Демид стрелял из арбалета, болты вонзались в корпус, но не причиняли серьёзного вреда — только оставляли вмятины. Прохор бил ножом, целя в сочленения, пытаясь добраться до проводки. Металл звенел, искры летели во все стороны.

— Не пробить! — заорал Прохор, когда дроид ударил его в плечо, отбросив к стене. — Броня слишком толстая!

— Держите их! — крикнул Лекс, активируя эфирное зрение на полную мощность.

Боль привычно кольнула висок — не такая острая, но всё же режущая, будто кто-то вогнал раскалённое шило прямо в мозг. Перед глазами вспыхнули линии — структура дро-

идов, их энергетические центры, слабые места. Он видел, как эфир перетекает от одного к другому, пульсирует, усиливается. И главное — центральный блок управления, спрятанный за бронеплитой у третьего дроида.

Он рванул к нему, уворачиваясь от ударов. Дроид заметил движение, развернулся, занёс лезвие. Лекс упал на колени, пропуская удар над головой, и в тот же миг вонзил отмычку в разъём на груди дроида.

Мир взорвался образами.

Он видел сеть, связывающую дроидов. Видел, как энергия перетекает от одного к другому, пульсирует, усиливается. Видел, где можно разорвать цепь — одно слабое место, один узел, который держит всё.

— Есть!

Одним движением он отключил центральный блок. Дроиды замерли. Их багровые глаза погасли, манипуляторы безжизненно повисли.

Лекс сидел на коленях, тяжело дыша. Из носа текла кровь — горячая, солёная, попадала на губы, подбородок, куртку. В ушах звенело.

— Живы? — спросил он, вытирая лицо рукавом.

— Живы, — ответил Зураб. Он держался за плечо — клешня всё-таки достала его, оставив неглубокую царапину. — Но в следующий раз предупреждай, когда собираешься вырубить свет.

— Предупреждаю, — усмехнулся Лекс. — Следующий раз будет через десять минут.

— Шутник мать его, — буркнул Прохор, но в голосе его не было злости. Он помог Лексу подняться. — Идём, командир. Дальше, вроде бы двери, и этих железных болванов не видно.

Дверь была массивной — нет, этого слова было недостаточно, она была МАССИВНОЙ: метра четыре в высоту, из тёмного с зеленоватым отливом, неизвестного сплава. Они были чисты, не то что там грязные — их не тронула ржавчина, они были именно чисты, как будто их каждый день протирали. На панели рядом с дверью светились символы — замысловатые, переливающиеся, живые. Они двигались, перетекая из одной формы в другую, и от этой пляски света у Лекса рябило в глазах.

— Загадка, — сказал Грым, подходя ближе. — Архитектор Нулевой предупреждал. Это не просто проверка знаний. Это проверка... понимания.

Лекс подошёл к панели. Символы складывались в слова — древние, на языке Древних, который он учил по ночам, когда Айрин спала у него на плече. Но на этот раз слова были не простыми. Они пульсировали, меняли порядок, перестраивались.

«Три сестры стоят у реки. Одна смотрит в прошлое, видит, что было. Вторая смотрит в будущее, видит, что будет. Третья смотрит в себя, видит, что есть. В каком порядке они должны войти в воду, чтобы река не разгневалась?»

Лекс замер. Он понял, что это не про сестёр. Это про них. Про отряд. Про то, как они действуют. Один смотрит назад — помнит, что уже прошли, какие ошибки совершили. Второй смотрит вперёд — видит цель, знает, куда идти. Третий смотрит внутрь — понимает свои силы, свои страхи, свою цену.

— Первой входит та, что смотрит в себя, — медленно произнёс Лекс. — Потому что без понимания себя нельзя понять ни прошлого, ни будущего. Второй — та, что смотрит в прошлое. Чтобы не повторять ошибок. Третьей — та, что смотрит в будущее. Когда путь уже понят.

Он коснулся панели в том порядке, который назвал.

Символы вспыхнули ярче, потом погасли. Дверь, издав протяжный скрежет, медленно поползла в стороны.

— Ничего себе, командир... — протянул Прохор, почесав затылок. — А я думал, это про каких-то баб.

— Заткнись, — беззлобно сказал Зураб.

Из открывшегося проёма пахло холодом. Не тем, что бывает в горах — другим, глубинным, вечным, от которого стыла кровь в жилах. И голосом, который не был голосом в привычном смысле. Он звучал прямо в голове, заставляя ныть все кости от резонанса.

«Наследник. Ты пришёл. Мы ждали».

— Кто здесь? — спросил Лекс, шагнув в темноту.

Ответа не было. Только гул вентиляции и далёкое эхо собственных шагов.

Зал, открывшийся за дверью, был, мягко говоря, огромен. Ряды стеллажей уходили в темноту, заставленные ящиками, контейнерами, капсулами. Воздух здесь был сухим, стерильным — не таким, как в тоннелях. Пахло металлом и чем-то ещё — древним, забытым, но не враждебным.

В центре, на невысоком постаменте, лежали слитки. Они были тёмно-серебристыми, с мерцающими вкраплениями, похожими на звёзды. Лекс подошёл ближе и заметил, что вкрапления движутся — медленно, почти незаметно, перетекая из одного места в другое.

— Это оно, — прошептал Грым, подходя ближе. — Выплавлено из упавших звёзд. Звёздное железо.

Лекс взял один слиток. Он был тяжёлым — тяжелее, чем казалось, — холодным, но от него исходило странное тепло. Будто внутри, в самой глубине металла, теплилась искра, живая, пульсирующая.

— Сколько? — спросил Зураб, оглядывая ряды.

— Много, очень много, хватит не на один клинок, — ответил Грым. — Или не на один хороший выстрел из наших устройств.

— И на то, и на другое, — поправил Лекс. — Забираем всё, что сможем унести. Остальное перепрячем, чтобы не лежали на открытом месте.

Отряд начал собирать слитки, складывая их в мешки. Демид и Прохор работали быстро, но осторожно — металл был ценнее любой добычи, которую они когда-либо видели.

— Смотрите, — вдруг сказал Грым, указывая на стену.

Там, в глубине зала, за рядами стеллажей, тускло светились ещё одни символы. Лекс подошёл ближе, прочитал.

«Здесь покоится память о звёздах, что погибли, чтобы мы жили. Несите этот свет с честью».

— Красиво, — тихо сказал Демид.

— Красиво, — согласился Лекс. — Но не время любоваться. Идём дальше.

Из ниши в стене бесшумно выступила фигура. Трёхметровый голем из того же металла, что и слитки. Его глаза горели холодным голубым светом, а в груди, за прозрачной пластиной, пульсировал кристалл — огромный, пульсирующий в такт чему-то невидимому.

— Наследник, — голос звучал как скрежет камня о камень. — Ты пришёл. Докажи, что достоин нести эту ношу.

— Кто ты? — спросил Лекс, не отступая.

— Я — память. Я — тот, кто хранит то, что нельзя потерять. Я — последний из тех, кто помнит, зачем это было создано.

— Зачем? — спросил Лекс.

— Чтобы дать шанс выжить, — голос голема стал тише, почти человеческим. — Когда эфирная чума пожирала миры, мы ковали этот металл. Он был единственным, что могло остановить тьму. А потом мы ушли. Оставили его здесь. Ждать...

— Ждать кого?

— Тебя.

Голем шагнул вперёд, и от этого шага пол под ногами Лекса дрогнул.

— Зачем тебе это оружие? — спросил голем.

— Чтобы защищать, — ответил Лекс, глядя прямо в кристаллы-глаза.

— От кого?

— От богов. От рабства. От тех, кто считает, что остальные не их расы или веры — скот.

Голем молчал долго. Целую вечность, казалось. Писк на плече Грыма зажужжал тревожно, но не отключался. Амулет на шее Грыма — фигурка молота, подарок отца — вдруг слабо засветился тёплым золотистым светом. Грым заметил это, но ничего не сказал, только крепче сжал его в пальцах.

— Каждая крупинка этого металла — память о погибшей звезде, — наконец произнёс голем. — Неси эту память с честью. И помни: ты не первый, кто пришёл сюда. Но ты первый, кто уйдёт с этим. Живые и боги не главная угроза этому миру.

— Что значит «не первый»? Что значит «не главная угроза»? — спросил Лекс, чувствуя, как холодок пробегает по спине.

— Что значит «не главная»? — переспросил Зураб, нахмурившись. — А кто тогда?

Но голем уже не ответил. Он шагнул назад в нишу и замер. Глаза погасли.

— Всё? — спросил Прохор, сжимая нож.

— Всё, — ответил Грым. — Он нас пропускает.

Лекс стоял, глядя на тёмную нишу. В голове крутились слова: «ты не первый», «не главная угроза». Кто был до него? И что с ним случилось? Что за угроза, о которой молчат даже боги?

— Командир, — позвал Зураб. — Идём.

Лекс кивнул и двинулся к выходу.

Писк издал заинтересованный сигнал — высокий, радостный писк, которого Грым не слышал с тех пор, как они нашли осколок звёздного железа в трещине стены.

— Обнаружен объект, — прохрипел дроид. — Классификация: оборонительная турель Древних, модель М-7. Состояние: нерабочее. Отсутствует кристалл-накопитель. Механические повреждения: заклинивание поворотного механизма, обрыв эфирных жил.

— Что? — Грым поднял голову. — Какая турель, что за механизм такой?

Они прошли в боковой зал. Там, прислонённая к стене, стояла массивная конструкция — трёхное основание, длинный ствол с фокусирующей линзой, панель управления с потухшими кристаллами.

— Мать честная... — выдохнул Грым, подходя ближе. — Это же то, о чём я читал в архивах Нулевого! Она может бить эфирным лучом на триста-четыре шага. Пробивает магические щиты, броню, даже камень, но с расстоянием убойность теряется.

— Сможем починить? — спросил Лекс.

Грым обошёл турель, заглянул в панель, коснулся ствола. Потом вздохнул.

— Нужен мощный кристалл-накопитель, замена эфирных жил, смазка механизма. И время. Много времени и работы.

— Сколько?

— Неделя. Может, две.

— Забираем, — решил Лекс. — На базе разберёмся, но это наш дополнительный козырь.

Отряд с трудом вытащил тяжёлую турель из арсенала. Зураб ворчал, пыхтел, но взвалил на плечо часть конструкции. Демид и Прохор потащили основание. Лекс нёс мешки со слитками. Грым шёл впереди с частью поклажи, освещая путь.

— Тяжёлая, зараза, — проворчал Зураб. — Как сто чертей.

— Зато нужная, — ответил Лекс. — Терпи. Считаю, что ты несёшь сотни спасённых жизней людей и не только из нашей базы.

— Терплю, — буркнул Зураб. — Но, когда вернёмся, прямо на пороге брошу, и ты сам её в кузницу затащишь.

— Договорились.

Они шли уже больше часа. Турель оказалась чудовищно тяжёлой — даже разобранная на части, она весила, казалось, полтонны, и с каждым шагом эта тяжесть только росла. Зураб, тащивший основание, взмок так, что рубаха прилипла к спине. Демид и Прохор, тащившие ствол и поворотный механизм, двигались как в замедленном сне — каждый шаг давался с хрипом, каждые десять шагов приходилось останавливаться, чтобы перевести дыхание.

— Командир... — прохрипел Прохор, опуская свою часть на камень. — Ещё сто метров — и я эту железяку сам в пропасть сброшу.

— Не сбросишь, — ответил Лекс, тоже останавливаясь. Он нёс мешки со слитками — их вес был не меньше, чем у турели, каждый шаг давался с огромным трудом.

— А давайте бросим её здесь, — предложил Демид, растирая затекшую шею. — Отметим на карте, вернёмся с подмогой.

— Не вернёмся, — отрезал Зураб. Он сидел на камне, вытирая пот с лица. — Эльфы скорее всего уже знают, что мы здесь. Пока мы будем ходить туда-сюда, они сюда отряд пришлют, и смысл тогда будет возвращаться?

— Зураб прав, — сказал Лекс. — Турель тащим с собой. Даже если придётся ползти.

Грым подошёл к турели, проверил крепления. Писк, сидевший у него на плече, издал короткий писк — что-то вроде одобрения.

— Долго ещё? — спросил Прохор, глядя в темноту коридора.

Грым посмотрел на карту, которую достал из-за пазухи. Пальцы его дрожали — от усталости, от напряжения.

— Часа два, если бы мы шли прежним шагом, — ответил он. — А не под гнётом этих железяк. Ну и фактор неожиданностей никто не отменял.

— Два часа? — простонал Прохор. — Я за два часа здесь сдохну.

— Не сдохнешь, — буркнул Зураб, поднимаясь. — Ты живучий, как таракан.

— Спасибо, утешил.

Лекс оглядел отряд. Они выглядели так, будто только что вышли из мясорубки — уставшие, потные, с окровавленными повязками. Но глаза горели. Даже у Прохора, который ныл громче всех, в глазах читалась решимость.

— Отдыхаем десять минут, больше нельзя, иначе потом не встанем, — сказал Лекс. — Потом — вперёд. Ни шагу назад.

— Ни шагу назад, — эхом повторил Грым.

Он достал флягу, сделал глоток, передал Демиду. Тот отхлебнул, передал Прохору. Круговорот воды в этом маленьком, вымороженном мире.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.